

Оглавление

Архиепископ Евлогий. Слово архипастыря	2
Монах Аристоклий. Единое через многоликость	3

Том 1. Зосимовские святые

Прп. схимонах Зосима	7
Прп. схиигумен Герман (Гомзин)	14
Прп. схииеромонах Алексей (Соловьев)	27
Прп. иеромонах Макарий (Моржов)	45
Прп. схиархм. Игнатий (Лебедев)	49
Прп. иеромонах Герасим (Мочалов)	62
Прп. игумен Владимир (Терентьев)	65

Том 2. Зосимовские подвижники благочестия

Архимандрит Павел (Глебов)	70
Блаженный Филиппушка и его сыновья	73
Иеросхимонах Иоанн	82
Иеромонах Мелхиседек (Лихачев)	83
Схиигумен Митрофан (Тихонов)	90
Игумен Никодим (Монин)	94
Иеромонах Досифей (Шонин)	98
Иеромонах Дионисий (Барошников)	100
Иеромонах Галактион (Сергеев)	101
Игумен Иона (Фиргуф)	102
Архимандрит Никита (Курочкин)	105
Архимандрит Зосима (Нилов)	109
Архимандрит Исидор (Скачков)	112
Архимандрит Давид (Бекетов)	118
Игумен Платон (Климов)	119
Иеромонах Софроний (Петров)	122
Иеромонах Феодорит (Кудрявов)	124
Иеромонах Иннокентий (Орешкин)	126
Иеросхимонах Феодосий (Коробкин)	130
Иеромонах Корнилий (Зоря)	130
Иеромонах Евфросин (Данилов)	131
Иеромонах Иоанникий (Каштанов)	133
Иеромонах Серафим (Конюхов)	134
Иеромонах Димитриан (Пфейлитцер фон-Франк)	135
Иеромонах Никон (Демин)	135
Иеромонах Нафанаил (Бочкало)	136
Схимонах Симон (Кожухов)	139

Монах Виталий (Шулепин)	152
Иеродиакон Георгий (Чирков)	154
Послушник Михаил (Дунаев)	155
Послушник Евдоким (Демидов)	159

Приложения

1. Из послужного списка братий монастыря за 1917 г.	160
2. Основные даты и события в истории Свято-Смоленской Зосимовой пустыни	167
3. Дни памяти Зосимовских святых	168
4. Слово епископа Варфоломея (Ремова) на заочном отпевании иеромонаха Мелхиседека	168
Библиография	171
Алфавитный указатель имен	175
Алфавитный указатель географических названий, храмов и монастырей	184
Слово благодарности	191

Слово архипастыря

Зосимовский Патерик — это свидетельство блестящей славы Пустыни, воссиявшей однажды по невидимому Божию изволению в лице ее основателя преподобного Зосимы, не угасшей в ее замечательных подвижниках в последующие века, несмотря на самые жестокие бури времени — явные и потаенные, — но никогда не прекращавшиеся.

Божее как истинное живет вечно. Святые стяжали свое звание потому, что смело предпочли небесное земному, мужественно воплотили Христову веру в жизнь, ярко показав свою любовь как чистую жертву там, где и должны были, сыновне и братски, с упованием на Зиждителя бытия, премудро творящего всегда новое и неповторимое, дивное и славное.

Зосимова пустынь как *град... великого Царя*¹ украшена духоносными и богоносными радателями воли Божией, составляющими обильный собор святых этого земного эдема, благоухание коего неистощимо распространяется и донныне, куда и теперь стекаются люди отовсюду.

Что не имя из лика святых — то изумительная история вхождения свыше душ, приобщившихся к свету вечной жизни.

¹ Мф. 5,35.

Среди них особенно выделяются преподобные Герман и Алексей Зосимовские, удивительным огнем духовного окормления обнимавших огромный русский мир конца XIX начала XX веков. Теперь их святе мощи покоятся в одной раке на месте подвигов своей веры, в соборном храме в честь Смоленской иконы Божией Матери, как исповедников благодатной жизни и прямых свидетелей всеживой силы, обручающей человека Царству Божию еще здесь, на земле, не говоря о несметных благах в будущей жизни, как вершины бытия.

Архиепископ Владимирский и Суздальский
Евлогий.

Единое через многоликость (От составителя)

За те сто с небольшим лет, что прошли с начала новой истории Зосимовой пустыни появилось не так много публикаций, посвященных этой славной обители. Ко времени подготовки данного издания, пожалуй, самой известной из них можно считать «Летописный очерк Зосимовой Смоленской пустыни», составленный накануне первой мировой войны митрополитом Серафимом (Чичаговым)¹. Сохранились воспоминания зосимовских прихожан — опубликованные, рукописные, озвученные в эфире. Все они, как правило, касаются одного или нескольких имен или событий. Однако эти мемуары не лишены субъективности, обусловленной обаянием старцев, под которое неизбежно подпадали их духовные чада — авторы воспоминаний. Надо признать, что и составитель данного патерика, будучи насельником Зосимовой пустыни, не смог избежать подобной субъективности, ведь пространство времени, отделяющее его от описываемых персонажей, составляет, как говорится, всего «одно рукопожатие», а с некоторыми из них, (последний зосимовский старец, иеромонах Евфросин, отошел ко Господу в 1973 году) составитель и вовсе современник.

¹ Первое издание очерка вышло в 1899 году.

Повествуя о насельниках пустыни — от преподобного Зосимы до последнего зосимовского монаха, — патерик через жизнеописания подвижников уточняет некоторые факты, проливает свет на малоизвестные эпизоды в истории обители, дает представление о настроениях и переживаниях монахов.

Так, например, в жизнеописании схимонаха Симона (Кожухова) говорится, что сразу после разгона братии в 1923 году, некоторое время в пустыни содержались малолетние преступники. Знакомясь с житием схиархимандрита Игнатия (Лебедева), можно почерпнуть сведения о состоянии сельского хозяйства монастыря. А печально известный исход отца Германа, который описан во всех источниках как восстание ученика на авву (его даже сравнивают с предательством Иуды) предстает в ином свете из ранее неизвестных фактов биографии этого самого ученика — иеромонаха Ионы (Фиргуфа).

При составлении Патерика Господь даровал обретение имен, практически всех братии Зосимовой пустыни, чему способствовали обнаруженные в Государственном архиве Древних Актов монастырские послужные списки с 1900 по 1917 год. В них зафиксированы и рост числа насельников, и та среда, откуда они вышли, и даже какое образование получили. Если в списке за 1900 год значится всего двадцать один человек (в том числе: три монаха, три иеродиакона и восемь иеромонахов), то на 1917 год приходится шестьдесят семь братий.

Что касается социального состава насельников монастыря, то более девяноста процентов из них — выходцы из крестьянских семей. Несколько — мещан. Еще меньше дворян. Практически нет никого из рабочих. Поражает тот факт, что среди бывших батраков, некоторые из которых родились еще при крепостном праве, почти не было неграмотных. Они либо обучались в приходских, либо в сельских школах, кто-то учился дома. Но начальное образование получали все. Это меняет наше представление о «темноте подневольного крестьянства».

Всего же удалось собрать сведения о восьмидесяти одном насельнике, хотя в некоторых источниках указано, что зосимовской братии было более ста человек. Вероятно рост монастыря продолжался до его закрытия в 1923 году. Но после революции послужные списки уже не составлялись. Последовательность расположения их житий обуславливается той ролью, которую сыграл подвижник в становлении Зосимовой пустыни.

В процессе работы над Патериком выявлены ранее не известные в обители святые новомученики: Герасим (Мочалов) и игумен Владимир (Терентьев) — прославленные в 2000 и 2005 годах. Нельзя не сказать и о пробелах в поиске некоторых архивных свидетельств. К сожалению, не удалось узнать подробности, касающиеся гибели в тюрьме преемника старца Алексия — схиигумена Митрофана (Тихонова); не подтвержден документально трагический финал жизненного подвига отца Досифея (Шонина), не разгадана тайна кончины в концлагере одного из немногих зосимовцев из дворян — иеромонаха Димитриана (Пфейлицера фон Франка).

Установлено, что каждый зосимовский насельник, чья судьба после закрытия пустыни известна, был репрессирован. Исключение составляет лишь преподобный Алексей, скончавшийся незадолго до начала массовых арестов.

Легко заметить, что жизнеописания разновелики по объему. Это обусловлено наличием выявленных источников. Некоторые биографии составлены по материалам недавно вышедших книг. Таковы, например, очерки жизни преподобного Германа (по работе А. Светозарского); подобного Алексия и схимонаха Симона (по книгам священномученика протоиерея Илии и Евгении Четверухиных); игумена Платона и архимандрита Никиты (по замечательной книге Г. И. Катышева). Но следует подчеркнуть, что и подобные авторские версии при подготовке Патерики подкреплены изучением архивных документов.

«Малые» жития — назовем их так — составлялись на основе лаконичных послужных списков, хранящихся в Государственном архиве

древних актов РФ, упоминаний в следственных делах и случайно обнаруженных источников.

При изучении разного рода материалов установлен тот факт, что сам преподобный Зосима не являлся зачинателем традиций духовного окормления Свято-Смоленской обители. Старца правильнее считать ее первопоселенцем. Лет через десять после его преставления братия разошлась, да и в дальнейшем обитель то возрождалась, то умирала. А вот Строителя пустыни игумена Германа по праву можно считать основателем недолго существовавшей, славной школы зосимовского старчества. Жизнеописание преподобного Германа дает возможность проследить истоки ее зарождения.

Так схиигумен Герман был духовным учеником Гефсиманского старца-затворника Александра (Стрыгина; † 1878), который вместе с преподобным Авросием Оптинским, окормлялся у основателя оптинского старчества Льва (Наголкина; † 1891). Тот, в свою очередь, был сподвижником Клеопы II (†1817) и старца Феодора († 1822), постриженников и продолжателей дела преподобного Пассия Величковского († 1794), поборника строгого монашеского уклада, сотаинника афонских иноков-исихастов.

Таким образом истоки зосимовского старчества подпитывались из недр Вертограда Божией Матери — Святого Афона. Отсюда и проникновенность зосимовских служб, и особая торжественность зосимовского пения, и духовная негибаемость ее старцев — новомучеников и исповедников, просиявших в лике святых.

В начале XX века с уходом из жизни преподобного Варнавы, Гефсиманского старца, оптинских подвижников оплотом российского старчества становится Зосимова пустынь, которую стали называть «Северная Оптина». Сотни людей разных сословий — от простых крестьян до царствующих особ окормлялись в стенах этой обители. Святитель Тихон и меценат Третьяков, священники Павел Флоренский, Алексей Мечев, писатель Иван Шмелев, владыки Владимир (Богоявленский), Серафим

(Чичагов), Марк (Новоселов), Вениамин (Федченков), Арсений (Жадановский); философ А.Ф. Лосев, Великая Княгиня Елизавета Федоровна... Судьбы этих и других знаменитостей тесно связаны с историей Свято-Смоленской Зосимовой пустыни и жизнью ее старцев.

Монах Аристоклий. Владимирская епархия.

Свято-Смоленская Зосимова пустынь

Том I. Зосимовские святые

Преподобный старец схимонах Зосима, пустынножитель и чудотворец Владимирский

На берегу небольшой речки Молохчи, возвышается холм, чьи склоны некогда были покрыты густым еловым бором. Тишина и безмолвие царили здесь. Лишь неугомонный щебет птиц да завывания метелей — все о свою пору — нарушали царящее затишье.

Место это укрылось в стороне от торговой, так называемой «средней», дороги из Александрова к Троице, в Переяславль-Залесском уезде, в Кинильском стане, в даче пустоши, называемой Ульянина, издавна принадлежавшей сельцу Каравайкову и составлявшей до 20-х годов XVIII столетия вместе с двадцатью тремя пустошами, родовую вотчину господ Тимоновых.

Не без воли Божией, в неведомый день последней четверти XVII века, посетил эту пустошь старец Зосима, призываемый Богом к

уединенной, отшельнической жизни. По душе пришлось старцу покойное место, значительно удаленное от людского жилья.

Отшельник помолился Богу, испросил откровения Его святой воли и, познав в своем чистом сердце, что именно этот уединенный уголок предназначен ему для подвижничества и пустынножительства, остался здесь навсегда. Он поставил тут деревянную часовню и келью и начал вести безмолвную жизнь, руководствуясь в своих подвигах и лишениях примером подвижничества преподобного Сергия, житие которого ему, как добродетельному иноку Свято-Троицкой Сергиевой обители, было хорошо известно не только по книгам, но и по преданиям.

Кельей схимонаха Зосимы была тесная, малая изба, в углу которой размещалось все его богатство — несколько образов. Пни в лесу служили сиденьем и местом отдыха. Близ речки Молохчи он собственноручно вырыл колодец, доставлявший ему прекрасную ключевую воду.

Старец Зосима был избранником Божиим. Жизнь в лесной пустоши, удаленной от человеческих взоров, не устраивается по произволу и разуму человеческому; она определяется по особому смотрению, призванию и откровению Божию. Блаженный подвижник был из числа тех людей, о которых св. апостол Павел говорит, что они *скитались, ... терпя недостатки, скорби, озлобления, и весь мир не был достоин их*¹. Мир, по своему недостоинству, сначала не понимает великих молитвенников, но затем в какой-то момент прозревает и начинает их ценить, ищет в пустынях.

Неизвестно, с каких лет был иноком блаженный старец схимонах Зосима, но, вероятно, он был призван Господом с малолетства. В этом убеждают нас его высокие добродетели. Чтобы достичь чистоты сердца, сделаться обителью Духа Святого и быть призванным к уединенному жительству в пустыни — надо трудиться на пути духовного делания очень

¹ Евр. 11, 37—38.

долго, много десятков лет быть истинным монахом. А истинный монах только тот, говорит св. Иоанн Лествичник, кто во всяком месте и деле, во всякое время руководствуется единственно Божьими заповедями и Божьим словом. Только исполнители правды Божией могут возобладать над своим сердцем и своею плотью. Инок должен сперва обучаться деланию заповедей в обществе человеческом, где духовное делание сопряжено с деланием телесным, а потом уже, достигнув достаточного преуспеяния, заняться исключительно и духовным деланием в отшельничестве или в безмолвии, если окажется способным к тому. Но далеко не каждый способен к безмолвию и отшельничеству.

Чтобы сделаться способным к пустынножительству надо много лет трудиться, терпеть искушения и скорби, бороться со страстями. Без сомнения, старец Зосима много лет монашествовал, жил сперва под руководством опытных старцев, стремился к совершенству, был исполнителем правды Божией, получил все блага и Дары, какие только мыслимо приобрести подвижнической жизнью в монастыре, но, по заповеди Христовой, восхотел окончательно распять свою плоть на кресте отшельничества, и удалился к совершенно уединенной созерцательной и мученической жизни, подражая вере великого и преподобного наставника Свято-Троицкой обители.

Он явился на указанную ему Господом, благословенную Ульянину пустошь уже будучи схимонахом. Крестьяне окрестных сел, в числе которых был и Семен Ермолаев и Иван Прокофьев, жившие уже в XIX веке, показывали, что место это издревле называлось пустынькою; был тут монастырь и церковь, но в чье имя не известно; разрушена во время нашествия Литвы и поляков; после того остались тут только два отшельника: схимонах Зосима и его келейник Иона; на месте церкви

Зосима приказал плотнику, крестьянину села Никульское Андрею Кляузину, построить часовню.

Неизвестно, сколько лет провел схимонах Зосима в отшельничестве, пока открыл его мир, и народ стал стекаться к нему толпами за советом и наставлениями, но, во всяком случае, слава его возросла не ранее, как за десять лет до смерти.

«Монах подобен воину, идущему на брань, который отовсюду ограждает тело свое полным вооружением, — говорит преподобный Ефрем Сирин, — трезвится до самой победы, и беспокоится, чтобы вдруг не напал на него враг, и чтобы ему, если не примет предосторожностей, не попасть в плен»¹.

«Какой ум может представить себе и какой язык сможет передать желания святого,— по словам блаженного Елифания, ученика преподобного Сергия, описавшего его житие, — его первоначальное рвение, любовь к Богу, тайную доблесть его подвига; возможно ли правдиво описать уединение святого, его дерзновение, стенания, непрестанные молитвы, которые он обращал к Богу; кто расскажет о его слезах теплых, душевном плаче, сердечных воздыханиях, всенощных бдениях, усердном пении, непрестанных молитвах, стоянии без отдыха, прилежном чтении, частых коленопреклонениях, голоде, жажде, лежании на земле, духовной нищете, во всем скудости и недостатке: что ни назови — ничего не было. Прибавим ко всему этому борьбу с бесами — видимые и невидимые сражения, столкновения, страхования от демонов, дьявольские наваждения, страшилища пустыни, ожидание неизвестных бед, встречи и нападения свирепых зверей»².

¹ Добротолюбие. Т. II. М. 1913. стр 435.

² Житие и подвиги Сергия Радонежского. Мн. Лучи Софии. 2008. Стр.62

Все подвижники испытывают в пустынях, как говорили раньше, страхования и, конечно, отец Зосима прошел чрез ту же борьбу с демонами, как и преподобный Сергей, которого мучили полчища бесов. Об этом мог бы поведать спутник его по отшельничеству, монах Иона, но, вероятно, он был неграмотный, а позднейшие пустынножители не озаботились описать житие своего мудрого духовного отца и наставника.

Драгоценным вкладом в житие Зосимы служит небольшая тетрадь¹, вмещающая в себе рассказ уже слепого старца Симеона Ермолаева, который был несколько лет сторожем у могилы Зосимы и хорошо помнившего многое из рассказов своих предков. В ней говорится, что отец Зосима отличался большим умом, был человеком святой жизни; к нему стекались со всех сторон благочестивые люди за наставлением.

Молва о подвигах отшельника привлекала к нему не только желавших подражать ему и следовать за ним по избранному пути жития иноческого, но даже и лиц Царской фамилии. Чтила старца сестра Петра Великого, царевна Наталия Алексеевна. Приезжали знатные люди, вельможи и дворяне. На пожертвования царевны Натальи выстроили особую часовню, которую богомольцы разукрасили образами, двор с кельей и омшаник для пчел. Около отца Зосимы мало-помалу собрались иноки, в числе которых предание помимо Ионы называет и Кирилла. Здесь образовалось некое подобие пустынного общежития.

Несомненно, что схимонах Зосима обладал великим и редким даром совета, так называемого старчества. Народ к нему притекал толпами; он с каждым беседовал, как проповедник и учитель; ему были искренно и сердечно преданы все окрестные жители, — почему крестьяне с такою любовью и хранили не только могилу схимонаха, но и передавали из поколения в поколение предания о его житии.

¹ Среди источников своего очерка прп. Серафим указывает тетрадку, писанную со слов старца Симеона. В настоящее время не обнаружена.

В одно из своих посещений царевна нашла старца Зосиму очень больным, сильно огорчилась и просила его келейника Иону дать ей знать в Москву в случае кончины пустынника. «Я приеду к нему на погребение», — сказала она. Вскоре после ее отъезда, в половине июня, старец скончался. Говорили, будто бы он завещал похоронить его без всяких почестей, а в случае же неисполнения этой его воли, он более ста лет не явится людям. Но известно, что сейчас же после его преставления отправили гонца в Москву. Известие о кончине старца застало Царевну больной; она не могла приехать, но будто бы пожертвовала большую сумму на погребение и прислала архиерея и певчих, чтобы похоронить его со всеми почестями. Могилу себе он ископал ранее и выложил ее кирпичом. Погребение, как передавали предки, было великолепное; народу стеклось очень много.

Это было, по исследованию летописцев, в 1710—1713 г.г.

Для богомольцев кончина блаженного старца, то, что они потеряли в его лице дивного молитвенника, было великим горем. Народ притекал в часовню Ульяниной пустыни, чтобы проститься со старцем, лежавшим нетленно в гробу, на виду всех, в продолжение трех недель. По неложному слову Писания, Господь не дал преподобному Своему *видети истления*¹.

Господь умножал Свои благодатные силы на могиле подвижника. Чудеса по молитвам старца Зосимы все более и более укрепляли веру в его святость, люди сохраняли благоговейную память о нем самом, и о пустыни. В середине XIX века на месте бывшей часовни стоял большой липовый крест с врезанным в середину малым литым медным крестом. Однако со временем народа приходило все меньше и о пустыньке постепенно стали забывать.

¹ Деян. 2, 27; Псал. 15, 10.

Преподобный Серафим, ссылаясь все на того же старца Симеона Ермолаева, сообщает, что, примерно, в середине XIX века происходили случаи явлений Зосимы пильщикам леса. Там же пастухи видели огонь. Праведный старец Симеон раскопал то место и нашел могилу, выложенную камнем. Увидел и даже коснулся нетленного гроба. Дивное благоухание разлилось вокруг, и старец со своим помощником решили снять крышку, как вдруг ударил сильный гром, сделалось темно от тучи... Когда закончили пилку дров, то неизвестно от чего вся пустошь загорелась. Испуганный Симеон взял крест и обошел с ним пожарище, огонь сразу погас.

Вера в целительную силу была так велика, что местные крестьянки приносили своих недужных деток на могилку старца.

Случаи исцелений продолжают и в наши дни. В 2001 году жительница Сергиева Посада Данилова Надежда Тимофеевна, посетив Зосимову пустынь, собрала на раке преподобного капельки масла и смазала болячку, которую врачи безуспешно пробовали удалить в течение пяти лет — кожа вскоре очистилась.

21 мая 2006 года Лазарева А. В. из поселка Бужаниново привезла потерявшего зрение сына на колодец прп. Зосимы. После того, как глаза промыли, юноша сразу начал различать цвета, пошел процесс восстановления и, спустя некоторое время, зрение полностью восстановилось.

Прославлен старец Зосима был уже в конце двадцатого века. 26 июля 1994 года Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в сопровождении епископов Владимирского и Суздальского Евлогия, Истринского Арсения, наместника Троице-Сергиевой Лавры Феоноста и других совершил молебен новопрославленному местночтимому святому Зосиме.

Память преподобному Зосиме, пустынножителю, Владимирскому чудотворцу празднуется 15/28 июня и 13/26 июля.

Преподобный старче Зосимо моли Бога о нас!

Тропарь преподобному схимонаху Зосиме, пустынножителю,
Владимирскому чудотворцу.
Глас 4-ый

Добродетелию препоясався, / стяжал еси дух мирен в житии твоём, /
подражая доблественне подвигом преподобнаго аввы Сергия, / устроителя
Троицкия обители, / из нея же исшел в место пустынное / и тамо, победив
демонския полки, / прославился еси яко истинный воин Христов. / Темже
почитающе память твою / с верою вопием ти: / спасай нас молитвами твоими,
Зосимо, преподобне отче наш.

Кондак преподобному Зосиме, пустынножителю, Владимирскому
чудотворцу.
Глас 4-ый

Доброплодная отрасль древа благочестия явился еси, / преподобне отче
Зосимо. / и яко финикс процвел еси в пустыном житии, / сияя светом любве
всем притекающим к тебе с верою, / даруя просящим исцеления в болезнях
душевных и телесных, / сего ради усердно взываем ти: / моли за ны ко
Господу да спасет души наша.

Величание

Ублажаем тя, / преподобне старче наш
Зосимо, / и чтим святую память твою, / наставниче монахов / и собеседниче
ангелов.

Преподобный схиигумен Герман,
Строитель¹ Зосимовой пустыни

¹Официальный титул, звание руководителя создаваемого или восстанавливаемого монастыря. В архивных документах написание с заглавной буквы.

Преподобный схиигумен Герман, в миру — Гавриил Гомзин, родился в 1844 году, 20 марта, в Страстной Понедельник. В Великую Пятницу младенца крестили и нарекли Гавриилом, а на Светлое Христово Воскресение пришлось в том году его первые именины — Собор Архангела Гавриила.

Господь судил Своему верному рабу явиться на свет в тихом подмосковном городке Звенигороде, овеянном древними преданиями русской старины и осененном именем ученика преподобного Сергия Радонежского — преподобного Саввы Сторожевского, чья святая обитель расположена в полутора верстах от городской черты, на горе Стороже.

С первых дней жизни мальчика окружала атмосфера патриархальной русской семьи, проникнутая духом благочестия, добродетеля, ежедневного труда и праздничного отдохновения. Родители Гани,—так по домашнему звали Гавриила — Симеон Матвеевич и Марфа Федотовна — любили храм Божий, были людьми простыми и сердечными, старались в обыденных житейских делах следовать заповедям Божиим, творить милостыню и помогать ближним. Отец владел ремеслом стекольщика. С тяжелым ящиком на плече обходил он городские улочки, выполнял заказы горожан и часто возвращался домой с пустой сумой и без денег. С тех, кто не мог заплатить, Симеон денег не требовал, хотя семья у стекольщика была большая: жена, три дочери да пятеро сыновей, с ними жила и бабушка. Всех он должен был содержать. Но все как-то улаживалось с Божией помощью. Заботы о хлебе насущном Симеон Гомзин оставлял, когда, преступив порог храма Божия, вставал на клирос и приятным басом воспевал Господу песнь хвалы и благодарения. Он вообще любил петь: пел дома, пел, возвращаясь с работы.

Ребятишки, получившие по отцу «уличную» фамилию Басовы, едва слышат знакомый голос, тотчас убегали в дом,. А там прятались кто куда: отец уличных игр не любил, считал их занятием пустым и бесполезным, а шалунов наказывал заслушание. Кормильца встречала у порога бабушка-заступница и просила прощения у него и за себя, и за всех детей.

Четырех лет от роду Ганя лишился матери. В 1848 году Марфа Федотовна скончалась при родах дочери Анастасии в день Казанской Божией Матери года в возрасте тридцати семи лет. Гавриила взяла на воспитание тетка, Матрена Матвеевна Бабкина, — родная сестра отца, которая была мальчику крестной матерью, Ганя ходил в школу, особенно нравились ему уроки Закона Божия, да и другими предметами он занимался охотно и учиться любил. После окончания начальной школы хотел поступать в уездное училище, для чего нужны были деньги — пять рублей на покупку новых учебников. Отец денег не дал, решил, что это слишком большая сумма, а тетка сказала: «Много людей без этого живут. Поучился, и довольно».

Впоследствии отец Герман будет вспоминать с сожалением о том, что так рано оставил учебу. Но пока беспечная юность взяла свое, и

мальчик даже обрадовался, что не нужно больше ходить на уроки. Когда ему исполнилось девять лет, отец ушел в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры, где принял постриг, а Гавриил стал прислуживать в кабачке, который содержал один из его братьев. Это продолжалось почти два года. Постоянные драки, сквернословие, похабные рассказы, пьяные песни — сама атмосфера питейного заведения не могла, конечно, оказывать благотворного влияния на юную душу. В Саввином монастыре, напротив которого стоял дом тетки, пятьдесят лет жил иеромонах Даниил, родной дядя Гани. Он все звал племянника к себе в монастырь, но тот стремился к отцу, ушедшему в Гефсиманский скит и просил дядю и схимника Иоанна — будущего Строителя Зосимовой пустыни в 1890–1897 годах: «Научите меня монашеству». «Да какое наше монашество? А как постригли меня, да на другой же день дали палку в руки и собирать послали на обители — вот какое нынче монашество», — отвечал схимник.

Как только появилась возможность, его забрал к себе в Москву брат Алексей, живший между Протопоповским переулком и Грохольской улицей.

«Ух, уж ты избаловался в кабачке», — сказал Алексей при первой встрече с братишкой и как следует «оттаскал его». А затем стал прилагать все усилия, чтобы вывести Гавриила в люди, дать ему какое-либо ремесло. Сам Алексей немного рисовал и приохотил к этому делу брата, преподав ему первые уроки, затем отдал его в обучение к живописцу Василию Яковлеву, который жил в Звонарском переулке у Николы в Звонарях. Там мальчик прожил четыре года. Потом — еще четыре года — у другого мастера, пока не постиг живописное дело в достаточной степени, чтобы работать самостоятельно.

Москва с ее святынями, многочисленными монастырями и храмами произвела большое впечатление на благочестивого отрока. В праздничные и воскресные дни посещал он кремлевские соборы и иноческие обители, особенно любил молиться в храмах Чудова, Сретенского, Богоявленского и Новодевичьего монастырей, с величайшим благоговением вступал он под своды кремлевского Успенского собора. Именно этот, московский, период заложил духовные основы в будущем подвижнике, у него появился навык молитвы, зародилось и окрепло желание оставить мир и посвятить себя служению Богу. Впоследствии отец Герман с чувством глубокой благодарности вспоминал священника церкви при Набилковской богадельне Иоанна — своего первого духовника, которому однажды на исповеди сказал о желании принять монашество. Набилковская богадельня — целый комплекс благотворительных заведений — находилась в районе Мещанских улиц, и Гавриил, живший неподалеку, часто там молился. И батюшка, и прихожане хорошо знали мальчика, приходившего в храм в испачканном красками халатике и с жаром молившегося в продолжение

всего богослужения. Священник привечал юного богомольца, давал ему книги духовного содержания, исповедовал и наставлял.

Среди духовных писателей юный Гавриил особенно выделял святителей Тихона Задонского и Димитрия Ростовского. С их творениями он познакомился в отрочестве и до конца дней глубоко чтит этих учителей Православия.

В двенадцать лет Гавриил Гомзин окончательно решил, что будет монахом, но желанию этому суждено было осуществиться нескоро...

В сентябре 1859 года, когда Гавриилу было пятнадцать лет, отец опасно заболел и был привезен из Гефсиманского скита в Москву для лечения. Вечером в воскресенье 19 сентября у постели умирающего в Мариинской больнице Симеона Матвеевича собрались сыновья: Алексей, Василий и младший, Гавриил. Отец уже был так слаб, что не мог поднять руки, чтобы благословить детей. Гавриил, возложив себе на голову отцовскую десницу, мысленно произнес: «Батюшка, благословите меня вместо себя в монастырь пойти».

Сказать об этом вслух он боялся. Рядом были старшие братья, приложившие немало усилий, чтобы устроить младшенького, помочь ему заработать свой кусок хлеба и теплый угол. Тем более что сыновья бывшего звенигородского мещанина изрядно преуспели в житейских делах: владели трактирами и питейными заведениями в Москве и Петербурге. Им хотелось, чтобы и брат их жил зажиточно и благополучно, приумножая капиталы и расширяя дело.

Со времени кончины отца прошло два года. Гавриил перебрался по настоянию одного из братьев в Санкт-Петербург. Родные убеждали его оставить малоодоходное занятие живописью и предлагали участие в торговых предприятиях. Братья выкупили Гавриила из рекрутов, заплатив пятьдесят рублей — сумму по тем временам значительную. Это еще больше усилило моральную зависимость Гавриила от них. Помнил юноша и наставления опытных духовников, не советовавших поступать в монастырь до достижения 25-летнего возраста. Но столица с ее соблазнами, образ жизни, который вели родственники, шумные компании, поездки в театр и, наконец, намерение братьев поскорее женить Гавриила — все это укрепило юношу в решимости открыться. Он рассказал брату о своем желании и «родительском благословении», на что тот ответил:

— Если отец благословил, значит, на то Божья воля.

Вскоре Гавриил посетил Гефсиманский скит с твердым намерением остаться там навсегда.

В Гефсимании он бывал и раньше, еще семнадцатилетним и тогда жепросил разрешения поселиться в скиту, но благословения не получил. И вот теперь он, по его собственным словам, «не шел, а на крыльях летел туда» и «отшлепал ноги», добираясь от Москвы до Сергиева Посада пешком. Скитоначальника на месте не оказалось. Видя в этом особое указание Промысла Божия, Гавриил решил, что ему отпущено время для

осуществления давнишней заветной мечты: сходить на поклонение святым угодникам в Киев. По железной дороге он добрался до Тулы, потом вместе с обозом до Ельца, где остановился в Троицком монастыре, братия которого помогла добраться до Задонска. Удалось Гавриилу побывать и в Воронеже у мощей святителя Митрофана. Но до Киева он так и не добрался. Пришло время возвращаться в Москву.

Словно бы на прощание юноша выполнил просьбу брата Алексея: написал для церкви во имя святого мученика Трифона иконы святителя Алексия, митрополита Московского, и святой мученицы Параскевы (имена этих святых носили брат и его жена). Завершив работу, ставшую для Гани своеобразным экзаменом на владение мастерством, он решительно заявил родственникам, что уходит в скит.

— Гаврила Семеныч, зачем вам это? Можно ведь спастись и здесь, — говорили ему близкие.

— Спасайтесь, если можете, а я не могу, — смиренно отвечал будущий старец.

20 февраля 1868 года, на второй неделе Великого поста, Гавриил Гомзин поступил в Гефсиманский скит, начало которому было положено в 1844 году благословением святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и трудами его духовника архимандрита Антония, наместника Лавры. Этот «молодой» монастырь в окрестностях Троице-Сергиевой Лавры прославился ко времени поступления в него Гавриила сонмом иноков-подвижников.

Благословением Царицы Небесной в новоустроенной обители, в ее пещерном храме, явилась знаменитая впоследствии Черниговская икона Божией Матери, прославившаяся многими чудотворениями. Первое чудо от иконы — исцеление расслабленной крестьянки Феклы Адриановой — совершилось уже после поступления Гавриила Гомзина в обитель.

К моменту пострига Гавриила в рясофор, 25 июня 1870 года, в скиту пребывали два старца: иеромонах Тихон и иеросхимонах Александр. Так было угодно Господу, чтобы новоначальный инок последовательно проходил науку монашеского жития сначала у одного из них, потом у другого.

Отец Тихон — ученик оптинского иеросхимонаха Феодота, некоторое время подвизавшегося в скиту Параклит близ Лавры, отличался простотой, глубочайшим смирением, удивительным умением говорить с каждым, кто обращался к нему. Любовь и сострадание старца к людям были так велики, что он нередко плакал, принимая исповедь, и ласковым задушевным словом утешал кающихся грешников. Именно к нему, начальнику и братскому духовнику скитских пещер, и поступил в послушание Гавриил.

Дело было так: один иеродиакон из братии отвел Гавриила к отцу Тихону, говоря, что отец Александр очень строг, а этот батюшка — простой и добрый. И с этого времени отец Гавриил стал ходить к отцу

Тихону открывать свои помыслы, просить советов и наставлений. Впоследствии схиигумен Герман так вспоминал о своем первом старце:

«Простой он был такой и такой любвеобильный. Бывало, придешь к нему, а стулья у него все завалены одежей, и он говорит:

— Ну, *парташенька*, скидывай на пол одежонку, садись. Давай чай пить.

И тут, за чаем, ему все говоришь и расскажешь про себя, что на душе, да и то, что против него думаешь и что против него говорят; а он отвечает, бывало:

— А ты ко мне не как к старцу, а как к брату ходи; а брат от брата утверждается, яко град тверд».

Почти четыре года пробыл отец Гавриил в послушании у отца Тихона, пока не призвал его другой гефсиманский подвижник — иеросхимонах Александр. Этот дивный старец, прошедший сорок лет жизни в иночестве и из них десять лет в затворе, был в учениках у знаменитого оптинского старца отца Леонида вместе с преподобным Амвросием Оптинским, который впоследствии присылал своих духовных чад на исповедь к отцу Александру. С двенадцати летнего возраста будущий подвижник приобрел навык Иисусовой молитвы. В Гефсиманию он поступил в 1851 году по благословению святителя Филарета Московского, а в 1871 году в первый день августа месяца он по благословению архимандрита Антония, наместника Троице-Сергиевой Лавры, — ушел в затвор. С этого-то памятного дня и стал келейничать у отца Александра будущий схиигумен Герман.

Перед тем как удалиться в затвор, отец Александр попросил как-то отца Гавриила прибраться у себя в келлии, затем стал все чаще приглашать его к себе за каким-нибудь делом и, наконец, переговорив предварительно с настоятелем, сказал отцу Тихону:

— Я у тебя ученика хочу отнять.

— Ну что же? Бери, пожалуйста, пусть он тебе послужит, — благодушно ответил старец.

«Так меня из полы в полу передали», — вспоминал об этом случае отец Герман, всегда с любовью чтивший память обоих старцев, особенно — отца Александра, от которого он, по его собственным словам, получил сугубую душевную пользу.

«Великий это был старец, — говорил он впоследствии своим ученикам, — молитвенник, делатель молитвы Иисусовой. Зайдешь к нему, бывало, благословение взять ко всенощной идти, а он сидит и весь погружен в молитву. Вернувшись от всенощной, зайдешь к нему опять, он сидит на том же месте, и весь ушел в молитву.

— Ты разве в церковь не ходил? — спрашивает меня.

Он и не замечал, сколько прошло времени, а прошло четыре часа»...

Вспоминая свои первые шаги на поприще иночества, схиигумен Герман говорил, что в скиту у него было «два столпа»: старец и игумен. Старец

учил унижать и укорять себя постоянно, в монастыре учили знать лишь церковь, келлию, трапезу и старца. Кроме послушания у отца Александра Гавриил ежедневно по два часа нес в храме чреду по чтению Псалтири и писал иконы. Поступая в обитель, он скрыл, что владеет ремеслом живописца, полагая, что по делам своим достоин лишь послушания на кухне. Но кто-то из его прежних знакомых открыл «тайну» монастырскому начальству, и Гавриилу определено было проходить послушание иконописное. Первая икона, написанная им в скиту, — Черниговский образ Божией Матери, помещенный на монастырскую колокольню. Его кисти принадлежали также изображение Скорбящей Божией Матери в притворе Черниговского храма над пещерами, портреты старца отца Александра и скитоначальника архимандрита Антония. Им были отреставрированы почти все иконы пещерного храма, иконы и настенные росписи Иверской часовни. Всего отец Германа написал двадцать четыре иконы. Среди них образы Нерукотворный образ Спаса, Успение Богородицы, Тихвинская икона Божией Матери...

С иконописным послушанием связан один примечательный эпизод.. Как-то приехав на богомолье в Киев, отец Герман побывал в часовне, принадлежавшей одному женскому монастырю. Там он увидел Черниговскую икону Божией Матери и... узнал свою работу. Подойдя поближе, он разглядел и подпись: «Писал рясофорный монах Гавриил. Гефсиманский скит. 1874 год». Икона была окружена особым почитанием.. Отец Герман спросил о причинах такого благоговейного отношения к иконе и услышал в ответ:

— Потому что она чудотворная.

К образу Владычицы были привешены отлитые из золота и серебра изображения рук, ног, голов — приношения в свидетельство о чудесных исцелениях.

29 ноября 1877 года Гавриила Гомзина постригли в мантию и нарекли Германом, в честь святителя Германа, архиепископа Казанского. Восприемником на постриге был его старец отец Александр.

После кончины любимого старца отец Герман в продолжение девяти лет искал себе духовного руководителя. Он вступил в переписку с валаамскими старцами и святителем Феофаном Затворником. По свидетельству самого отца Германа, святой епископ «добре устроил» его. Впоследствии переписка двух подвижников была издана в виде брошюры под названием «Ответы епископа Феофана, Затворника Вышенской пустыни, на вопросы инока о молитве». На суд святителя отдал отец Герман и свои записки о почившем старце отце Александре. Сначала он отправил воспоминания преподобному Амвросию Оптинскому и затем, получив его одобрение, — святителю Феофану, который, исправив кое-что, в письме к отцу Герману посоветовал издать записки, прибавив, что «держат их под спудом было бы не совсем безгрешно». Ученые иеромонахи из духовных чад отца Германа еще раз просмотрели и отредактировали рукопись, которую затем и издали.

5 июля 1880 года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков) рукоположил в Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры инокa Германа во иеродиаконы. В 1885 году, 17 августа, в день скитского праздника «Вознесения Божией Матери», иеродиакон Герман был рукоположен во иеромонаха. Чин иерейской хиротонии над ним совершил митрополит Иоанникий (Руднев).

Вскоре после этого многие из скитской братии, а также некоторые иноки Лавры и студенты Московской Духовной Академии стали обращаться к отцу Герману за духовными наставлениями. Это смущало подвижника, и он обратился за разрешением недоумения к Вышенскому Затворнику. Святитель Феофан благословил иеромонаха Германа принимать приходящих и даже дал ему наказ: никому не отказывать и всех принимать с любовью. Через некоторое время (13 марта 1892 года) отец Герман был утвержден должности братского духовника Гефсиманского скита, а в 1893 году он был назначен еще и духовником больницы и богаделенного скита.

В этот период отец Герман был уже известен многим иерархам Церкви, инокам, взыскующим подлинной духовной жизни. Его имя было окружено глубочайшим уважением в Московской Духовной Академии. В числе духовных чад старца были ректор академии архимандрит Антоний (Храповицкий), впоследствии митрополит; архимандрит Чудова монастыря Арсений (Жадановский), впоследствии архиепископ Серпуховской; игуменья Иоанна — настоятельница Аносина Борисоглебского монастыря, как его называли, «женская Оптиная пустынь», и многие другие выдающиеся личности.

С 26 сентября 1897 года в жизни подвижника начался новый этап, связанный с настоятельством в Зосимовой пустыни...

Удалившись из Гефсиманского скита с тринадцатью учениками¹, отец Герман, напутствуемый молитвами и благословениями своего сподвижника отца Варнавы Гефсиманского — известного на всю Россию старца, принялся за внешнее и внутреннее устройство Зосимовой пустыни.

«Встретили меня с иконою; и я привез с собой икону, какую игуменья из женской Зосимовой пустыни² прислала мне в благословение, чтобы внеси с собою в обитель. Урядник встретил нас. А в пустыни рыбы нет: щи горькие из сырой капусты. Пошли, чайку попили, потом ввели меня в церковь, многолетие мне сказали... Потом ввели меня в наместнические покои, в келлию отца Павла; ввел меня сам наместник: кушетка стоит, а в ней нет ни гвоздочка; а в шкафу ризница, и ничего в ней нет... На другой

¹ На момент издания Патерика установлено только десять имен. — *Сост.*

² Троице-Одигитриевская Зосимова пустынь.

день сразу же ввел я уставную службу. А потом мы начали с отцом Иоанном разбирать бумаги...»¹.

Все в обители требовало его непрестанных забот; всюду он должен был поспевать. И на стройке, и в трапезной, и в храме за богослужением, и на монастырских послушаниях — всюду надо было вводить благочиние и порядок, истинный строй жизни, проникнутый молитвой и покаянием, строй, при котором не мешкают и не поспевают, но все совершают во благовремени. «И вот здесь я весь в дела ушел, о молитве не радел; из Марии в Марфу превратился».

Митрополит Серафим (Чичагов), (в то время иеромонах Серафим) писал в своем очерке о Зосимовой времен настоятельства отца Германа:

«Около отца Германа собрались монашествующие, как простосердечные дети около любимого отца. Не скроются эти подвижники и боголюбивые труженики от взора народа, ищущего правды духовной, их скоро найдут скорбящие, недужные, страждущие, и просветится обитель блаженного схимонаха Зосимы! Тогда мир устремится искать себе отрады, облегчения, утешения в эту самую пустынь, которую злоба мира хотела уничтожить до основания.

Не увидит здесь мир ли довольства, ни покоя, а будет свидетелем бедности, недостатков, трудов и древнего монастырского порядка, длинных служб по церковному уставу. Стройное, старинное пение, так называемое столповое, произведет совершенно иное впечатление, чем обычное светское пение в городах. Увидит мир, как совершается ежедневно к вечеру монашеское правило по Саровскому уставу со многочисленными поклонами, с умною молитвою, со слезными прошениями и воздыханиями за благодетелей, попечителей, жертвователей обители, а также и за обидящих, осуждающих по неведению. Братия живет по примеру святых отцов под руководством своих старцев, открывая им ежедневно свои помышления. Живущие здесь монахи — истинные труженики: летом работают на огородах, косят сено, чистят лес. Это занятие для свободного времени, для отдыха. Не прекращается работа в мастерских, келлиях...»².

Прошел один год настоятельства отца Германа, и 24 октября 1898 года, в Зосимову пустынь поступил бывший протопресвитер Большого Успенского собора Московского Кремля отец Феодор Соловьев, а 30 ноября того же года он принял постриг от руки отца Германа и был наречен Алексием в честь святителя Алексия, митрополита Московского. Так начал свой иноческий путь знаменитый старец Алексей Зосимовский — ученик и сотаинник схиигумена Германа, великий молитвенник и знаток человеческих душ.

3 июня 1902 года отец Герман был возведен в сан игумена. При нем Зосимова обитель обрела свой величественный вид: три храма, братские

¹ Митрополит Вениамин (Федченков). Божьи люди. М. 2004. стр. 85.

² Митрополит Серафим (Чичагов). Да будет воля Твоя. Часть I. Стр. 375

корпуса, часовни, склады и хозяйственные постройки были обнесены высокой кирпичной стеной, над которой парила высокая, трехъярусная колокольня с установленными в 1912 году курантами.

Весь архитектурный комплекс монастыря создавался по проектам лаврского архитектора Латкова.

Но главным строительством преподобного Германа было то незримое возрождение школы зосимовского старчества, привлекавшая в пустынь тысячи паломников со всей России, недаром православные нарекли ее Северной Оптиной.

В основу сего действования положил отец Герман такое правило: внешнее созидание монастыря должно способствовать внутреннему устройству братии. Исходя из этого, он скупает вокруг пустыни участки земли, дабы предупредить появление вблизи обители дач и поселков. С той же целью не проводит шоссе к станции, отводит вдаль проезжую дорогу, спасая иноков от шума и соприкосновения с мирскими людьми; делает в разных местах ограждения, что затрудняло, с одной стороны, выход братии из обители, а с другой, вход в нее посторонним лицам;. В обители устраиваются корпуса со множеством помещений, что давало возможность каждому монаху жить в отдельной келье и удобно подвизаться. Отец игумен благословляет физическую работу для всех насельников, не исключая и старших, не ради прибытка и корысти, а для того, чтобы облегчить борьбу с плотью; ибо он хорошо знал, что труд, соединенный с молитвой, угашает пламень страстей. Он обеспечивает братию пищей, одеждой, топливом и всем необходимым, дабы материальные лишения не повергали их в скорби и не нарушали бы духовного равновесия. Благоукрашает храмы, равно как и всю обитель, и тем возвышает дух ее насельников, укрепляет любовь, привязанность их к своему монастырю.

В деле воспитания иноков отец Герман и чисто духовные средства. Так, прежде всего потребовал он неопустительного посещения церковных служб и особенно полунощницы и утрени. Старец обыкновенно говорил словами святых отцов: «Утренняя есть жертва наша Богу, тогда как Божественная литургия — жертва Господа за нас». Ввел авва и строго уставное богослужение с умирительным пустынным напевом, регентовал один из его учеников, иеромонах Нафанаил.

Зосимовский «Блажен муж», «Хвалите имя Господне», ектеньи глубоко ложатся на сердце и никогда не забываются.

Отец Герман установил везде и во всем порядок: в церкви, на клиросе, в трапезе, на послушаниях; искоренил среди братий такие пороки, как своеволие, пристрастие к вину, к табаку и шатанию по миру, и, что самое главное, озаботился духовным окормлением братии. Будучи учеником славного наставника — отца Александра, он видел в старчестве великую силу нравственного созидания инока.

Отец игумен вырастил целую плеяду иеромонахов, получивших широкую известность у богомольцев, претерпевших впоследствии гонения и много пострадавших. Преподобный схиархимандрит Игнатий, преподобный

игумен Владимир, преподобный иеромонах Макарий, преподобный иеромонах Герасим, благочинный пустыни иеромонах Мелхиседек, казначей монастыря, впоследствии схиигумен, Митрофан, иеромонах Досифей, иеромонах Феодорит, иеромонах Никодим, схииеромонах Иннокентий — это те, кто нес на себе крест духовничества наряду с аввой Германом и старцем Алексеем.

Рядом с отцом Германом оказываются будущие подвижники: архимандрит Зосима, архимандрит Никита, игумен Платон, иеромонах Софроний и другие братья, пострадавшие за веру Христову в годы лихолетья. Отовсюду приходили в пустынь мирские люди, ища молитвы, покаяния, совета и утешения.

В эти годы в монастыре получали духовное окормление Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, сестры Марфо-Мариинской обители, высшие сановники государства, иерархи Церкви. В Зосимову стекались сотни и тысячи богомольцев со всей необъятной России. Пустынь стала одним из духовных центров русского Православия. Офицеры и чиновники, священники и монахи, крестьяне и ремесленники, промышленники и торговцы все они, мужчины и женщины, старики и молодежь, молодые супруги и юные девы, принимая наставления зосимовских старцев, уносили с собой в мир особый свет пустыни, словно бы отблеск Света Невечернего.

Отец Герман являл собой пример строгого инока. Ежедневно он посещал храм и только в крайнем случае вычитывал службу в келлии. Удивительна была его любовь к дому Божиему. Когда во время болезни ему предлагали посидеть в келлии и не ходить на полунощницу, он говорил:

«Как вы жестоки ко мне, не хотите, чтобы я умер в храме. Ведь это для инока истинное счастье, возделенное благо; монаху ли нежиться в келии, когда он должен принадлежать Богу».

Та же ревность о спасении заставляла его не предаваться продолжительному сну. Он спал в подряснике, то и дело вставая с постели, чтобы положить несколько поклонов или потянуть четки с Иисусовой молитвой. В какое бы время не входили к нему братья, всегда заставляли его бодрствующим. Помимо всех других достоинств, старец имел дар самоукорения, нередко затевал войну с самим собой.

Но отец Герман, как и подобает истинному подвижнику, будь то монах или мирянин, переживал и скорби. По временам — тяжкие. Бывали и искушения. Один из учеников, казначей пустыни иеромонах Иона, пришедший вместе с отцом Германом из Гефсиманского скита, восстал на своего авву. В обители поднялся ропот, и дело закончилось переводом игумена Германа в Троицкий Стефанов-Махрищский монастырь Владимирской епархии. В этот же монастырь от подобных нестроений удалялся некогда и преподобный Сергей Радонежский.

В «ссылку» отец Герман прибыл 14 сентября 1909 года, когда Святая Церковь вспоминает изгнание святого Иоанна Златоуста из

Константинополя. К высокопреосвященному Владимиру, митрополиту Московскому, обратилась с письмом группа известных всей Империи лиц, в том числе: С. Булгаков, М. Новоселов, Л. Тихомиров, И. Фудель, просивших вернуть настоятеля в пустынь: «Зосимовский монастырь был и остается тем светлым оазисом среди пустыни, где все жаждущие духовного наставления и укрепления находили незаменимое утешение и удовлетворение. Между тем, обитель эта и вещественно и духовно была создана неустанными трудами досточтимого отца Германа. Личная его строгая подвижническая жизнь, его духовность и сердечная теплота отражались на строе и духовной атмосфере всей окружающей его монастырской общины...». За старца хлопотала великая княгиня Елисавета Феодоровна и усердно молилась за него, вычитывая еженощно акафист Божией Матери в честь Ее иконы «Всех скорбящих Радосте»...

Краткое пребывание игумена в Махре ознаменовалось двумя пожарами в обители. А уже 6 ноября отец Герман получил повеление вернуться обратно. Через десять дней он снова был в Зосимовой.

Авторитет зосимовского настоятеля был столь высок, что к нему за поддержкой обратились не только гонимые афонские делатели Иисусовой молитвы, но и Владыка Макарий, Митрополит Московский, просил отца Германа дать свое суждение об афонских спорах.

20 мая 1911 года идейный лидер имяславцев, схимонах Иларион обращается к отцу Герману с просьбой «походатайствовать перед начальством — духовным и светским о кровных нуждах Кавказских пустынножителей»¹

На оба эти обращения старец отвечал: «Молитва Иисусова есть дело сокровенное, а потому возникшие разногласия следовало бы покрыть любовью».

Молитвенному деланию и, в частности, Иисусовой молитве зосимовский подвижник предавал огромное значение:

«Особенно же в молитве Иисусовой надо ожидать каждое мгновение нападения от врага. Когда помолишься, как должно, — ожидай того, что не должно. Надо бдительно стоять на страже сердца, чтобы при первом наступлении бить супостата именем Иисусовым, ибо нет для него более страшного оружия ни на земле, ни на небе. *«В терпении вашем стяжите души ваши»*².

Вечером 28 июля 1916 года в своей келье игумен Герман принял пострижение в великую схиму от руки епископа Арсения (Жадановского). С этого момента помыслы старца были всецело заняты достойным приготовлением к блаженной вечности.

Когда исполнилось 50 лет монашества отца Германа, преданные ему чада хлопотали о том, чтобы почтить подвижника митрой. Но лаврское

¹ К тому моменту афонские имяславцы были выдворены из Свято-Пантелеимонова монастыря в Россию. — *Сост.*

² Лк. 21, 19.

начальство ограничилось награждением палицей и наперсным крестом с украшениями от Святейшего Патриарха. Надевая их на старца, епископ Арсений сказал: «Для тебя не важно, конечно, сами по себе награды земные, ибо ты ищешь единой почести у Господа Бога...»

Имея дар рассуждения, отец Герман хорошо распознавал духовную прелесть. Многим, так называемым блаженным, носящим вериги, чугунные шапки, посохи, предсказывающим и бегающим зимой босиком, он не доверял, а нечувствительность их к холоду объяснял простым горячением крови.

После бесед со старцем его духовные чада чувствовали, как водворяются в сердцах их спокойствие; дурное и греховное отходило прочь, на место им являлись высокие и светлые намерения.

В последние дни схиигумен Герман тяжело болел и переживал, что разлучен с храмовым богослужением. Он с нетерпением ожидал момента причащения Святых Тайн, которые принимал ежедневно. От физической слабости старец сделался словно прозрачным и настолько похудел, что иеромонах Мелхиседек носил его в храм на руках.

Вечером 17 января 1923 года схиигумен Герман окончил свой земной путь и преставился ко Господу, сопровождаемый молитвами и скорбными слезами братии и тех, кто почитал его при жизни. Последними словами батюшки были:

— Нам нужно всем готовиться в небесные обители!

Первую панихиду над усопшим совершил старец Алексей, он же прочел канон на исход души. Три дня тело покойного было в келлии, где почти непрерывно совершались панихиды. Когда выносили старца, отец Алексей, оставив свое уединение, вышел из затвора, чтобы дать последнее целование умершему наставнику.

По окончании отпевания гроб обнесли внутри собора и при пении опустили в могилу, приготовленную у правой стены Зосимовского придела.

Старец предсказывал, что, пока он жив, обитель его не закроют. И действительно, Зосимова пустынь была окончательно закрыта через два месяца после погребения отца Германа.

«Душа, взлетевшая по смерти на воздух, в двери небесные, в себе и с собою имеющая Христа, не устрашится там врагов своих, но дерзновенно будет говорить с ними. Посрамив их у дверей райских, она радостно перейдет оттуда в вечные обители Горнего Царства и неудержимо волеет струю своей непрерывающейся песни (молитвы Иисусовой) в потоки сладости райских песен, неустанно восхваляющих Божию Славу, и соединится с ними навек для нескончаемого, блаженного славословия Господу Сил!» Так пророчествовал отец Герман в своих наставлениях. «Заветы схиигумена Германа о молитвенном делании» были изданы в Берлине в 1923 году его духовными чадами.

В настоящее время мощи прославленного в 2000 году преподобного схиигумена Германа Зосимовского, Владимирского чудотворца, хранятся

в раке в честь Смоленской иконы Паресвятой Богородицы собора пустыни.

Память совершается 1/14 сентября и 17/30 января.

Преподобный отче Германе, моли Бога о нас!

Тропарь преподобному Герману схиигумену Зосимовскому, Владимирскому чудотворцу.

Глас 2-ый.

Божественныя молитвы ревнителю, / преподобнаго Зосимы образ явивый /
устроителю знаменитыя пустыни, / богомыслие и старчество в ней
насадивый, / добродетельми щедро украшенный, / постническое и
равноангельское жите показавый. / Преподобне отче Германе, наставниче и
пустынножителю, / поминай нас у престола Вседержителя, / чтущих
любовию честную память твою.

Кондак преподобному Герману схиигумену Зосимовскому, Владимирскому чудотворцу.

Глас 6 - ый.

В преподобстве и правде пожив, / отче Германе преславне, / многим путь
явился еси ко спасению. / Та же молитву божественную насадив во иноцех
твоих, / стезю твою к Богу праву содела.

Величание

Ублажаем тя, / преподобне старче наш Германе, / и чтим святую память твою, /
наставниче монахов, / и собеседниче ангелов.

Преподобный иеросхимонах Алексей

Один из самых славных и почитаемых старцев XX века, преподобный Алексей Зосимовский, родился 17 января 1846 года в Москве в семье настоятеля московского храма во имя преподобного Симеона Столпника за Яузой. При крещении младенца нарекли Феодором, в честь великомученика Феодора Тирона (память 17 февраля).

Отец, потомственный священник, протоирей Алексей Петрович Соловьев (1804–1882), был родом из города Дмитрова. Незаурядные способности, высокие нравственные качества позволили ему закончить местное духовное училище первым по списку и продолжить образование в Вифанской семинарии вблизи Сергиева Посада. После семинарии он сразу поступает в Духовную Академию, в которой получает степень магистра и профессорскую должность. Помимо служения в храме отец Алексей был благочинным, преподавал в 3-й мужской гимназии и в Практической академии (учебное заведение, готовившее детей почетных граждан к коммерческой деятельности). За сорокалетнюю педагогическую деятельность ему было пожаловано потомственное дворянство.

В 1835 году Алексей Петрович женится на Марии Федоровне Протопоповой, дочери священника церкви Пятницкого кладбища, и по ее желанию через два года переезжает в Москву. Мать старца Алексия была женщиной глубоко православной, доброй и милосердной. Помимо семьи она приняла на себя заботу о рано осиротевших брате и сестре. Своих детей у нее было десятеро: две девочки и восемь мальчиков. После ее смерти от холеры в 1854 году остались сиротами старшая дочь Анна (в замужестве Владимирская), восьмилетний Федя и младшая Катя (в замужестве Беневоленская). До некоторой степени мать им заменили бабушка по отцу Анна Андреевна и няня Татьяна, которую старец вспоминал с любовью. Но главная забота о детях легла на плечи отца. Своей лаской и нежностью он добивался от них полнейшей открытости и такого же послушания. Огорчить отца было для детей мукой мученической.

С малых лет Федор отличался серьезностью, не шалил, уклонялся от веселых забав. Мальчик очень любил музыку и, научившись играть на рояле, исполнял церковные песнопения. Обладатель отличного голоса он с малых лет пел в хоре. Самыми любимыми у него были ирмосы покаянного канона: «Яко по суху пешествовав Израиль» и другие. Федор также прислуживал в алтаре своему отцу.

Начальной грамоте Федора учил будущий тесть, диакон соседней церкви, Павел Смирнов. А по достижении мальчиком определенного возраста его отдали в Андрониевское духовное училище. В этот период с ним случилось несчастье: когда он звонил на колокольне, язык колокола ударил его, и мальчик потерял сознание. В результате он ослеп на один глаз. Тем не менее, в 1866 году юноша заканчивает Московскую семинарию по первому разряду. Продолжить образование в академии Федор не захотел, так как не чувствовал в себе призвания к богословской науке. Он хотел служить Господу в скромном звании приходского диакона.

Перед получением сана Федор Алексеевич женился на любимой с детства Анне Павловне Смирновой, старшей дочери друга их семьи, к тому времени уже священника церкви во имя святого Климента, папы Римского на Варварке. Венчание было 12 февраля 1867 года, а рукоположение состоялось 19 февраля в Чудовом монастыре. Митрополит Московский Филарет

назначил отца Феодора в церковь святителя Николая в Толмачах, которой покровительствовал.

Первые годы служения для молодого диакона стали самыми благодатными. Прихожанам и настоятелю он пришелся по душе своей скромностью, отзывчивостью, почтительным отношением к старшим, благоговейным служением. Семейная жизнь также складывалась благополучно. Кроткая и добрая жена Аннушка в тоже время отличалась живостью и общительностью: молодые часто принимали у себя гостей. Отец Феодор купил фисгармонию, научился играть на ней и исполнял различные пьесы, отрывки из опер, романсы и церковную музыку. Часто пел под собственный аккомпанемент.

23 июля 1868 года у них родился сын Михаил... А через пять лет произошло следующее. Аня попросила Федора пойти с ней в гости, но он почему-то не захотел и решительно отказался. По дороге, переходя улицу, она провалилась в сугроб и промочила ноги. Простуда перешла в скоротечную чахотку, и в январе 1872 года Анна скончалась. Для отца Феодора это был страшный удар, он не смог простить себе, что не согласился сопровождать жену. Когда отпевали Анну Павловну, у него не было сил служить. Он стоял рядом с гробом, неотрывно смотрел на любимое лицо, и слезы катились по его щекам...

Начиналась иная, одинокая, жизнь.

Значительное влияние на судьбу и духовное совершенствование отца Феодора оказал настоятель Толмачевской церкви протоиерей Василий Петрович Нечаев. Отец Василий был мудрым человеком, и люди часто пользовались его советами. Прихожане уважали его за благоговейное служение, доброе и чуткое сердце. С 1860 года при Толмачевском храме издавался известный журнал «Душеполезное чтение», редактором и основным автором которого был настоятель. В начале 1880-х годов при церкви создается хороший профессиональный хор под управлением регента Ф.А. Багрецова.

Отец Василий любил молодого человека и относился к нему по-отечески. По смерти Анны Павловны, дабы вывести отца Феодора из состояния непомерной тоски, настоятель загрузил его работой в журнале. Редакционные заботы пробудили интерес к литературной деятельности, и отец Феодор стал писать статьи, некоторые из которых были изданы отдельными брошюрами. Первым печатным трудом начинающего автора стала краткая история Николо-Толмачевской церкви¹, составленная по материалам местного архива. Стоит упомянуть и о последней печатной работе уже иеромонаха Алексия. Это была статья в мартовском номере того же журнала за 1899 год в связи со смертью основателя знаменитой галереи Павла Михайловича Третьякова, прихожанина и благотворителя Толмачевского храма.

Отец Феодор много читал: богословские статьи, святоотеческие творения, словом, — религиозную литературу. Писательские сочинения не любил, Л.

¹ Дьякон Ф. Соловьев. Московская Николаевская в Толмачах церковь. М., 1871.

Толстого резко осуждал, говоря, что он отчуждает людей от церкви. Прочитав по совету друзей роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», он сказал, что ему понравились страницы о старце Зосиме, но в романе много грязи.

Кроме богослужений в храме, отец Феодор участвовал вместе с отцом Алексием Мечевым, тогда еще диаконом, в так называемых, народных чтениях. Одновременно безвозмездно преподавал Закон Божий в сиротском приюте, а также в частном приюте Смирновой и в домах прихожан, в частности, у известного философа-славянофила Ю.Ф. Самарина. Позднее старец Алексей вспоминал, что ему приходилось принимать участие в интереснейших беседах, завсегдатаями которых были графиня Сологуб, князь Черкасский, И.С. Аксаков, братья Васильчиковы, Бутурлины, князь Оболенский, — а в конце 70-х годов в этом обществе стал появляться молодой, но уже получивший известность философ Владимир Соловьев. Эти встречи расширили кругозор будущего старца и научили общению с представителями высшего общества, что пригодилось, когда к нему стали обращаться высокопоставленные особы. Позднее, в 80-х годах, дво

рец графини Сологуб купила казна и учредила в нем 6-ю мужскую гимназию. В ней учились известные в последствии писатели Иван Шмелев и Николай Дурново, с теплом вспоминая доброго диакона отца Феодора, приходившего к ним служить молебны. Они часто встречали его перед уроками, когда отец диакон возвращался после ранней обедни, окруженный толпой нищих.

Кроме ежедневной раздачи денег отец Феодор многих принимал и кормил дома. Однажды на улице диакон снял с себя верхнюю рясу и отдал дрожавшему от холода бедняку. Он был настоящим бесребренником.

Преодолев мешавшую ему природную неловкость и нерасторопность, отец диакон добился образцового церковного служения. Он был небольшого роста, но с хорошей осанкой, ходил степенно, с достоинством, кадил, крестился и кланялся истово, его чтение было выразительным, четким, слова были слышны и понятны всем стоящим в храме, любил петь вместе с хором. Отец Феодор был необычайно благочестивым и усердным церковнослужителем: всегда приходил в храм первым, а уходил последним. Перед уходом обязательно обходил весь храм и молился, кладя поклоны перед каждой иконой.

После того, как в 1889 году отец Василий Нечаев принял монашество с именем Виссарион, прихожане очень хотели, чтобы священником у них стал отец Феодор, но тот решительно отказался, считая, что окормлять такой приход должен более мудрый священнослужитель. Им стал известный богослов, великий молитвенник, сердечный человек, бывший профессор Московской Духовной академии протоиерей Дмитрий Федорович Касицын.

7 апреля 1892 года, с благословения митрополита Московского и по единодушному желанию причта и прихожан, был отмечен 25-летний юбилей служения отца Феодора в Николо-Толмачевском храме. Ему преподнесли

икону святителя Николая в богатой серебряной ризе и приветственный адрес. В нем, в частности, говорилось: «В ...истории Церкви Христовой встречаются нередкие примеры, что лица, в иерархическом отношении бывшие только диаконами, оказывали влияние на Церковь несравненно большее, и Вы, высокочтимый Федор Алексеевич, состоя в сане только священнодиакона, на самом деле действительно и истинно, по силе своего влияния, как бы местоблюститель сего святого храма Божия... И надежды всего прихода починут именно на Вас, все уверены, что Вы все предусмотрите и совершите во всякой святине и со страхом Божиим, как перед лицом Самого Всевидящего Господа, что к Вам и смело, и со всей откровенностью может обращаться каждый и во всякое время, что любвеобильно выслушаете его, от искреннего и доброго сердца подадите добрый совет и окажете всякое содействие и вспомоществование каждому по мере надобности и возможности...»

В эти же дни отец Федор получил письмо от своего бывшего наставника Преосвященного Виссариона: «Многоуважаемый отец диакон Федор Алексеевич! Прошло 25 лет с тех пор, как Вы поступили на священнослужительскую службу в Николо-Толмачевском приходе. Из числа этих 25 годов я имел удовольствие служить 22 года совместно с Вами. За все это время мы дружелюбно относились друг к другу, и я всегда с великим сочувствием взидал на Ваши достолюбезные душевные качества и преползные труды. Ваше всегда благоговейное служение в храме, Ваше смирение и кротость, Ваше строгое воздержание от гнилых и праздных слов, Ваше сердечное участие к радостям и скорбям ближних, готовность помогать им в нуждах, Ваши неутомимые и плодотворные труды в деле законоучительства и назидания — все это и подобное производило на меня благоприятное впечатление и служило к моему назиданию. Сравнивая себя с Вами, я не раз говорил себе: «О, если бы и мне быть таким добрым, как Федор Алексеевич!...»

В 1891 году на месте старого деревянного дома для причта построили новый, кирпичный, более просторный. У отца Феодора, жившего с сыном Михаилом, заканчивавшим Московское Императорское техническое училище, теперь появилась квартира из шести комнат. Жить стало просторней, и это вскоре пригодилось. Заболела теща, Анна Федоровна. Ухаживать за ней было некому, и отец диакон взял ее вместе с младшей дочерью в новую квартиру.

Года через два в Успенском соборе Московского Кремля начались перемены: митрополит Московский Сергей (Ляпидевский) решил восстановить в нем древнее, так называемое «столповое» пение, при котором вместо псаломщиков на клиросе поют пресвитеры и диаконы в унисон. Владыка Сергей знал о прекрасном толмачевском диаконе, и соборяне во главе с протоиереем Н.И. Пшеничниковым — знатоком этого пения, специально переведенным в собор — пришли в Толмачи от имени митрополита уговаривать отца Феодора перейти пресвитером в Успенский собор. Это приглашение было признанием высоких духовных и служебных

качеств отца диакона, но тот сначала отказался. Однако, после обстоятельного разговора с тещей, которую он уважал и слушался, дал согласие.

Так в мае 1895 года Феодор Алексеевич Соловьев после двадцативосьмилетнего служения покинул Николо-Толмачевский приход.

4 июня 1895 года отец Феодор был рукоположен во пресвитера и определен в штат главного собора России. В нем находились великие святыни: Владимирская икона Божией Матери, мощи святителей Петра, Ионы, Филиппа; патриархов Иова и Гермогена. Здесь венчались на царство русские цари и императоры.

Некоторое время отец Феодор пел в «столповом» хоре, а потом перешел в алтарь, чтобы совершать богослужения. Уже через два года по принятии священнического сана он был единогласно избран духовником соборного причта, а еще через год, незадолго до ухода в монастырь, стал протопресвитером и награжден камилавкой.

Отец Феодор пользовался всеобщим уважением и любовью, служил, как всегда, благоговейно, истово и не спеша, часто внеочередно, за других. Из всех святынь собора больше всего батюшка почитал Владимирскую икону Божией Матери, на которой лик Царицы Небесной преисполнен необычайной духовной чистотой. Приходя и покидая собор, он усердно молился перед образом, с радостью служил перед ним молебны. Вот как вспоминал впоследствии старец Алексей о том времени: «Войдешь, бывало, в собор в три часа ночи для служения утрени, и благоговейный трепет охватывает тебя... Всюду тишина. Москва еще спит... В таинственном полумраке храма перед тобой встает вся история России... Чудится покров Божией Матери от Владимирской иконы в години бедствий, проходят тени святителей московских — защитников Отечества и столпов Православия... И хотелось мне тогда молиться за Русь и всех верных чад ее, хотелось всего себя посвятить Богу и уже не возвращаться в суетный мир».

Сначала отец Федор жил в Георгиевском монастыре на Большой Дмитровке, а позже переселился в хорошую квартиру на Воздвиженке. Приходя из собора около двух часов пополудни, раздав, по обыкновению, содержимое кошелька нищим, протопресвитер обедал, после вечерни выпивал две чашки чаю с хлебом и больше ничего не ел до следующего дня. Постепенно его стала тяготить и соборная обстановка, и сами службы, не лишённые суетности, да и времени для уединенных занятий оставалось немного. Он давно ушел бы в монастырь, в тишину и безмолвие, но надо было поставить на ноги сына, содержать тещу и свояченицу. Наконец, Господь устроил все так, что давнее желание отца Феодора могло осуществиться. В апреле 1897 года его теща скончалась, свояченица получила хорошее место, а сын завершил учебу и женился на Ольге Петровне Мотовой, дочери богатого лесопромышленника.

Первоначально отец Феодор не предполагал селиться в Зосимовой пустыни. Он просто искал подходящее место для строго затвора и мечтал о Параклите, пустыньке в лесах за Троицей. Он даже посетил этот скит вместе

со своим племянником-священником и получил благословение от игумена там поселиться. Но Господь определил ему иное место. При повторной поездке в Параклит, в Лавре встретил отец Федор иеромонаха Товию, который, предупредив о сыром климате скита, указал знакомцу на пустыньку близ станции Арсаки.

« ...Пока я ждал лошадь, - вспоминал впоследствии старец, - стою на платформе, смотрю в лес, вижу: из леса выходит высокий старый иеромонах и направляется к станции. Проходит мимо меня и идет к кассе брать билет. Я к нему подхожу, спрашиваю:

— Не из Зосимовой ли пустыни?

— Да, — отвечает, — из Зосимовой.

— Не настоятель ли обители?

— Нет, я в ней сторож, — смиренно отвечает он.

Это был отец Герман, наш теперешний игумен. Тогда я назвался и говорю, что слышал про Зосимову пустынь и очень бы хотел в ней помолиться. Отец Герман очень этому обрадовался и говорит:

— Мне необходимо, отец протоиерей, в Москву съездить по делам, но вы меня непременно дождитесь, я уже завтра обратно буду, моя лошадка вас и подвезет...

Потом мы сели и хорошо, по душам, побеседовали... Отец игумен уехал в Москву, а я отправился в пустынь Зосимовскую...

На следующий день приехал отец игумен... Я...спросил его примет ли он меня в число братии.

— Нет, вам, отец протоиерей, и таким, как вы, совсем другая дорога нужна. Жизнь наша убогая, скромная, а вы не к такой жизни привыкли в столице.

— Я ищу уединения, — ответил я ему на это, — и мечтал о Параклите, но там климат слишком сырой, а я по здоровью сырость не переношу. Здесь я у вас провел два дня и очень мне все нравится, хотел бы остаться.

Отец Герман помолчал немного и потом вдруг спрашивает:

— А что есть самое главное для инока?

— Смирение, — ответил я ему.

И вижу, как от моего ответа просияло лицо отца игумена, и он тихо сказал:

— Да, он из наших...»

Получив благословение свыше, протопресвитер Феодор Соловьев покинул Успенский собор в октябре 1898 года, прослужив в нем три года и четыре месяца. 30 ноября 1898 года он был пострижен игуменом Зосимовой пустыни отцом Германом во иеромонаха с именем Алексий, в честь святителя Алексия, митрополита Московского. Это был и день их венчания с Анной.

Отец Герман, принимая в обитель протопресвитера Успенского собора, всеми уважаемого отца Феодора, очень опасался, что у того могли появиться ростки гордости и самомнения, и он начал смирять отца Алексия. Поэтому первое время тому жилось нелегко. Первыми послушаниями его были

клиросное пение и совершение богослужений. Часто приезжавшие в то время в пустынь богомольцы говорили, что когда отец Алексей пел с хором, его редкий бархатный бас придавал зосимовскому пению особо торжественное звучание. Обращались с ним сурово, ставили во время службы ниже братии, облачения давали самые плохие. Правда, его определили духовником и освободили от тяжелых физических работ. Пришлось терпеть и на клиросе. Регент, иеромонах Нафанаил, резким тоном выговаривал отцу Алексею, когда он стал петь по-соборному:

— Это не Успенский собор, вы не забываетесь, здесь реветь нельзя.

Отец Алексей смиренно, от всей души, просил прощения у отца регента. Тот долгие годы с умилением вспоминал об этом. Но размолвки с отцом Нафанаилом, человеком нервным и беспокойным, повторялись и доставляли отцу Алексею истинное мучение.

Сразу же став духовником отца Алексея, игумен Герман исповедовал его до конца жизни. Он вскоре узнал высокие душевные качества, светлую душу, искреннее смирение, оценил богатый опыт священнослужителя. Настороженность сменилась уважением, а затем и большой любовью. Отец Алексей отвечал взаимностью. Увеличилось и число исповедников: кроме старушек-богомолок, приходивших к нему в первое время, его духовными детьми стали многие молодые монахи. А через несколько лет его духовным сыном стал и сам игумен Герман. Клиросное послушание ему отменили и поручили учить монахов Закону Божию. Три раза в неделю он занимался со своими учениками по вечерам после вечернего правила. Молодые люди приходили уставшие, дремали и плохо понимали батюшку. Но он требовал, чтобы они запоминали все сказанное им, и настаивал, чтобы все слова его повторялись в точности. Движимый страхом Божиим, он во время этих уроков никогда не садился.

Вот как вспоминал в своем дневнике об этом преподобный игумен Владимир: «Монастырские послушания тогда были очень тяжелыми: монастырь только начинался, на уроки мы приходили в 8 ч. Вечера после вечернего правила. Монахи были усталые, часто дремали и плохо внимали урокам Батюшки. Но Батюшка твердо настаивал, чтобы мы его уроки помнили и, после рассказанного им, требовал, чтобы мы повторяли в точности его слова. Но нам было трудно, и мы часто не могли уловить все его слова. Тогда он нас наказывал. Однажды у меня сильно болели зубы, я по ночам почти не спал. Раз о. Алексей задал мне вопрос, на который я не смог ответить, и он меня заставил стоять до конца занятий.

О. Алексей был служащий (очередной) иеромонах, а иеродиакон у него был о. Поликарп. После утрени о. Поликарп сказал о. Алексею: «Батюшка, Вы о. Владимира подняли, сделали ему вопрос, продержали его стоя весь урок, а у него болят зубы: он все ночи не спит, а днем работает и работы у него тяжелые». О. Алексей, слушая этот выговор, смутился, сейчас же приказал послать за мной. Прибежали ко мне, говорят: «Иди как можно скорей в церковь, тебя о. Алексей зовет». Пришел в церковь, в алтарь. О. Алексей, когда меня встретил, тут же упал мне в ноги и стал просить

прощенья: «Прости меня, о. Владимир, что я нехороший поступок сделал, продержал тебя стоя больше часа»¹.

Уроки смирения, преподанные отцу Алексию отцом Германом, не прошли даром. Кому бы старец ни доставлял — нечаянно или по рассеянности — самой малой неприятности, кланялся в ноги и просил прощения. Он поступал так со всеми, даже, как уже говорилось, со своими учениками и келейниками.

Когда уроки по Закону Божию закончились, отец Алексей после ужина читал братии творения святых отцов и делал это до своего ухода в полузатвор. До этого же времени он по праздникам говорил поучения народу. Его проповеди были простыми, полезными и понятными. Незадолго до ухода в полузатвор, он прекратил исповедовать, считая, что это может возбудить в нем тщеславие.

Отец Алексей очень любил природу, но в лес или поле не ходил. Его прогулки ограничивались стенами пустыни. Не торопясь, бродил он по дорожкам, останавливался и внимательно вглядывался в окружающую его красоту: природа его умиротворяла. Весной 1906 года, Великим постом, постоянно осаждаемый исповедниками, он стал изнемогать, здоровье его пошатнулось, и он тяжело заболел крупозным воспалением легких. В то время он жил в северо-восточной угловой башне. Помещение было сырым и холодным, и его перенесли в игуменские покои. Положение было настолько серьезным, что лечивший монаха доктор Мамонтов открыто говорил о вероятности летального исхода. В Великий четверг отца Алексея соборовали, при этом присутствовали все братия, а приехавший сын его Михаил, плакал как дитя. Когда он подошел проститься с отцом, тот тихо сказал:

— Молитесь. Я надеюсь на Бога. Ради ваших святых молитв Господь дарует мне здоровье.

После этого отец Алексей стал поправляться. Летом он перебрался в небольшую избушку-келлию, построенную на средства его сына.

17 февраля 1906 года скончался старец Гефсиманского скита Варнава, и сразу же многие из его духовных чад стали обращаться за помощью и поддержкой к отцу Алексию. Игумен Герман, увидев, как много людей стало приходить к отцу Алексию, отменил все другие послушания, назначив ему только старчество и духовничество. Это и стало главным делом его монашеской жизни.

Отец Алексей исповедовал в своей избушке каждый день. Его келлия состояла из небольшой передней, приемной и спальни.

Перед домиком за невысоким забором разбили небольшой палисадник, в нем росли цветы и кусты, что придавало ему вид, радующий глаз. В дни, когда старец никого не принимал, калитка стояла на запоре.

Батюшка всегда был ласков и приветлив. По свидетельству многих его духовных чад, старец был больше похож на мать, чем на отца, — столько ласки и нежности, столько терпения он проявлял ко всем.

¹ Рукописный дневник прп. Владимира. Личный архив О.С. Четверухиной.

Особую группу его посетителей составили учителя и студенты Московской Духовной Академии. Старца они полюбили за мудрость и доброе, ласковое к ним отношение. Ехали иногда с такими тяжкими грехами, о которых не решались сказать приходскому священнику, думая, что старец лучше вникнет в их положение. Это-то и было тягостно нежному, любящему сердцу отца Алексия.

Поэтому батюшка и стал ходатайствовать перед начальством о позволении уйти в затвор. Его просьба была частично удовлетворена, и 3 февраля 1908 года старец ушел в полузатвор, сначала временно, до Пасхи. Вход в его избушку был закрыт для всех мирян, кроме семейства сына, даже братия могли входить туда на откровение только в назначенные часы по пятницам. Отец Алексей стал принимать исповедников только в церкви по субботам и воскресеньям.

Период пребывания старца в полузатворе (1908–1916) был особенно труден и многоплоден. Его известность среди людей, ищущих духовного наставления росла не по дням, а по часам. Среди его духовных детей были такие известные деятели Русской Православной Церкви, как Великая княгиня Елисавета Феодоровна, основательница Марфо-Мариинской обители милосердия, матушка Фамарь, которая по благословению старца основала под Москвой Серафимо-Знаменский скит. Зосимову пустынь часто посещали и члены известного в те годы религиозно-философского кружка, основанного М.А. Новоселовым: Сергей Булгаков, Павел Флоренский, Николай Дурново и другие, обращались к старцу Алексию за советом.

Кто бы ни пришел к нему — знатный человек или самая простая крестьянка, — батюшка равно забывал себя, переживая с каждым горе и радости, разрешал сомнения, утешал, ободрял, наставлял.

— Я все переживаю с вами, — говорил он своим духовным чадам, — ваше горе осталось у меня вот где.

И показывал на сердце.

Жалующиеся на свою тяжелую жизнь и на множество недостатков и грехов слышали от него следующие слова: «Не ропщи, детынька, не надо, если бы Господь забыл тебя, или не был к тебе милостив, то жива-то не была бы; только ты не видишь Его милостей, потому что хочешь своего и молишься о своем, а Господь знает, что тебе лучше и полезнее. Молись всегда, конечно, об избавлении тебя от скорбей и от грехов твоих, но под конец молитвы всегда добавляй, говори Господу: ”Обаче, Господи, да будет воля Твоя”».

О помыслах нечистых и хульных и о борьбе с ними старец постоянно говорил так: «Все помыслы такие отгоняй молитвой Иисусовой, а когда они очень уж будут докучать тебе, то ты, незаметно для других, плюнь на них и на диавола тебя смущающего. Ведь вот, когда при крещении христианин сочетается со Христом, он и на диавола и на дела его и дует, и плюет — так и ты делай!»

О чтении духовных книг и Святого Евангелия старец говорил: «Не ленись читать Слово Божие и духовные книги. Слово Божие поддержит и

укрепит тебя в Истине». В первую очередь он советовал читать Авву Дорофея, Иоанна Лествичника, Иоанна Кронштадтского.

Об осуждении отец Алексей как-то сказал: «Осуждаем, детынька, оттого, что за собою не смотрим и себя наперед не осуждаем. Не осуждай никого, не клевети и не давай неправильных советов ближним, ну а если тебе придется сделать это, то спеши исправить это зло».

Летом 1909 года в Сергиевой Лавре состоялся монашеский съезд, и старец Алексей был среди его участников. Его голос имел там большое значение, с его духовным опытом считались, и все с почтением прислушивались к его мнению. Большая часть постановлений была принята при его одобрении.

Здоровье отца Алексея ухудшалось. В 1914 году в ночь на первый день Пасхи у него случился сильный сердечный приступ. Батюшка осунулся, сгорбился. Почти постоянно он чувствовал головокружение и головные боли. Между тем число приезжающих к старцу увеличивалось с каждым годом. Помимо прочего это объяснялось и необыкновенной прозорливостью старца.

Известно множество примеров тому в подтверждение. Вот некоторые из них.

«Мой товарищ по Духовной Академии Н. И. П. был в 1908 году у батюшки на исповеди. Прощаясь, старец вдруг сказал ему про его сестру: "Ах, бедная, бедная ваша сестра!" Н. И. не понял слов батюшки, потому что сестра его была здорова, и он не подозревал ни о каком несчастье. Однако когда он приехал домой, то получил телеграмму от матери с известием, что его сестра сошла с ума».

В 1915 году учительница В. П. Дмитриенко, по своему обыкновению проводить в Зосимовой пустыни субботу и воскресенье, приехала туда и вошла к батюшке за ширмы. Батюшка встретил ее с удивлением: «Вера, ты почему приехала сегодня? Зачем? Я тебя сегодня не ждал. Братья-то твои у тебя живы?» — «Все, батюшка, живы», — ответила В. П., недоумевая от такого вопроса. По приезде в Москву она нашла у себя телеграмму, извещающую о смерти ее брата-юнкера, которого даже успели похоронить.

«7 мая 1906 года я впервые приехал к старцу. Вместе со мной были товарищи. В гостинице мы попросили себе по отдельному номеру. М. Ф., человек с больным сердцем, очень боялся одиночества, но нам постеснялся сказать об этом и промучился всю ночь. Он и зарывался головой в подушки, и как-то иначе пытался успокоить себя, и выбегал в коридор, но никак не мог избавиться от мучившего его болезненного страха. Так, бедный, он и не спал всю ночь. На следующий день он сказал об этом отцу Алексию. Старец его благословил и перекрестил его сердце. На следующую ночь страх его совершенно прошел и он спокойно спал в своем номере, ничего не боясь».

М. Г. Золотова 8 марта 1915 года приезжала в Москву хлопотать об открытии в Рязани женской гимназии. К своему огорчению, она узнала, что заседание попечительского совета, от которого зависело решение вопроса, назначено на следующий день. Но программа заседания уже составлена, и дело ее отложено. Таким образом, вопрос о гимназии затягивался на год, но и

через год успех дела все же был сомнителен. Огорченная М. Г. все-таки попросила начальника канцелярии принять ее бумаги и поспешила в Зосимову пустынь к отцу Алексию, по благословию которого она и затеяла открытие гимназии. «И ты уже усомнилась», — укорил ее старец, когда она рассказала ему о своей неудаче. Батюшка ее благословил и обнадежил. И, действительно, когда она вернулась из пустыни, то узнала, что вопрос о ее гимназии был решен положительно.

Принимать народ торопливо и спешно батюшка, по складу своего характера и дарования, не мог, но удовлетворить всех не хватало времени. Старец от этого страдал. Летом 1915 года у него случилось полное расстройство сердечной деятельности, он буквально умирал и полтора месяца никого не мог принимать. Телесная немощь и чувство близости смерти вынудили его задуматься об уединении и затворе.

После нескольких попыток он получил благословение на затвор.

Двери в этот мир для него закрылись 6 июня 1916 года.

Старец покинул свою избушку и поселился на втором этаже братского корпуса. Его келлия размещалась вплотную к алтарю надвратной церкви Всех святых, и батюшка через особую дверь мог незамеченным выходить прямо в алтарь. По правилу жизни в затворе отец Алексей каждый четверг исповедовался и каждую пятницу причащался. Старец считал таинства исповеди и причастия самыми важными для спасения души и относился к ним с величайшим благоговением.

Он говорил:

— Я прихода отца Германа каждый четверг ожидаю как манны небесной. Вот придет, все оберет, успокоит.

Уединение старца, снявшее с него огромную нервную нагрузку, благоприятно сказалось на его самочувствии: сердечные приступы стали слабее и возникали гораздо реже. Батюшку отвлекали только письма и телеграммы с просьбами молиться о родных и близких, находившихся на фронте, где тогда шли жестокие бои. Все просьбы батюшка с любовью исполнял, и его молитвы помогали.

Февральская революция никак не отразилась на ставшей спокойной и тихой жизни пустыни. С уходом старца в затвор поток паломников прекратился. В апреле 1917 года отец Алексей получил разрешение отслужить литургию в первый день Святой Пасхи, не разглашая об этом. На этой же неделе в Зосимову пустынь приехал митрополит Московский Макарий, вскоре вынужденно ушедший на покой.

Принимая митрополита, игумен Герман пригласил к себе отца Алексея. Владыка рассказал об обстановке, сложившейся в Русской Церкви и упомянул о решении Временного правительства о необязательности преподавания Закона Божия в школах и гимназиях. Это известие очень взволновало отца Алексея, потомственного преподавателя Закона, и он резко сказал:

— Это такое дело, что пусть руки и ноги рубят — нельзя уступать ни на йоту.

А затем, смутившись, уже другим тоном промолвил:

— Вот вы выпустили меня, а я тут же и нагрубил.

— А если бы ты сидел в затворе, то и не узнал бы, какой ты есть, — мягко пошутил отец Герман.

Собеседники не могли и представить, как происходившие события скажутся на их личной судьбе и на судьбе всей Русской Православной Церкви в самое ближайшее время.

* * *

Идея о восстановлении упраздненного Петром I патриаршества зрела давно. Особую актуальность проблема приобрела в ходе революционных событий, как одно из средств укрепления Православной Церкви. С этой целью 15 августа 1917 года в московском Успенском соборе открылся Всероссийский Поместный Собор. Старец Алексей был избран его членом накануне, на проходившем в Троице-Сергиевой Лавре предсоборном монашеском съезде.

О значении, которое предавалось этому событию, свидетельствовал приезд в Москву из Петрограда председателя Совета Министров Временного правительства А.Ф. Керенского и председателя Государственной Думы М.В. Родзянко. Председателем Собора был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон (Беллавин). Началась кропотливая работа — ежедневные заседания, длившиеся несколько месяцев. Рабочие заседания проходили в Лиховом переулке, и батюшка ездил туда на монастырской лошади, а то и просто на трамвае.

Поселился он в Чудовом монастыре. И когда в октябре 1917 года начались ожесточенные сражения, Кремль находился под постоянным обстрелом.

— Пока я читал утренние правила, в мою келлию влетел в окно снаряд, но, слава Богу, не убил меня, хотя пролетел совсем близко, — вспоминал старец.

Пришлось с другими соборянами перебраться в монастырский подвал.

— Сразу после взятия Кремля большевиками вход на его территорию был ограничен: все ворота были закрыты и выставлены караулы. 5 ноября, когда необходимо было доставить в храм Христа Спасителя чудотворную Владимирскую икону Богоматери, это удалось выполнить с большим трудом. Целую неделю скрывались мы в подземелье, как в катакомбах, и как-то особенно чувствовали Бога... — рассказывал батюшка.

Вследствие серьезных событий, происходивших в России, было решено безотлагательно восстановить патриаршество. Избрание патриарха назначили на воскресенье 5 ноября 1917 года в храме Христа Спасителя. 30 октября избрали трех кандидатов: архиепископа Харьковского и Ахтырского Антония (Храповицкого), архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения (Стадницкого) и митрополита Московского и Коломенского Тихона

(Беллавина). Избрание Патриарха должно было решиться жребием, вынуть который поручили старцу-затворнику Зосимовой пустыни иеромонаху Алексею.

В назначенный день огромный храм Христа Спасителя, вмещавший двенадцать тысяч человек, был переполнен. Царило напряженное ожидание. Служил торжественную литургию старейший иерарх Русской Церкви митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) соборно с несколькими иерархами. Ни одного из кандидатов в храме не было. Перед началом богослужения владыка написал на пергаментях имена кандидатов на патриаршество и поместил их в специальный ковчежец, который опечатал сургучной печатью. Ковчежец был установлен на солее, слева от Царских врат, на специальном тетраподе перед малой Владимирской иконой Божией Матери. Во время литургии из Успенского собора была принесена чудотворная Владимирская икона Божией Матери, Заступницы Москвы и России, и установлена на тетраподе. По окончании божественной литургии из алтаря вышел молившийся там старый монах в длинной мантии. Из-под клобука выбивались и окаймляли его бледное лицо совершенно белые пряди волос. То был старец Алексей. Он встал перед хорошо известной и любимой иконой на колени, стал молиться, кладя земные поклоны.

В это время в храме служили особый, торжественный молебен, в котором просили Господа даровать Русской Православной Церкви так необходимого ей доброго и мудрого пастыря. По окончании молебна митрополит Владимир подошел к тетраподу, взял ковчежец, благословил им народ, разорвал шнур и снял печать. Старец Алексей трижды перекрестился и, не глядя, вынул из ларца записку. Митрополит Владимир внятно прочел:

– Тихон, митрополит Московский».

Словно искра пробежала по молящимся. Раздался возглас митрополита: «Аксиос!», который потонул в единодушном «Аксиос!.. Аксиос!..»¹ духовенства и народа...

В связи с развернувшимися в Москве событиями жить в Кремле стало невозможно, и отец Алексей 10 ноября переехал к своему сыну в Докучаев переулок. С некоторыми перерывами старец принимал участие в работе Собора почти до самой Пасхи 1918 года, но незадолго до того, по немощи, был освобожден от посещений и вернулся в Зосимову пустынь.

* * *

В начале 1918 года Патриарх Тихон обнародовал Послание об анафематствовании творящих беззакония «гонителей веры и Церкви Православной. Горькие слова Предстоятеля были полностью созвучны тому, что чувствовал старец Алексей по возвращении из Москвы. К тому же он переживал и личное горе: был убит митрополит Киевский Владимир, который, будучи в течение четырнадцати лет митрополитом Московским,

¹ «Достоин!» (греч.)

покровительствовал Зосимовой пустыни, часто посещал ее и был связан узами дружбы со старцем.

Жизнь в тихой обители под мудрым управлением игумена Германа шла пока по-прежнему: согласно уставу совершались богослужения, усерднее, чем прежде, монахи трудились на покосе и в поле. Паломников было мало. В первое время после возвращения отца Алексия их не было вообще, но потом, с разрешения Патриарха Тихона, стали приезжать духовные дети на исповедь или беседу к старцу. Его здоровье улучшилось, но беспокойство и тяжелые предчувствия не оставляли человеколюбивого батюшку.

Получая все новые сведения о продолжающихся расправах над выдающимися представителями Церкви, старец Алексий понял, что настали новые тяжкие времена гонений, что появятся новые мученики. Однако и в этих условиях он проявлял примеры великого смирения.

«Не нахожу никакого греха в молитве за властей. Давно нужно было молиться за них и усугубить свои молитвы. Только благодать молитвы может разрушить ту стену вражды и ненависти, которая встала между Церковью и советской властью. Молитесь, — может быть, благодать молитвы пробьет эту стену».

Осмысливая это, он решил, что должен увеличить свой молитвенный подвиг и принять второй, более высокий монашеский постриг — схиму. Что и произошло 28 февраля 1919 года. Имя у него осталось то же, но день ангела стал праздноваться не 12 февраля, а 17 марта — в день святого праведного Алексия, человека Божия. С августа посещения старца прекратились — он ушел в полный затвор!

22 октября 1919 года от перитонита скончался сын старца — Михаил Федорович. Батюшка очень просил, чтобы его отпустили на похороны, но ему как затворнику сделать это не разрешили, о чем он очень скорбел. После кончины мужа Ольга Петровна, навещала старца с детьми, чему он был несказанно рад: целовал и всё крестил. Все пили чай с гостинцами. Когда внуки увидели в келье гроб, то очень испугались, а он ответил: «Детыньки, у нас, монахов, гроб заготавливают при жизни».

Между тем время шло. Зосимова пустынь, превращенная в сельскохозяйственную артель, приближалась к своему закрытию. 18 января 1923 года мирно почил отец игумен Герман. А через два месяца после погребения из Александрова приехали комиссия для выполнения большевистского Декрета о ликвидации всех монастырей уезда, в том числе и преобразованных в трудовые артели. Первым делом выставили за ворота всех насельников, предварительно изъяв у них серебряные ризы с личных икон и другие ценные вещи. Все разъехались кто куда. Отец Алексий со своим келейником, отцом Макарием, отправился в Сергиев Посад.

Оставив теплый кров своей обители, где прожил двадцать пять лет без мирских забот, в молитвах и посте, отец Алексий оказался в очень тяжелом положении: ему было 77 лет, его одолевали немощи и болезни.

В семье сына старец не решился поселиться, хотя Ольга Петровна и звала его. Видимо, он рассудил, что своими недугами, не имея средств к

существованию, он будет обузой, осложнит жизнь всей семьи, и без того беспросветную. Но самое главное, он не мог вернуться в мир, уже давно покинутый им ради Господа. Жертва эта не была посрамлена, милостивый Господь не оставил в беде своих верных слуг и молитвенников. Прожив два дня в гостинице, они нашли приют в маленьком домике духовной дочери старца Веры Верховцевой, которая покинула Сергиев Посад, чтобы поселиться в Сарове, где еще продолжалась монашеская жизнь. Домик был деревянный в три окна, в нем были две комнаты: меньшая, которая стала келлией отца Алексия, и большая — для отца Макария. Новое жилище было чем-то похоже на их избушку в Зосимовой пустыни. В доме Верховцевой жизнь мало чем отличалась от монастырской. До самой кончины к нему приезжали духовные чада и священнослужители. Одна раба Божия взяла на себя обязанность собирать с близких духовных чад старца посильное пожертвование. Когда ему что-нибудь привозили, он низко кланялся и благодарил, говоря:

— Я ведь теперь нищий, живу подаванием, меня добрые люди кормят, а сам я уже не могу работать.

До 1925 года отец Алексей еще передвигался по комнатам, несколько раз добирался до церкви. А потом все больше сидел в кресле, а позже полулежал на кровати. Отец Макарий усаживал его есть или пить чай.

Келейник рассказывал, что старец из последних сил старался вычитывать все дневные службы, исключая литургию, так как не имел в келлии антиминса. Когда он уже не мог стоять, то вычитывал службы сидя. Батюшка до последней возможности принуждал себя не только молиться, но и класть земные поклоны, подражая в этом своему старцу — схиигумену Герману, который делал частые земные поклоны, когда уже вставал с помощью других.

— Какой же я монах, если не могу исполнять монашеских правил, — укорял себя, лежа в постели отец Алексей.

Смирение и чувство благодарности у батюшки были очень велики. Он постоянно благодарил келейника даже за самые незначительные услуги, ежедневно просил у него прощения.

Батюшка любил поминать на молитве живых и усопших, и келейнику говорил, чтобы тот никому не отказывал и от всех просящих принимал записки и передавал ему. В свое время на проскомидии старец около двух часов вынимал частицы по своему поминанию. В последние годы во время болезни батюшка благословил келейнику: поминание прочитывать вслух и не все сразу, а по частям, дабы не обременительно было для болящего..

Однажды, когда батюшка лежал от недомогания в постели, его приехал навестить Патриарх Тихон. Старец, всегда с глубоким почтением относившийся к лицам, высоко стоящим в иерархии, был глубоко тронут вниманием Святейшего и чувствовал себя крайне неловко, оттого что встречал его и беседовал лежа. Он несколько раз пытался спустить ноги с постели, но каждый раз Патриарх бережно брал их и клал на место. У кого из них было больше смирения!

После 1927 года отец Алексей только лежал, с трудом поднимал голову и шевелил пальцами правой руки. Принимал только своих близких духовных чад и монахов, и то не всех.

За два дня до кончины батюшка совсем ослабел. 19 сентября 1928 года в 8 часов утра старец по обыкновению причастился святых тайн. Несмотря на сильную слабость, он сам читал молитву перед святым причастием «Верую, Господи, и исповедую...» Читал ее так тихо, что едва можно было разобрать слова, часто останавливался. После причастия отец Макарий поил старца теплотой, а духовник старца, Зосимовский иеромонах Владимир держал свечу. Отец Алексей с радостной улыбкой смотрел им в глаза, как будто прощаясь.

После этого отец Алексей совсем ослабел и тяжело дышал. Дали ему молока. Он выпил одну ложечку. После этого ему стало легче, и он тихо скончался.

Было 4 часа 20 минут по полудни.

Духовное начальство отложило погребение старца до четвертого дня — народ так любил отца Алексея, что люди день и ночь толпами стояли у гроба, даже дети подходили и целовали ему руки. Старец лежал как живой, никакого смертного запаха не ощущалось.

Несмотря на суровые преследования большевистских властей на отпевание вышли пять архиереев: архиепископ Бийский Иннокентий; епископ Никон; епископ Белевский Игнатий (Садковский); епископ Егорьевский Павел; епископ Суздальский Григорий; епископ Варфоломей (Ремов), наместник Петровского монастыря (не облачался, отдавал распоряжения, следил за порядком). Три архимандрита: Агафон, Филарет, Родион. Архимандрит Кронид, имея запрещение от гражданской власти служить в Посаде, находился без облачения в алтаре. Множество протоиереев и монашествующих...

После разрешительной молитвы епископ Павел вышел на амвон и прочитал завещание батюшки всем своим духовным чадам, написанное им собственноручно за шесть лет до кончины, которое он сам просил прочитать вслух над его гробом.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Оставляя свое земное пребывание и переселяясь в жизнь загробную, воссылаю хвалу и благодарение Всемиловитому Господу Богу за Его бесчисленные благодеяния мне, недостойному (Слава Богу о всем). Хвалу и благодарение воссылаю Преблагословенней Владычице Богородице, святому ангелу-хранителю моему, святым хранителям и покровителям моим: великомученику Феодору Тирону, святителю Алексею, митрополиту Московскому, преподобному Алексею, человеку Божию, и всем святым за их благодатное охранение меня. С благодарным чувством обращаюсь к моим отцам и чадам духовным, к отцу настоятелю и братии обители сия, ко всем моим сродникам и знакомым за их молитвенную помощь и многообразные дела любви мне, грешному. Коленопреклоненно прошу милостивого всепрощения у всех, перед кем я сознательно или несознательно сделался

виновным, и, со своей стороны, я ничего не имею против кого-либо, со всеми расстаюсь в вожденном мире и всепрощении, усердно прося их молитв ко Господу Богу, да вчинит мя в селениях Небесных. «Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя». *Многогрешный, недостойный иеросхимонах Алексей».*

Погребли старца Алексея у алтаря храма в честь Всех Святых на Кокуевском кладбище в Сергиевом Посаде. В 1953 году его останки были перенесены на Старое городское кладбище. 25 июля 1994 года, по благословению преосвященного Евлогия, епископа Владимирского и Суздальского, было совершено перенесение останков старца Алексея в возродившуюся Зосимову пустынь.

26 июля в Зосимову пустынь прибыл Патриарх Московский и всея Руси Алексей II и совершил молебен новопрославленному местночтимому святому Зосиме Александровскому, пустынножителю, Владимирскому чудотворцу и панихиду по иеросхимонаху Алексею. Затем гроб с останками старца был перенесен с крестным ходом в Смоленский собор Зосимовой пустыни и поставлен в пределе во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких.

Старец Алексей Зосимовский был причислен к лику святых угодников Божиих для всероссийского церковного почитания на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года. Митрополит Коломенский и Крутицкий Ювеналий, Председатель Синодальной комиссии по канонизации святых, в своем обращении сказал:

«Господь одарил старца Алексея многими дарами, среди которых выделяются дары старческой мудрости, смирения, любви и прозорливости. Именно через его руки совершился промысел Божий о святителе Московском Тихоне, жребий, с именем которого на выборах Патриарха вытянул старец Алексей 5 ноября 1917 года в храме Христа Спасителя. Многих вел он к спасению души, совершая знамения и чудеса, призывал к покаянию, к поиску "единого на потребу"¹».

День памяти преподобного Алексея 19 сентября /2 октября.

Преподобный отче Алексие моли Бога о нас!

Тропарь преподобному схииеромонаху Алексею затворнику Зосимовскому,
всея Руси чудотворцу.

Глас 5

Яко звезда путеводная / утешитель российский / явился еси в годину лютых испытаний, / затворниче предивный, / огнем бо веры распяем, / божественныя любве достигл еси, / восприяв от благодати Духа Святого /

¹ Лк. 10, 42

стадо православное. /просиявший духом пребожественным, / избирая /Патриарха Россискаго, / святителя великого, / преподобне отче Алексие, / моли Пресвятую Троицу / за землю русскую и спасение душ наших.

Кондак преподобному Алексию затворнику Зосимовскому, всея Руси чудотворцу.

Глас 3

Благочестиваго корене жезл святой, / от юности живот свой на служение богу подал еси, / в пустынь же Зосимову вселився, / любовию Христовою уязвленный, / стяжал сию добродетель яко вышшую и вечную, / и верным благодати источник неоскудный показался еси, / милости всем изливая и немощные врачую. / преподобне старче Алексие, / моли всещедраго Бога / даровати нам мир и велию милость.

Величание

Ублажаем тя,/ преподобне старче наш Алексие,/ и чтим святую память твою,/ наставниче монахов,/ и собеседниче ангелов.

Преподобномученик иеромонах Макарий

И

еромонах Макарий, в миру Михаил Степанович Моржов, родился 16 мая 1872 года в деревне Пахомовской Верховской волости Вельского уезда Вологодской губернии в крестьянской семье. Учился в церковно-приходской школе. Когда подошло время, он был призван в армию и служил в Свеаборгской крепостной артиллерии, где приобрел специальность фельдшера. Уволенный в запас, Михаил проработал год на фабрике в Москве.

21 августа 1899 года Михаил поступает в Зосимову пустынь и становится учеником старца Алексия, который обучал новоначальных послушников Закону Божию.

3 января 1903 года его зачисляют в указную братию, а спустя месяц, 22 февраля, Михаил принял монашеский постриг с именем Макарий. Он нес послушания на трапезной, выполнял обязанности бельещика пустыни, но

еще будучи послушником, в 1900 году был определен игуменом Германом в келейники к старцу Алексию. «Полюбив старца, он так и остался до конца, до самой смерти батюшки верным слугой и безропотно нес свое далеко не легкое послушание. Отец Алексей был не только его наставником, но и ближайшим другом. Почти тридцать лет служил верой и правдой отец Макарий, оберегая покой старца, а в последнее время стал ему нянькой»¹. Суровый на вид, дисциплинированный и умный, он был неумолимым тружеником. Находясь долгие годы вблизи великого подвижника, отец Макарий преуспевал в терпении, смирении и любви, а вместе с духовными наставлениями старца впитывал и глубокую мудрость.

Для своего келейника старец стал примером любовного обращения с ближними. С отцом Макарием он был всегда предупредителен, будто тот только что поступил к нему на послушание: постоянно благодарил его за любую услугу, ежедневно просил прощения — и таким своим поведением мог растрогать своего помощника до слез.

Между двумя подвижниками иногда возникали незначительные разногласия, которые неизменно покрывала взаимная любовь. «Однажды старец Алексей беседовал со студентом Духовной Академии. Отец Макарий только что вычистил самовар, наполнил его, разжег и сказал: "Я пойду за водой в часовню, а Вы, батюшка, смотрите, чтобы самовар не ушел".

Отец Алексей во время разговора забыл про самовар и тот от сильного кипения залился водой. Отец Макарий, вернувшись, увидел это и с укором произнес:

"Батюшка, и это Вы не могли исполнить! Теперь все мои труды насмарку, а я полдня чистил самовар!"

Старец упал в ноги отцу Макарию и стал просить прощения:

"Простите меня, отец Макарий, я нехорошо сделал"².

В 1923 году Зосимова пустынь была разорена. Старец Алексей нашел приют в Загорске у своей духовной дочери Веры Верховцевой, уехавшей из города и оставившей ему свой небольшой домик, очень похожий на тот, что был у него в пустыни. Преданный Макарий поселился вместе с ним. До 1927 года старец еще немного ходил, но потом только лежал, с трудом поднимал голову и шевелил пальцами правой руки. Отец Макарий все время был рядом.

Старец Алексей говорил Макарию, чтобы тот никому не отказывал и от всех просящих помолиться принимал записки — передавал ему. Таким образом, число поминаний постоянно росло. До болезни на проскомидии он около двух часов вынимал частицы по своему поминовению. Но в последние годы отец Алексей благословил вести поминание отцу Макарию: тот читал вслух и не все сразу, а частями, чтобы не утомлять болящего.

¹ Четверухин Илья, прот., Четверухина Е. Преподобный Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни. Б. м.: Изд-во Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002. стр. 165

² Там же стр.95

2 октября 1928 года преподобный старец преставился. При одевании и положении во гроб присутствовали три ученика: игумен Владимир, игумен Никодим и монах, Макарий, который очень горевал, постоянно плакал и целовал усопшего друга. На панихиде стоял растерянный и расстроенный: он острее всех присутствовавших сознавал эту потерю.

Сразу после кончины преподобного Алексия, 7 октября 1928 года, епископ Варфоломей рукоположил отца Макария в Высоко-Петровском монастыре во диакона, а на следующий день — во иеромонаха.

5 апреля 1931 года отца Макария арестовали. Допросы следовали один за другим: ведь перед следователями был келейник старца Алексия, которого ОГПУ решило сделать главным заговорщиком и руководителем подпольной антисоветской организации. Отец Макарий достойно и смиренно вел себя в заключении, он никого не назвал из множества близких ему единоверцев, ежедневно посещавших отца Алексия. Он называл ничего не значащие имена, ссылаясь на незнание или плохую память, не желая никому навредить.

Из показания иеромонаха Макария на допросах.

«В Москву я езжу, правда, редко, но у кого я останавливался, я не скажу, так как уж лучше буду терпеть один и не приносить неприятностей своим знакомым. В Москве я бывал в церквях, но каких, не помню. В городе Загорске я знакомых не имею, в большинстве сижу дома. Изредка, когда появится желание, я служу в церквях Петра и Павла, на кладбище Кокуевском и других. Остальное время я занимаюсь черной работой по городу Загорску, очищаю дворы от снега, колю дрова и другое.

К старцу Алексию приезжали за советами духовенство, из которых помню: московских — Четверухин Илия, Зверев Александр, Лагов Петр, остальных на память не помню; приезжал доктор Таганской тюрьмы Жижиленко, впоследствии епископ Максим; из Твери приезжал Левковский Александр. Вообще еще к нему приезжали, но кто и откуда, я не знаю. Из ближнего духовенства приходил священник Инюшин Иван Иванович (раза три), Ржепик Мирон и другие (не помню). О чем говорили они со старцем Алексеем, я не помню, благодаря слабой памяти. Из всех вышеуказанных лиц я близко ни с кем не знаком, а знаю их только по приходу к старцу Алексию».

На вопросы о том, как он относится к советской власти, отец Макарий отвечал:

«Советскую власть я рассматриваю как попущение Божие за грехи, но считаю, что истинный христианин должен терпеливо переносить все гонения и преследования со стороны власти. При царской власти грехов было меньше и потому не было никаких притеснений на Церковь, а духовенство жило в лучших условиях и спокойней, но как только народ стал отходить от веры, и грехов накопилось много, тогда Бог и сделал попущение, послав советскую власть. Это наказание будет продолжаться до тех пор, пока люди не одумаются и опять станут признавать Бога, ибо за благодетели Бог награждает. Пошлет ли Он награду в виде другой власти или сделает как-

нибудь иначе, сказать не могу, так как пути Господни неисповедимы. До этого еще должен появиться антихрист, но, когда он появится, сказать трудно, хотя некоторые считают, что признаки появления антихриста уже есть: падение религиозности, преследование религии и прочее, причем считают, что пятиугольная советская звезда есть печать антихриста. Однако я не берусь утверждать, что это именно так, ибо еще ничего не доказано. Некоторые считают также, что грех принимать кооперативные книжки и вступать в колхозы, видя в этом дело богопротивное, но я считаю, что все это торговые условия...

Все мы имеем одинаковые политические убеждения и считаем, что советская власть является попущением Божиим, так как мы недостойны лучшей власти. Эти наши взгляды мы (и я в том числе) высказывали также и верующим, когда они обращались к нам с подобными вопросами. Спрашивали меня на исповедях, можно ли вступать в колхозы, на что я отвечал, что это дело не религиозное, а хозяйственное, а когда спрашивали об антихристе, я отвечал, что нет никакой надобности определять сроки появления антихриста, а нужно жить по-христиански».

Движимый неизбывной верой Христовой, он не боялся прямо высказывать свои взгляды, понимая, что жизнь его висит на волоске: «За каждой службой на проскомидии я поминаю по Служебнику русских царей общей формулой: "Помяни, Господи, благочестивейших государей императоров", а после этого — не по Служебнику, а по собственному желанию я поминаю персонально благочестивейших государей императоров Александра II, Александра III и Николая II и прочих царственных лиц. Поминаю также императрицу Елизавету Петровну и великую княжну Наталию Алексеевну. Последних двух я поминаю потому, что по преданию они посещали наш монастырь, а царей Александра II, Александра III и Николая II потому, что они были православными и нашими правителями, при которых верующим было свободно и хорошо жить. Советскую власть я поминаю дома и молюсь, чтобы Бог направил ее на истинный путь. О себе прошу Бога, чтобы Он помог мне спастись, и считаю, что и в современных богохульных условиях тоже можно спастись — если не открыто, то тайным подвигом, так как молиться можно и тайно».

28 апреля 1931 года отцу Макарию было предъявлено обвинение в том, что «он, являясь членом контрреволюционной организации, занимался агитацией, направленной к подрыву и ослаблению советской власти». В этом виновным он себя не признал и заявил, «что в организацию вступил потому, что только эта организация могла обеспечить сохранение православной веры и восстановить старый порядок»

20 мая 1931 года тройка ОГПУ МО приговорила иеромонаха Макария к расстрелу. Приговор привели в исполнение 10 июня 1931 года и среди прочих тайно захоронили на Ваганьковском кладбище.

Постановлением Священного Синода от 26 декабря 2001 года иеромонах Макарий канонизирован как преподобномученик.

День памяти преподобномученика Макария 28 мая / 10 июня.

Преподобный отче Макарие моли Бога о нас!

преподобномученику иеромонаху Макарию

Глас 1

Преподобия ризами блистая,/ и венцем свидетельства сияя,/ Макарие богомудре,/ доблий оружниче христов,/ не престай молиться о нас:/ чтущих днесь святую память твою.

Кондак преподобномученику иеромонаху Макарию

Глас 2

Послушанием непрелестным,/ служением любовью растворенным,/ степению молитвы высокою,/ исповеданием веры твердым, украси тя Христос Бог,/ отче наш претихий Макарие.

Величание

Величаем тя,/ преподобномучениче Макарие,/ и чтим святую память твою,/ наставниче монахов,/ и собеседниче ангелов.

Преподобномученик схиархимандрит Игнатий

Небольшой уездный городок Чухлома Костромской губернии был местом рождения преподобномученика Игнатия. Чухлома расположена в 60 верстах от железной дороги, неподалеку от Чухломского озера, на берегу которого помещается мужской Авраамиев монастырь.

Родители преподобного по званию — потомственные почетные граждане. Отец, Александр Константинович Лебедев, по окончании уездного училища, пятнадцати лет от роду, начал трудовую жизнь в Чухломском уездном суде канцелярским служащим. Двадцати семи лет он был утвержден в звании помощника секретаря съезда мировых судей, а спустя год — в звании секретаря съезда. В этой должности он работал до глубокой старости, честно и непорочно выполняя свои обязанности, за что был произведен в надворные

советники и награжден орденами: Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 3-й степени и серебряной медалью.

Александр Константинович был глубоко верующим православным христианином, полагая течение своей жизни со всеми ее большими и малыми трудностями в совершенную преданность Промыслу Божию.

Мать схиархимандрита, Мария Философовна, дочь секретаря Чухломского земского суда, была также благочестивой жизни и сподобилась в последние свои годы принять монашество, предложенное ей ее сыном и духовным руководителем. В девичестве, по собственным ее словам, она немного занималась шитьем. В замужество вступила уже после тридцати лет, когда Александру Константиновичу было около сорока. Сын их родился 28 мая 1884 года, в Духов день и был наречен Александром.

О детстве и отрочестве маленького Саши осталось немного свидетельств. Был он вдумчивым, очень деловитым мальчиком и, по словам матери, приезжая на лето погостить к родителям, успевал смастерить для дома полочки, шкафчики и прочие хозяйственные вещи. Печать серьезности и какой-то особой тихости лежала на всем облике мальчика. Однако он не лишен был и детской резвости, о чем свидетельствуют некоторые надписи на его школьных книгах. Так, однажды при переходе из класса в класс Саша с удовольствием пишет на своем дневнике: «Прощай, прощай, прощай до следующего года!» Осталось и еще в памяти знавших батюшку, как иногда он любил прибежать к своей мамаше, прося чего-нибудь сладкого, и быстро проговорить: «Закусить, кусить, кусить!»

Александр недолго оставался с родителями, так как уже в десять лет он должен был ехать в Солигалич учиться. С любовью проводили родители своего единственного сына на учение в чужой город, благословив небольшой Смоленской иконой Божией Матери с надписью на обратной стороне: «Дар и благословение родителей перед началом учения в Солигаличском Духовном училище в 1894 году 23 сентября». Горько плакал Саша, уезжая из родительского дома в чужие люди. Он говорил потом, что разлука не позволила привязаться к родителям, что может быть, потому всегда ровно, с почтением, но без особого пристрастия он относился к ним.

По окончании училища Александр поступил в Костромскую Духовную семинарию. В бытность свою в Костроме юноша особо чтит местную святыню — Феодоровскую икону Божией Матери, сохранив благоговейное почитание ее во все дни своей жизни.

Восемнадцатилетним, закончив семинарию, он побывал в Чухломе у родителей, готовился учиться дальше. Ему хотелось поступить в Казанский ветеринарный институт. Известно что он любил музыку, сам учился и играл на скрипке. Чутко вслушивался в церковные песнопения. Кроме того, в годы юности Александр занимался астрономией, знал многие созвездия; особенно отмечал созвездие Ориона, упоминаемое в Паремиях Постной Триоди, показывал, как его среди других звезд на небе разыскивать. «Орион и все украшение небесное...», — скажет в последствии батюшка и голосом покажет, как правильно по-славянски надо делать ударение на слове.

К осени 1903 года, на двадцатом году своей жизни Александр поступил в Казанский ветеринарный институт.

В то время неподалеку от Казани, в Седмиезерной Богородичной пустыни подвизался известный своими духовными дарованиями старец — схиархимандрит Гавриил (Зырянов). Вокруг него собралось общество возрастающих в духовной жизни пастырей и кружок церковной молодежи. К последнему и примкнул молодой студент ветеринарного института, стремившийся одновременно с мирской наукой постичь и горнее мудрование.

Настоятель Спасского мужского монастыря, архимандрит Варсонофий, духовный сын батюшки Гавриила, стал первым наставником юного ревнителя благочестия. Там, у мощей святителей Гурия и Варсонофия, Александр простаивал многие часы, забывая себя, забывая всех окружающих. Так как ветеринарный институт и снимаемая квартира помещались от Спасского монастыря на противоположном конце города, то на Страстную неделю, чтобы насладиться церковной службой, он временно переезжал в номер гостиницы рядом со Спасским монастырем. Обычно же на праздничные и другие службы Александр ходил пешком через весь город, за полчаса одолевая значительное расстояние.

Здесь-то, в Казани, и были посеяны в душу молодого студента мысли об особом образе жизни, отличном от того, к чему его готовил институт, мысли о подвигах поста и молитвы, мысли о монашестве. От этого периода казанской жизни осталась часть его дневника, по которому можно судить, что волновало и тогда юношу.

«Господь говорит, — пишет студент I курса, — *кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня*»¹. «Из этого видно, — рассуждает юноша, — что Господь требует от своего последователя полного беспристрастия к миру; даже самые близкие — родители — не должны быть препятствием в следовании за Христом».

Позже дневник заполняется изречениями святых отцов: Симеона Нового Богослова, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея и других. Судя по всему молодой человек выбрал для себя монашеский путь..

Раскрыв свою душу перед старцем Гавриилом, сказав ему о желании посвятить себя иночеству, Александр получил благословение. Это было 25 апреля 1905 года.

Летом, находясь в родной Чухломе на каникулах, он открыл свое намерение родителям и просил благословения. Нелегко было им, будучи уже не в молодых годах, согласиться на то, что лишают себя опоры в старости. Но их любомудрие и живая вера в Бога победили.

Стремление осуществить на деле желание своего сердца у Александра было у него так велико, что он ездил в Зосимову пустынь к отцу Герману с просьбой о принятии его в число братии. Старец не отказал юноше, но счел нужным для него сначала завершить образование.

¹ Мф. 10,37

По окончании последних экзаменов, не дожидаясь получения диплома, не заезжая в родительский дом, выпускник ветеринарного института, как *елень на источники водные*¹, устремился в Зосимову пустынь. Это было в последних числах

апреля 1908 года. Архимандрит Варсонофий при прощании подарил на благословение своему воспитаннику медный крест, до последнего дня хранимый, отцом Игнатием, как самую дорогую святыню.

4 мая 1908 года к вечеру, оставляя мир, Александр Александрович Лебедев пешком приближался к Зосимовой пустыни. «Что Вы переживали в ту минуту, батюшка?», — любопытствовали позднее некоторые из его духовных детей. В ответ он только произносил: «...Шел тихий дождичек...».

Отец игумен, принимая молодого человека в число братии Зосимовой пустыни, сказал: «Вы исполнили послушание — окончили институт, и мы исполним наше слово — примем Вас в число братии».

Первое, что услышал Александр, придя в храм на вечернее богослужение, было пение стихир 4-го гласа. С тех пор он стал любимым гласом батюшки.

По принятии в обитель Александр был определен отцом игуменом на свое первое послушание — пасти скот. Рано утром 5 мая состоялся первый для него выгон стада в поле.

Оказавшись в монастыре, и получив разрешение отца игумена, он написал родителям письмо, а до того тщился исполнить евангельскую заповедь: *оставь мертвым погребать своя мертвецы*².

Начались долгожданные дни новой жизни в обители. Мир со всей его суетой, сприсущими его утехами остался за стенами святой пустыни. Старцем он избрал себе игумена Германа, имея к нему нелицемерную сыновнюю любовь. Александру как ветеринарному врачу было определено послушание — лечить монастырских животных.

Из числа послушаний, которые проходил брат Александр, известны пение на клиросе, работа в аптеке, продажа книг и икон в монастырской лавочке, уборка за лошадьми в конюшнях, полевые работы, послушание в просфорне. На клиросном послушании он занимался перепиской нот. При разучивании отдельных песнопений ему помогало то, что он занимался музыкой — проигрывал на скрипке гаммы и отдельные мелодии. Был он и канонархом, причем очень любил устав. И бывало, когда приходилось оставлять клирос, а опытных уставщиков не хватало, то писал в записочке, какие стихиры, тропарь, богородичен следуют один за другим по порядку.

Конный двор был также на попечении у брата-ветеринара. Возможно, что именно к этому времени относились слова отца Германа, сказанные им одному из своих духовных чад: «Какое у меня золото на конюшне сокрыто!».

12 июня 1909 года брат Александр был облечен в рясу, а менее чем через год — в рясофор. На страницах следованной Псалтири написано под 17 марта: «В сей

¹ Пс.41,1

² Мф 8,22; Лк 9,60.

день в 1910 году пострижен в рясофор за преждеосвященной литургией отцом игуменом Германом».

Еще в Казани возлюбив чтение святых отцов, Александр и в Зосимовой пустыни не оставлял этого спасительного делания. Он изучает труды Симеона Ново

го Богослова, делая на полях отметки красным карандашом, внимательно читает Исаака Сирина, сличая один перевод с другим, и здесь же на страницах книги пишет исправление перевода. «Добротолюбие» отец Александр любил читать на славянском языке, считая, что в переводе епископа Феофана оно теряет свою истинную красоту.

Особой любовью пользовались творения святителя Игнатия Брянчанинова. Все тома его произведений были приобретены отцом Александром. В них он находил ответы на волнующие его вопросы, касающиеся современного подвижничества.

Отдавая весь свой досуг чтению, изредка — выпискам из духовных книг, отец Александр не мог особенно много заботиться о порядке в своей келии. Все, что нужно было для обихода, тщательно не прибиралось, все стояло на виду — так, чтоб было под руками, когда понадобится. Угли для самовара сыпались прямо на пол, посуда оставалась на столе, никуда не уносилась; здесь же, стоял маленький самоварчик. В деревянных простых ящиках была распределена кухонная утварь. Единственным украшением кельи были иконы и книги.

В эти годы инок Александр наезжал время от времени в Москву по сельскохозяйственным нуждам обители. Игумен Герман отправлял его в город главным образом для приобретения сельскохозяйственных машин, полагаясь на духовного сына как опытного и хорошего хозяина. И действительно, инок вкладывал в это дело душу, любя все, что было ему дано как святое послушание. С завидным терпением разбирался он в сложном устройстве жнеек, косилок, сеялок...

Приобретая машины для обители, отец Александр и сам многотрудился в поле. Однажды, работая на жнейке, он чуть было не пострадал. Лошадь, чего-то испугавшись, понесла в сторону, через поля и дороги. По счастью, свернув к речке она остановилась.

Подходил к концу седьмой год иноческой жизни отца Александра, когда игумен Герман в числе других братии представил и его на пострижение в мантию.

19 марта новопостриженный пишет на листочке: «Батюшка отец игумен постригал вместе с отцом Митрофаном. Один постригал и одевал, а другой читал. Когда батюшка начал постригать и уже отстриг первую прядь, но имени все не говорил, а что-то усиленно шептал, потом еще отстриг и тогда уже сказал: Агафон. Потом он говорил мне, что хотел назвать меня Агапитом (Печерским), но при самом постриге забыл это имя и никак не мог припомнить и только твердил: "А... А... А..."»

«Перед исповедию батюшка сказал: если хочешь, чтоб я тебя принял от Евангелия, так вот тебе мои заповеди, если согласишься их выполнять, то я

приму тебя. Я, конечно, согласился. Заповеди: 1) не ездить на станцию, 2) не выходить без дела за ворота, 3) не читать газет, 4) не празднословить».

«Батюшка сказал: когда будешь лежать ниц пред постригом — молись, чтобы Господь сподобил беспреткновенно и неосужденно совершить монашеский подвиг». «Когда полз я, все время отставал: очень быстро ползли собратия, а мне мешал хитон...»

Когда игумен спросил, имя какого святого он желал бы носить: преподобного Агафона папы Римского или преподобного Агафона подвижника Египетского, тот сказал, что имя последнего угодника Божия, память коего святой Церковью празднуется 2 марта.

Вскоре новопостриженный монах перенес тяжелую болезнь — инфлюэнцу, осложнившуюся энцефалитом. Последствия этой болезни остались у него на всю жизнь.

Послушание и труды по монастырю оставались теми же и после пострига. Свободное время отец Агафон употреблял по-прежнему на чтение святых отцов и выписки из них. А кроме того он занимался врачеванием зубов. Пломбировку приходилось делать без бормашины. Если пломба скоро выпадала, монах не унывал и опять трудился над новой.

В эти же годы отцу Агафону приходилось исполнять обязанности письмоводителя при игумене.

Отец Герман часто призывал отца Агафона в свою игуменскую келлию для чтения вслух Библии. Иногда отец игумен звал своего духовного сына к себе, когда у него собирались одни старшие, и разбирался какой-нибудь серьезный вопрос внутренней монастырской жизни. «Я тогда недоумевал, — говорил позднее батюшка, — зачем меня призывали, а впоследствии мне это очень пригодилось».

Первая мировая война и революции мало отразились и на внутренней, и на материальной жизни обители. Хорошо налаженное хозяйство обеспечивало всем, и это хозяйство давало возможность молиться и не думать о хлебе насущном.

2 декабря 1918 года в Москве в Троицком соборе Данилова монастыря отец Агафон был рукоположен во иеродиакона епископом». Рукополагавший епископ Феодор (Поздеевский) был из числа ближайших учеников схииархимандрита Гавриила (Зырянова), проходивших обучение и искусы в Казани.

В середине 1920 года возник вопрос о священнической хиротонии. Намечался конец сентября. Трепеща перед таинством, принимая его как незаслуженный дар от Господа, смиренный иеродиакон молил Бога в тайне своей душевной клетки о том, чтоб посвящение совершилось либо в день преподобного Сергия, 25 сентября, либо на другой день, 26-го, когда празднуется память великого апостола любви Иоанна Богослова. Оба эти святых угодника были очень дороги монаху и любимы им. И Господь услышал его смиренную молитву: 26 сентября, в день преставления святого апостола, «грешный чернец Агафон», как свидетельствует об этом запись на полях

следованной Псалтири, «рукоположен во пресвитера в храме Троицкого Патриаршего подворья Святейшим Патриархом Тихоном».

Служение в храме, сельскохозяйственнопослушание сменяли друг друга; там и здесь — внутреннее самовоззрение, работа над сердцем. Очевидцы говорили, что в это время иеромонах Агафон, уже иеромонах, сторонился людей, посетителей монастыря, даже бегал от них. Он обращался к своим старцам, прося пострига в схиму, горя желанием «быть монахом», по блаженному Симеону¹.

К этому времени, 17 января 1923 года, отец игумен Герман почил о Господе блаженною и тихою кончиною. Недолго пришлось оставаться в обители опечаленному братству без своего благодетеля и отца: через два месяца, после праздника Вознесения, обитель была закрыта и смиренные насельники ее должны были искать приюта — кому где придется.

Захватив с собою часть наиболее дорогих книг, икон и кое-что из одежды, отец Агафон по благословению иеросхимонаха Алексия переехал на жительство в Москву, в семью духовных детей старца, поселившись в маленькой комнатке на Троицкой улице, неподалеку от Патриаршего подворья.

По началу суровоприняла столица пустынного инока: приведенного волею Божиею под ее покров: стесненность в средствах на самое необходимое, стесненность от пребывания в светской семье, хотя и благосклонно относящейся к нему, слабое здоровье, отсутствие столь необходимой и привычной духовной поддержки старцев... В первое время отец Агафон служил в церкви святого великомученика Никиты (за Яузой), причем оба конца — в церковь и обратно на Троицкую — совершал пешком из-за недостатка денег на трамвай. «Много здесь церквей по Яузскому бульвару, одна за другой, на каждом шагу», — говаривал батюшка уже позднее, вспоминая свое пешее хождение.

Но уже в октябре 1923 года отец Агафон вместе с другими зосимовцами, оказавшимися в Москве, был приглашен владыкой Варфоломеем (Ремовым), духовным сыном схиигумена Германа, в Высоко-Петровский монастырь.

Владыка, зная отца Агафона еще со времени студенчества и памятуя сказанные о нем слова общего их духовного отца, понимал, что в его лице может обрести надежнейшего помощника во всех своих благих начинаниях. Вскоре он назначил его наместником монастыря, а 5 мая 1924 года возвел его в сан архимандрита. Вместе с тем отцу Агафону было дано благословение исповедовать приходящих в монастырь богомольцев — мирян и монашествующих. И тогда стали проявляться его способности как духовника, с наибольшей полнотой раскрывшаяся впоследствии. К слову пустынного, опытного монаха, ученика старцев, стали прислушиваться люди различных званий, боль душевная утешалась, когда в духовнике находили себе не судью, а состраждущего, искусного целителя. Вначале не очень заметно, но постепенно все больше и больше в том месте, где исповедовал отец Агафон, стали толпиться люди — и москвичи, и приезжие, образованные и простые, взрослые и юные, женщины и мужчины.

¹ Имеется в виду Симеон, архиепископ Солунский (с 1406), считавший, что истинный монах — это тот, кто в схиме.

Но это благодатное начало не обошлось без искушений. Летом того же года зимняя церковь Высоко-Петровского монастыря была закрыта, пришлось искать себе приюта в чужих стенах. Тогда же, оступившись в трамвае, батюшка почувствовал обострение болезни — энцефалита. Ноги стали с трудом передвигаться, он замечал и замедление в движении рук. Так вырисовывалось начертание внутреннего креста архимандрита Агафона — несение душевных немощей приходящих к нему людей при тяжести собственной телесной болезни.

Господь вскоре утешил рабов Своих, и монахи обрели себе пристанище в стенах Боголюбского храма того же монастыря.

Для исповеди отцу архимандриту был выделен просторный левый клирос, ставший прибежищем для многих страждущих душ и сердец.

Отец наместник по своей болезненности принимал народ, сидя в маленьком креслице, слегка откинувшись назад (в первые годы, а затем он стал согбенным), иногда слушал исповедника, чуть прикрыв глаза. Говорил он мало, только иногда спрашивал что-нибудь по ходу рассказа; иногда отпустит, только разрешив грехи, иногда же скажет слово, нужное, душеспасительное. Отец Агафон мог дать и чисто практический совет — медицинский, научный, технический, сельскохозяйственный. И человек, которого трудно было убедить словом духовного совета, в дальнейшем смирялся, складывая, что называется, оружие своего мудрования у ног батюшки.

Так постепенно вокруг батюшки образовался круг лиц, которые возжелали все оставить, чтоб искать единое на потребу. Еще в 1924 году, с благословения владыки Варфоломея, архимандрит Агафон тайно постригал некоторых из своих духовных детей в монашество. Такого рода подвижничество получило впоследствии наименование «монашество в миру». Осенью 1927 года в чердачном помещении дома №3 по Печатникову переулку тремя тайными монахинями, с благословения отца Агафона, был устроен Знаменский «скит». Первой его насельницей и основательницей стала монахиня упраздненного московского Рождественского монастыря Евфросиния. Старцы-зосимовцы, обосновавшиеся в Высоко-Петровском монастыре, постригли не менее двухсот мирян. Ученики и соратники схиигумена Германа стараясь сохранить древние устои православного монашества, внедряли их, насколько это было возможно, в условия безбожия и гонений. В качестве послушаний за монахами закреплялась их мирская работа или учеба, но уже в новом качестве — во имя Божие. Так духовная дочь отца Агафона, тайная монахиня (в последствии схимонахиня) Игнатия, закончила МГУ и стала крупнейшим ученым в области морфологии туберкулеза, профессором, доктором наук. Благодаря ее книгам о старчестве, многое из жизни Зосимовой пустыни и, в частности, данное житие стало достоянием православного мира.

По замыслу отца Агафона и его соратников соблюдались требования монастырской жизни: духовное руководство старца; общее богослужение (даже при отсутствии священника) и совершение всего круга монашеского богослужения.

Из своего заработка тайно постриженные оставляли часть средств на проживание, значительные суммы вкладывались на общие нужды.

По слабости здоровья, отец Агафон совершал литургию только в воскресные дни. Особой теплотой и искренностью были проникнуты эти воскресные службы. Тихо, иногда едва слышно, доносились его возгласы из алтаря; тихо и смиренно совершалось богослужение; бездерзновенно воздвигал он свои руки на Херувимской песни; не было ничего примечательного ни в хоре, ни в служении собратий, однако сердца молящихся за этими литургиями наполнялись особым умилением, полнота молитвенного чувства возвышала душу, мир Божий и его Творец-Промыслитель чудно запечатлевались в ней.

Как в Зосимовой пустыни, так и в Высоко-Петровском монастыре богослужение было основным средоточием всей жизни собранных о Боге людей.

Во все годы служения в Боголюбском храме батюшка ходил домой на Троицкую уже с провожатым, но иногда по слабости здоровья принужден был передвигаться на извозчике. Большая загруженность по наместническим делам, а еще больше — обременение народом, который все возрастал, понуждали батюшку летом искать хотя бы малого отдохновения в подмосковной тиши..

Живя на даче в Загорянском со своими близкими духовными детьми, помогавшими ему, батюшка и здесь не оставлял своей заботы о тех, кто оставался в Москве. Он посылал им устные и письменные ответы на их вопросы и недоумения, следил за течением их жизни, иногда даже назначал приезд на дачу,, чтобы лично решить тот или иной вопрос. Расположившись в отдельной маленькой комнатке, старец проводил свой смиренный иноческий отдых, постоянно наблюдая, чтоб утром и вечером полностью вычитывался весь круг церковных богослужений.

По временам приезжая в Москву, батюшка находился за городом до конца сентября-октября. Он очень любил эту пору поздней осени, утешался уединением и часто, выходя на маленькую терраску в ватном подряснике, потихоньку передвигался по ней из угла в угол, еле-еле переступая своими больными малоподвижными ногами.

Изредка навещая иеросхимонаха Алексия и получая от него духовную поддержку, отец Агафон лишился и ее, когда 19 сентября 1928 года последовала кончина блаженного старца. Весть эта посетила батюшку в период его краткого осеннего отдыха под Москвой. С трудом совершил он путешествие в Сергиев Посад, чтобы проститься с благодатным и великим старцем — «единым от древних».

Принимая народ в храме, отдавая этому делу значительную часть своего времени, батюшка часто не успевал заниматься всеми новыми духовными детьми. А они требовали руководства еще более внимательного, чем пестрый поток богомольцев Высоко-Петровского монастыря. Им надо было объяснить те тайны духовной жизни, которые неизбежно открывались им, погружающимся в своего внутреннего человека. Много в духовном мудровании о спасении было непонятно, чуждо даже и для этих чутких сердец; надо было объяснить,

показать примером, растолковать на основании святоотеческого рассуждения, указать для прочтения книгу и даже снабдить ею ищущую душу.

В келлии его, которая смотрела своим окном в сад Патриаршего подворья, было тихо; сюда не доносилась уличная суeta. В переднем углу справа от окна стоял киот с иконами, перед которым теплилась большая розовая лампада; здесь же рядом помещался небольшой столик. Налево от окна располагалась большая полка с книгами, а по стене стояла убогая постелька, чаще всего покрытая куском зеленого полосатого ситца! Украшением келлийки кроме киота являлись две большие иконы — Господа Вседержителя с Евангелием и Божией Матери — Черниговской. Над постелькой висели портреты старцев. Из особо почитаемых были мощи святых, хранившихся в верхнем отделении киота, часть пояса Пресвятой Богородицы (святыня Зосимовой пустыни), мощи преподобного Сергия Радонежского в небольшом серебряном медальоне и большой медный крест — благословение из Казани.

Отцу Агафону было к тому времени (1929 г.) 45 лет, и он заметно седел. «Батюшка, почему Вы так седеете?» — недоумевали его чада. «От вас не только посеешь, но и порыжеешь», — с улыбкой отвечал он.

Летом 1929 года храм во имя Боголюбивой иконы Божией Матери был закрыт, и после пятилетнего в нем пребывания петровское братство нашло себе приют неподалеку, под покровом всегдашнего зосимовского покровителя — преподобного Сергия Радонежского в храме его имени, что на Большой Дмитровке. Владыка благословил батюшке маленький Владимирский придельчик, узким коридорчиком соединяющийся с храмом. По преданию, эта маленькая «кувуклия» была заложена самим преподобным Сергием. Двумя дверями придельчик отделялся и от коридора, ведущего в храм. Таким образом, во время исповеди батюшка был почти полностью изолирован от основного храма, что лишало его возможности слышать богослужение. Но он принес и эту жертву и на многие часы затворялся в своем «храмике» в честь Владимирской иконы Божией Матери, зимой всегда сыром и холодном. Только на полиелей, бывало, выйдет многострадальный отец; а народ ждет не дождется, чтобы он скорее вернулся назад, к своему креслицу.

Рождественским постом 1929 года как-то ночью батюшка почувствовал себя очень плохо. Сразу появилась мысль о возможной смерти, а вместе с ней — горячее желание исполнить свою заветную мечту о постриге в схиму. Эта мысль приходила батюшке еще в зосимовский период его жизни, но тогда не была благословлена старцами. А между тем еще с тех пор батюшка помнил изречение блаженного Симеона Солунского о том, что тот, «кто не совершен схимою, перед смертью да совершится, да не совершен без совершеннейшего совершения отъидет». При первой возможности батюшка открыл свое желание Владыке, тот безоговорочно согласился. Спросили маститого зосимовского старца отца Митрофана (Тихонова), как он смотрит на постриг. «Ему можно», — благостно ответил тот, хотя знал, что батюшке еще не исполнилось и 46 лет.

Только за несколько дней перед постригом архимандрит Агафон мог освободиться от исполнения послушания. Эти последние дни он проводил в своей келлии на Троицкой улице, еще и еще раз пересматривая свою жизнь.

Владыке он передал о своем желании иметь в схиме одно из трех имен: преподобного Агафона, святителя Варсонофия Казанского и преподобного Сергия Радонежского. Владыка принял это его желание, сказавши, что добавит и четвертое имя, а там — как Господь благословит. Старцем-восприемником при постриге был назначен отец Митрофан.

После заупокойной литургии 17 января (день кончины схиигумена Германа) 1930 года на престоле Владимирского придела Владыка с отцом Зосимой (Ниловым) избрали для батюшки по жребию одно из четырех имен. Постриг был назначен на 12 часов дня; совершался в пустом храме при чрезвычайно ограниченном количестве присутствующих — близких для батюшки людей. Постриг совершал владыка в «батюшкином» Владимирском приделе. Он нарек его именем, указанным жребием — в честь священномученика Игнатия Богоносца.

Сопровождающий брат увез его на лошадке по снежному пути в келлию, где он провел пять дней после пострига, ежедневно причащаясь. Здесь навещали его владыка и старец Митрофан. Из-за слабеющих сил батюшка принужден был уже два, иногда три вечера не выходить из келлии. Этого требовала, кроме того, и необходимость побыть одному.

Летом 1930 года один из духовных сыновей батюшки дал ему возможность отдохнуть под Москвой в Голицыно. Среди чудного хвойного леса приютился полуразрушенный домик, в котором схиархимандрит нашел себе покой с некоторыми из своих духовных чад. Здесь же жила и его старушка-мать...

Когда у отца Игнатия возникали какие-либо трудности в его духовническом послушании, он переживали это особенно глубоко. Однажды служба под праздник закончилась, а батюшка не успел исповедать весь народ; оставаться в храме дольше он не мог, так как на завтра служил литургию и было уже поздно. Пришлось отпустить несколько человек без исповеди, о чем старец очень сокрушался, будто что-то большое потерял.

Жизнь после пострига в схиму пошла тесным и скорбным путем. Начать хотя бы с того, что семья, в которой отец Игнатий жил, стала требовать его выселения. Это было чрезвычайно тяжело для старцу, физические силы которого заметно убывали, не говоря уже о тяжелом моральном потрясении, как следствии этого требования. И батюшка смирялся, искал новое жилище, что было крайне затруднительно в условиях перенаселенного города.

Устроившись наконец на новом месте вместе со своей старицей-матерью (тогда уже монахиней Авраамией), он не был утешен в полной мере. Вскоре был закрыт храм преподобного Сергия, и батюшке пришлось свои уединенные труды исповедника в Владимирском приделе. В октябре 1933 года оставшееся братство Высоко-Петровского монастыря перебралось в маленький храм Рождества Богородицы, что в Путинках. Но и там отцу Игнатию недолго пришлось потрудиться — всего около года, да и за этот период много различных скорбей выпало ему пережить. А в октябре 1934 года по распоряжению духовного начальства он был удален на покой и должен был прекратить свое служение в храме. Своих духовных чад он своей любовью не оставлял, хотя дал официальное заверение, что никого

принимать на исповедь не станет. Смирясь перед постановлением церковной власти и исполняя ее требования, батюшка, тем не менее, болезненно переживал то, что был лишен своего любимого дела. Некоторое время после этого он хворал, мучился головной болью, но позднее затих, успокоился, приникся упованием на волю Божию.

В таких переживаниях прошел остаток 1934 года, когда на первый день Рождества Христова мирно почил о Господе 83-х летняя его старушка-мать. Скорбящий сын не мог даже проводить ее, оставался дома, соприисутствуя духом на ее погребении. Получая тогда же письма от своего духовного сына, который строил планы, как они хорошо заживут вместе, батюшка как-то особенно грустно и многозначительно говорил: «Он приедет, а меня не будет... перед Пасхой что-нибудь случится».

И сердце батюшки не обманулось. На 5-й неделе Великого поста 1935 года он был арестован в вечер чтения Великого канона. Через несколько дней схиархимандрит Игнатий был помещен в лазарет Бутырской тюрьмы, как страдающий хроническим заболеванием нервной системы (паркинсонизмом). Начался новый период в жизни многоболезненного раба Божия. Только письма, которые батюшка стал посылать позднее своей близкой духовной дочери — «племяннице»¹, и краткие свидания с нею несколько открыли завесу того, что было пережито и перечувствовано им в начале заключения.

Светлое Христово Воскресение этого года прошло для старца в полном неведении о его дальнейшей участи, как и об участи близких ему людей. Однако и здесь, в эту «светоносную ночь Великой Пасхи», отец Игнатий был не одинок. От парализованного больного, «лишенного ног» Владимира он получил для пасхального приветствия изображение красного яйца, сделанное тем красной спичкой на бумаге. А батюшка в ответ шепотом пропел ему всю Светлую утренью. Все это происходило в 15-й палате тюремной больницы в ночь на 15 апреля 1935 года.

Полгода продолжалось пребывание здесь больного и скорбящего схиархимандрита Игнатия. После перенесенных потрясений привычные проявления болезни усилились: скованность рук и ног без приема нужных лекарств стала заметней; к тому же прибавилась сердечная слабость, которая особенно сказывалась в летние месяцы, в условиях московской духоты. Батюшка уже совсем не мог обслуживать себя и двигался только с посторонней помощью. В октябре 1935 года, в день памяти блаженного Андрея (2 октября ст. ст.), старец покинул Москву... чтоб никогда уже больше в нее не возвращаться.

Помещенный в другую тюрьму — в бывший Саровский монастырь — после утомительного путешествия, он ничего не нашел сказать, как только воскликнуть из глубины души: «И паки — слава Богу!» Потянулись осенние и зимние дни в условиях периферийного тюремного лазарета. По болезни отец Игнатий постоянно нуждался в помощи, а ее не так легко было найти. Первый его помощник был болен туберкулезом и скончался у него на глазах в конце декабря

¹ монахиня Евпраксия (Варвара Сергеевна Трофимова)

того же года. В письмах он сообщал, что не дают ему отдыха боль в суставах, а также и сердечная слабость, которые отражались на духовном его состоянии. Но будучи скованным, со стеснением в сердце старец снова и снова все преодолевал и находил силы воскликнуть: «Но унывать не будем — за все надо быть благодарными Творцу!»

Этот скорбный зимний период его первого года пребывания в тюрьме не был для старца совсем без радости. Господь утешил его свиданием с «племянницей» Евпраксией в продолжение трех часов. Батюшка мог поделиться своими переживаниями, узнать кое-что и о близких людях, тех, которых он оставил в Москве в безысходной печали и горе. Любовь к возрожденным им душам была так велика, что и здесь, в условиях уединенного лагерного лазарета, при тяжелой обстановке, среди окружающего его духа хулы и брани, — он точно вновь оживал, вспоминая своих духовных чад. «Чадца! — писал он в своих зимних письмах. — Стремитесь к горнему, касаясь дольняго, поколику того требует телесная нужда».

С августа до конца ноября 1936 года архимандрита мучило хроническое расстройство кишечника, скорее всего от неполноценного питания, но он и сам это чувствовал, потому что просил прислать описание болезни пеллагра. К этому

времени отец Игнатий был перемещен в лазарет лагеря около города Алатырь — последнего места своего пребывания.

Наступившая весна 1937 принесла великую скорбь страждущей душе. Скоропостижно умер его духовный друг архимандрит Никита (Курочкин), в нравственной и молитвенной поддержке которого старец обретал большую помощь.

«Оторвалась часть души моя, — писал он в своем очередном письме по этому поводу, — рана эта от продолжительности дней будет не заживать, а беречься каждым днем от лишения удовлетворения потребности в нем». Но и эту глубокую скорбь о своем умершем собрате старец предавал Богу, снова и снова воскрилялся, точно тщился исполнить совет святых отцов — благодарить Промысл Божий за скорби.

Наступала осень, а с нею — и последний год жизни схиархимандрита Игнатия на земле. За истекшее лето он не раз был утешен свиданием со своей «племянницей», что всегда благотворно сказывалось на его состоянии. Так, в сентябре 1937 года батюшка писал: «Погода у нас стоит летняя, ясная — так же и на душе после дней свидания... Слава Богу!» Временами опять дух скорби овладевал всем его существом, он искал общения, но вместо этого слышал со всех сторон, что *нестъ спасения ему в Бозе его*¹.

Ранней весной 1938 года, возобновилось у батюшки расстройство кишечника, упорно державшееся около месяца. Душа его опять изнемогала от крайней физической истощенности, была нужда повидаться с Евпраксией, так как со времени последнего их свидания прошло уже три четверти года. Но пока разрешение на встречу было получено, наступило лето. Сердечная слабость отца

¹ Пс. 3,3.

Игнатия все возрастала, и иногда настолько, что он даже терял голос. «Приходится висеть на двух ниточках, — сообщал батюшка в письме, разумея два свои основные «лекарства»: встречи и письма, — а у лишенных этих ниточек бывает и крушение. Есть у меня и третья ниточка — это Иван Тимофеевич (старичок — помощник батюшки), я за эту ниточку благодарю».

На рассвете воскресного дня 29 августа/ 11 сентября 1938 года, в день памяти усекновения главы святого Иоанна Предтечи, батюшка предал свою душу Богу. Скончался он на руках у Ивана Тимофеевича в больничной палате тюрьмы города Алатырь. Очевидно, уже в последние дни, когда батюшка не поднимался с постели, на маленьком обрывке бумаги он оставил свое завещание:

«Мир дальним, мир ближним, мир всем любителям сего мира носителем по мере сил старался быть я, к сему миру хочу отъити, и этот мир оставляю вам, этот мир».

На листке не сохранилось всех знаков препинания, видно, по слабости сил батюшка уже не мог расставить их, как должно, но сила завещания этим не умаляется.

Спустя несколько дней после кончины, матушка Евпраксиния, приехав к батюшке, обрела только смиренный холмик, где и излила боль души своей, — маленький холмик, крайний в ряду других могил. Господь благоволил, чтоб здесь среди прочих обрели покой останки батюшки.

Могила старца в настоящее время утрачена.

Заветом твердости и горения духа отца Игнатия является письмо, написанное за полгода до кончины: «Мы далеки от суетных учений века сего, нам дорого одно: Бог

явился во плоти, оправдася в Дусе¹, нам радость и весели сердца исповедовать Господа Иисуса Христа во плоти пришедша; в этом — все! — и вся суть и цель нашей жизни. Слава Тебе, Христе Боже, апостолов похвало и мучеников веселие, их же проповедь Троица Единосущная!.. Примите это сердцем и будьте тверды, не стыдясь лица человеческого».

Схиархимандрит Игнатий Московский был прославлен в лике преподобномучеников и исповедников Российских Священным Синодом 27 декабря 2000 года.

День памяти 30 августа / 12 сентября.

Преподобный отче Игнатие, моли Бога о нас!

¹ Тим. 3,16.

Тропарь преподобномученику схиархимандриту
Игнатию,
Глас 1

К миру горнему устремляясь,/ святой преподобномучениче
Игнатие,/ мужественно в ризу страдальчества облекся еси,/ мир бо
ближним и дальним оставил еси,/ сего ради чада твоя,/ и иноцы,/ и
все людие к тебе с любовию усердно припадаем:/ моли Христа Бога
спастися душам нашим.

Кондак преподобномученику схиархимандриту
Игнатию, гласъ 2.

Послушанием непрелестным,/ служением любовию
растворенным,/ степенью молитвы высокою,/ исповеданием веры
твердым, украси тя Христос Бог,/ отче наш претихий Игнатие.

Величание

Ублажаем тя/ преподобномучениче, Игнатие,/ и чтим святую
память твою,/ наставниче монахов,/ и собеседниче ангелов.

Преподобномученик иеромонах Герасим

Григорий Игнатьевич Мочалов родился в 1870 году в деревне Марьино
Дмитровского района Московской области. Отец крестьянствовал, зимой
работал на фабрике. Григорий окончил трехклассную сельскую школу.

Чем занимался он в миру до тридцатитрехлетнего возраста можно только
догадываться, но известно, что после поступления 6 сентября 1903 года в
Зосимову пустынь, он проходил послушание в слесарной, выполнял работы
водопроводчика и лудильщика посуды.

Минуло лишь три года на общих послушаниях, и 3 декабря 1906 года он
был зачислен в указную братию пустыни. А еще через два года, 2 апреля,
Григорий принял постриг с именем Герасима.

Пять лет — срок для Зосимовой пустыни того времени необычайно
короткий. Только в послушничестве насельники проводили по десять и более
лет. Поэтому можно утверждать, что уже в этот период послушник обладал

особым даром монашеского подвига и пользовался благосклонностью игумена Германа.

Проходит менее двух лет и 2 февраля 1910 года его рукополагают в иеродиакона, и наряду с чредой священнослужения, он несет клиросное послушание. В 1920 году отца Герасима рукополагают в иеромонаха.

Вскоре пустынь разделит участь сотен российских монастырей, и разогнанные в одночасье братия вынуждены будут самостоятельно искать место, где преклонить главу. Как и многие другие зосимовцы, отец Герасим возвращается в родные места, но не в отчий дом, а в Николо-Песношский монастырь, что в Дмитровском уезде.

Эта древняя обитель была основана в 1361 году преподобным Мефодием, учеником преподобного Сергия Радонежского. Главным в устройении монашеской жизни, как и в Зосимовой пустыни, был здесь дух старчества. Отсюда вышли двадцать настоятелей мужских монастырей, в том числе Голутвинского, Оптиной и Берлюковской пустыней.

К моменту прихода отца Герасима, наместником Песношской обители был великий молитвенник отец Ксенофонт (Чернышев). Епископ Серафим (Звездинский) возвел его в сан архимандрита, а 6 мая 1921 года постриг в схиму с именем Онуфрий.

После 1928 года в связи с закрытием Николо-Песношского монастыря отец Герасим продолжает уже в миру нести становившийся все более тяжелым крест священнослужения. Восемь лет он окормляет приход села Юрьево в тех же краях (Коммунистического района, по административному делению на 1937 год). Давление со стороны богоборческих властей все усиливается. Как «служителя культа» его лишают избирательных прав.

В 1936 году батюшку переводят в село Кикино, что стоит высоком берегу реки Вели, буквально в нескольких километрах от родной его деревни Марьино.

Сельская церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенная в том же псевдорусском стиле, что и Смоленской собор Зосимовой пустыни, напоминала о святой обители. А растущий невдалеке от алтаря одинокий кедр, ровесник зосимовских, словно бы вторил о печальной судьбе монастырского изгнанника.

Почему-то отец Герасим поселяется не в Марьине, а в ближнем от храма селе Васильеве на квартире у крестьянки Куренковой. А может, не осталось никого из близких?

Иеромонаха Герасима арестовали 27 ноября 1937 года. Сохранились свидетельства одной из жительниц Т.Н. Новиковой: «В конце осени 1937 пришло горе в нашу семью: умер дед Иван. Отпевали в храме. Как водится, с кладбища пришли помянуть. Отец Герасим прозяб, устал и проголодался. И вот, когда все сели за стол, за ним и приехали. Прихожане упростили чекистов подождать, пока батюшка покушает, и те, что удивительно, согласились. Решили старцу пока не говорить, но в доме установилась тревожная тишина. Отец Герасим не сразу почувствовал обращенные на него взгляды, полные

тревоги и сострадания. Когда сказали, расстроился батюшка очень, но все-таки покушать успел»¹.

Вскоре после ареста священника храм упразднили: устроили в нем склад, разрушив часть стен, чтобы подводы и трактора могли свободно въезжать.

По обвинению в активной антисоветской деятельности священника заключили в Таганскую тюрьму. В протоколе обыска, в графе «Взято для доставления в УГБ Управления НКВД СССР по Московской области следующее (подробная опись всего конфискуемого или реквизируемого)» значится два слова: «церковная литература». Вот и все имущество старца!

Вел дело оперуполномоченный Дмитровского НКВД Скороходов. Нашлись и доносчики. В показаниях свидетеля Колесова Ксенофонта Григорьевича, жителя села Кикино записано:

«Мне известно, что Мочалов к советской власти настроен враждебно... В сентябре месяце на сборище у гр-ки Куренковой среди верующих и церковников распространял террористические настроения по адресу коммунистов и предсказывал крах Соввласти... В связи с выборами в Верховный Совет Мочалов говорил, что все это чепуха, коммунисты выберут кого им надо».

Алексей Михайлович Прокофьев из принадлежащей к приходу Покровского храма деревни Никитино докладывал:

«Среди колхозников ведет антисоветскую агитацию, например... во время расстрела по приговору Верх. Суда Тухачевского и других Мочалов среди населения распространял террористические настроения... и говорил: "расстреляли совершенно невинного человека". Кроме того Мочалов собирал у себя на квартире церковников и колхозников среди которых вел антисоветскую агитацию, призывал не принимать участия в выборах в Верховный Совет».

В Обвинительном заключении сказано:

«Мочалов Григорий Игнатьевич будучи враждебно настроен к Советской власти ведет активную к/р. деятельность: высказывает резкие террористические настроения по адресу коммунистов, распространяет гнусную клевету по адресу Соввласти, восхваляет к/р. политику троцкистов и предсказывает крах Соввласти».

Решением «тройки» при Управлении НКВД СССР МО по делу № 9167 от 1 декабря 1938 Мочалов Григорий Игнатьевич был приговорен к расстрелу.

Приговор был приведен в исполнение через три дня на Бутовском полигоне.

На Архиерейском соборе Русской Православной Церкви 2000 года зосимовский иеромонах Герасим был причислен к лику святых.

¹ Сведения от лица Т.Н. Новиковой предоставлены о. Георгием, сегодняшним настоятелем кикинского храма.

День памяти иеромонаха, преподобномученика Герасима 22 ноября / 5 декабря.

Преподобный отче Герасиме, моли Бога о нас!

Тропарь преподобномученику иеромонаху Герасиму,
Глас 1

Преподобия ризами блистая,/ и венцем свидетельства сияя,/ Герасиме, богомудре,/ доблий оружнике Христов,/ не престай молиться о нас:/ чтущих днесь святую память твою.

Кондак преподобномученику иеромонаху Герасиму,
Глас 3

Послушанием непрелестным,/ служением любовью растворенным,/ степению молитвы высокою,/ исповеданием веры твердым, украси тя Христос Бог,/ отче наш претихий Герасиме.

Величание

Величаем тя,/ преподобномучениче Герасиме/, и чтим святую память твою,/ наставниче монахов,/ и собеседниче ангелов.

Преподобномученик игумен Владимир

Псковская земля вскормила будущего зосимовского преподобного. Недалеко от губернской столицы, в крестьянской семье села Шибаново, в 1872 году родился Терентьев Василий Терентьевич. В семье было еще два сына: Петр и Александр — всю последующую жизнь крестьянствовавшие. Отец их был человеком грамотным и своих детей обучал сам, дома.

Молодым человеком, в двадцать шесть лет, 19 августа 1898 года Василий поступил в пустынь св. Параклита.

Недолго подвизался там начальный послушник и в 1901 году, 25 мая, был перемещен в Зосимову пустынь, с назначением на послушание кровельщика.

Вскоре, 16 марта 1902 года, Василий зачисляется в указную братию пустыни.

Через пять лет послушания, 28 марта 1907 года, он принял постриг с именем Владимира. Преподобный Герман в обязательной рекомендации послужных списков отмечал «очень хорошее поведение» своего духовного чада.

31 мая 1912 г. монах Владимир переведен в Царицынский монастырь Святого Духа Саратовской епархии помощником казначея, где ровно через два месяца рукоположен во иеродиакона, а пять дней спустя, 5 августа, возведен в сан иеромонаха.

8 августа 1912 г. он назначен временно управляющим Свято-Духовского монастыря. Столь стремительная «карьера» зосимовского подвижника, по видимому, оказалась не случайной.

В этот период настоятелем этой обители являлся иеромонах Илиодор (Труфанов). Харизматический настоятель оказывал на Царицын немалое влияние. Экстравагантный иеромонах создавал в городе собственный культ: «Есть неоспоримые факты, что я, живя среди вас, совершал чудеса, исцелял больных, предсказывал события на многие года вперед...» По удалении из монастыря Илиодора набирается новая братия, и игумен Герман, осведомленный о беспорядках в обители и Царицыне, посылает туда по требованию владыки достойных зосимовцев — вместе с Владимиром едет и будущий игумен Платон.

Два предшественника отца Владимира, сменившие авантюриста на посту настоятеля, известные подвижники: Строков Александр Петрович и просветитель народов Крайнего Севера Иринарх (Шимановский) — не смогли укротить бунтующую монастырскую паству. Смог это сделать ученик преподобного Германа. Он подготавливает Свято-Духов монастырь к переформированию в женский. Результатом становится новое почетное назначение.

6 апреля 1913 года он принят на служение в Симбирскую епархию управляющим Соловецкой пустыней, где 8 августа награжден набедренником.

С 14 апреля 1917 года он снова стал подвизаться в родной Зосимовой пустыни. В этот период его авторитет был уже столь высок, что отец Герман назначает его братским духовником, вместо ушедшего в полный затвор старца Алексия. В 1921 году отец Владимир был переведен в Боголюбовскую Киновию. В 1923 году возведен в сан игумена. После ликвидации Киновии остался там в земледельческой артели до 1927 года.

С этого времени он работал кровельщиком в Загорске, где постоянно общался с преп. Алексием. Вот как вспоминал сам преподобный о первых годах своего пребывания в пустыни:

«Когда я в первый раз я встретил о. Алексея в церкви, то он мне по наружности не понравился: показался слишком веселым, не по-монашески. Я даже сразу не пошел в Зосимову Пустынь, а пошел посмотреть другие монастыри, не найду ли лучше. Осмотрел много монастырей, но ни одного не нашел по душе и возвратился в Зосимову Пустынь, хотя и без охоты. Попросился у игумена Германа в число братии, и игумен принял меня и, взяв мой паспорт, сказал мне: «Твой старец будет о. Алексей». Первый раз я пошел к о. Алексею после вечернего правила в келию. О. Алексей принял меня дружелюбно и много расспрашивал про жизнь в Параклите: как там монахи живут, какие там правила. Во время беседы мне понравилась

простота старца, и я решил, что он будет моим старцем. Я сердцем полюбил его за простоту.

Тогда еще в Зосимовой Пустыни не было введенных уставов и о. Герман сам ездил и на Валаам, и в Саров, и в другие монастыри, подбирая подходящий устав для своей обители. Тогда нас, послушников у о. Алексея было немного, человек 15. Беседы с ним или приемы продолжались до полуночи. Хотя мы были усталые после тяжелых дневных монастырских трудов, но о. Алексей привлекал и увлекал нас простотой и чистотой своего сердца. В беседах с ним мы забывали свою усталость. Игумен Герман узнал, что ученики о. Алексея не дают ему покоя до полуночи и приказал ему принимать только до 10-ти часов вечера. После 10-ти часов монастырский сторож приходил и прогонял тех, кого заставлял у о. Алексея. А мы, когда наступало время, прятались, чтобы нас не видел сторож. После обхода сторожа мы сова шли старцу, и он нас с любовью принимал. И иногда это продолжалось до часа ночи, пока все не побываем у него».

С годами авторитет о. Владимира вырос до такой степени, что сам старец Алексей, прибегал к его советам. «Раз о. Алексей призывает своего келейника о. Макария и говорит ему: «О. Макарий, мы с тобой собираемся ехать на Афон, а о. Владимир не благословляет, поэтому нам пути туда не будет, надо отложить наше намерение». О. Алексей в последнее время стал тяготиться высокими вопросами, как, например, о расколе церкви, потому, что душа его привыкла к послушанию. Раз он спрашивает у меня: «О. Владимир, что мне делать, да и ум мой стал теперь слаб, я этих церковных вопросов решить не могу?» Я советовал ему не входить в эти вопросы, потому, что это дело выше нашего ума, дело архиереев и уклоняться от этого, когда требуют немедленного ответа. О. Алексей так и делал».

Сохранился рассказ игумена Владимира о кончине и погребении старца Алексия.

«Отец Алексей еще за год до своей кончины, когда почувствовал ухудшение здоровья, стал ежедневно причащаться святых тайн, боясь умереть без святого причастия. Когда, смотря по обстоятельствам, случалось мне не прийти к нему в какой-нибудь день, батюшка беспокоился: "Отец Владимир, ты меня совсем забыл". Но это бывало очень редко. За полгода до своей смерти отец Алексей все просил меня молиться: "Отец Владимир, молитесь, чтобы Господь скорее послал мне смерть, ты видишь, что я всем надоел". А я ему отвечаю: "Будем молиться, когда будете нам в тягость, а теперь еще нет". Незадолго до смерти отец Алексей сказал, держа меня за руку: "Отец Владимир, ты бросишь меня или нет?" — "Нет, — ответил я, — не брошу, пока время мне позволяет". Он попросил: "Ну, поцелуй меня". Я поцеловал своего старца.

За два дня до кончины, когда батюшка совсем уже ослабел, приехал к нему епископ Смоленский. Отец Алексей открыл глаза и говорит: "Вы кто будете, епископ или священник?" Он ответил: "Я — епископ. Отец Алексей закрыл глаза и уже больше ничего не говорил.

19 сентября 1928 года (это был вторник) в 8 часов утра старец, по обыкновению, причастился святых тайн. Несмотря на сильную слабость, он сам читал молитву перед святым причащением "Верую, Господи, и исповедую...". Читал ее так тихо, что едва можно было разобрать слова, и часто останавливался. После причастия отец **Макарий** поил старца теплотой, а я держал свечу. Отец Алексей с радостной улыбкой смотрел нам в глаза: то мне, то отцу Макарию, как будто прощаясь с нами. После этого спросил: "Отец Владимир, ты совсем от нас уходишь?" Я ответил: "Нет". После этого отец Алексей совсем ослабел и тяжело дышал. Дали ему молока. Он выпил одну ложечку. После этого ему стало легче, и он тихо скончался. Было 4 часа 20 минут пополудни.

При одевании почившего старца и положении его во гроб (гроб у отца Алексея, по схимническому обычаю, был приготовлен давно и стоял в соседней комнате прислоненным к стене) присутствовали три ученика старца: я, отец Макарий и отец Никодим. Отец Никодим показывал нам, как ладо по уставу одевать монаха, для погребения. Я одевал, а отец Макарий помогал мне, плакал и все целовал отца Алексея. После положения во гроб мы отслужили панихиду, вынесли гроб в большую комнату и стали читать Евангелие. Начал читать я, прочитал четыре главы, и меня сменил отец Никодим. Мы не хотели хоронить отца Алексея торжественно, да и сам он при жизни своей этого не желал, но народ, узнав о смерти батюшки, стал во множестве стекаться на погребение. Около гроба старца царили какая-то особенная тишина и мир. Старец любил при жизни всех умиротворять, и по смерти он изливал на всех этот мир. *Мир мног любящим закон Твой,... Господи*¹.

Мы хотели похоронить отца Алексея на третий день — 21 сентября, но духовное начальство отложило погребение до четвертого дня. Народ так любил отца Алексея, что люди день и ночь толпами стояли у гроба, даже дети приходили и целовали его руки. Старец лежал как живой, никакого смертного запаха не было. Никому не хотелось расставаться со старцем. Не было тут не утешного плача, как при мирских погребениях, все чувствовали что это — праздник. Каждому хотелось понести гроб батюшки, когда его переносили в церковь, к нему теснились все, начиная с епископов. "Прости, отец наш, — говорили ему, — мы любили тебя, но и ты нас любил! Мы не считаем тебя мертвым, ты перед смертью многим говорил: «Когда вам будет тяжело, приходите ко мне на могилку», — показывая, таким образом, что и после смерти любовь имеет большую силу. Отец наш, мы знаем, что ты жив! Молись за нас Богу, чтобы и нам окончить свою жизнь христианской кончиной, которой ты сподобился у Бога. Память о тебе долго будет жить в сердцах верующих, которых ты поучал! Памятна и дорога нам твоя священная молитва!"»

¹ Пс. 118, 165.

5 апреля 1931 года отца Владимира арестовали в Загорске в доме № 29 на Бульварной улице по делу «истинных христиан», которое было сфабриковано, как «контрреволюционное и антисоветское» против нескольких групп православных в Клину, Сходне и Загорске.

Проходил он в одном уголовном деле вместе с другими зосимовцами: иеромонахами Макарием Мельхиседеком, Иннокентием, иеродиаконами Евфросином, Иоаникием.

«Мне приходилось говорить с верующими об антихристе, но эти разговоры могли быть только шуточными, так как срок появления антихриста никому неизвестен и никакого знамения на этот счет еще не было. Появление советской власти я таким знамением не считаю, так как эта власть попущена Богом для наказания русского народа за грехи и для вразумления. Поскольку советская власть не признает никакого Бога, поэтому она и проводит политику гонения религии. Как долго будут продолжаться гонения — не знаю, все это зависит от воли Божией... Виновным себя в предъявленном мне обвинении... не признаю, так как в антисоветской организации я не состоял... в разговорах об антихристе ничего противного советской власти с моей стороны допущено не было», — так объяснял свою позицию отец Владимир на следствии.

Вины вменяемой ему органами ОГПУ он не признал.

Постановлением «тройки» от 6 июня 1931 года был приговорен по статье 58/10 к заключению в концлагерь на пять лет с заменой высылкой в Алма-Ату.

Скончался отец Владимир 3 марта 1933 года, место кончины пока не установлено.

Реабилитирован 12.12.1958

По представлению Московской епархии определением Священного Синода от 27 декабря 2005 г. игумен Владимир (Терентьев) был канонизирован в лике преподобномученика.

Дата Памяти 18.02/ 03.03

Преподобный отче Владимире, моли Бога о нас!

Тропарь преподобномученику игумену Владимиру,
глас 1.

Преподобия ризами блистая,/ и венцем свидетельства сияя,/ Владимире богомудре,/ доблий оружниче Христов,/ не престай молиться о нас:/ чтущих днесь святую память твою.

Кондак преподобномученику игумену Владимиру,
глас 2.

Послушанием непрелестным,/ служением любовью
растворенным,/ степению молитвы высокою,/ исповеданием веры
твердым, украси тя Христос Бог,/ отче наш претихий Владимире.

Величание

Величаем тя,/ преподобномучениче Владимире/, и чтим
святую память твою,/ наставниче монахов,/ и собеседниче ангелов.

Том II. Подвижники благочестия Зосимовой пустыни.

Архимандрит Павел

Архимандрит Павел (Глебов) никогда не состоял ни в должности наместника Зосимовой пустыни, ни в числе ее братии. Однако роль его в становлении обители настолько значима, что по сей день в синодике монастыря он поминается первым, опережая царственных лиц и митрополитов...

Петр Иванович Глебов родился в 1827 году в семье дьякона города Пронска Рязанской губернии.

Семья провинциального дьячка была настолько бедна, что Петр за неимением средств не смог окончить Рязанское духовное училище, и, получив начальное образование, вернулся домой. К восемнадцати годам ему удалось пройти курс нижнего отделения семинарии, и отец определил его в число послушников Савино-Сторожевского монастыря Московской епархии.

Это произошло 5 марта 1848 года. В первые дни осени молодого послушника посвящают в стихарь. Но только через шесть лет Петра постригают в мантию с именем Павел. Через год, 5 декабря, Павла рукополагают во иеродиакона, а 28 октября 1858 года он становится иеромонахом.

27 марта 1861 года «за слабостью здоровья казначея названного монастыря поручено ему наблюдение за монастырскими хозяйственными делами». В течение трех лет наряду с чредой священнослужения отец

Павел несет это важное послушание, и весьма успешно, так что впоследствии именно ему поручают замещать наместника знаменитого монастыря на время его отпуска.

3 декабря 1866 года иеромонах Павел награжден набедренником «за отличные исполнения возлагаемых на него поручений». 8 марта 1868 года он уже казначей Савино-Сторожевского монастыря, и 8 апреля 1873 года «за усердное служение на должности казначея награжден от Священного Синода наперсным золотым крестом». Однако с родной обителью ему скоро предстояло расстаться.

25 августа 1873 года способного и усердного отца Павла назначают экономом в Ярославский архиерейский дом. На этом посту он остается ровно два года и покидает его уже в сане игумена (Указ Священного Синода от 1 апреля 1878 года за № 954). По Указу Ярославской Духовной Консистории от того же числа он становится наместником Толгского монастыря. Без малого полтора десятка лет, возведенный в сан архимандрита 28 марта 1879 года, отец Павел не только успешно окормляет свою обитель, но и становится благочинным Ананьевского мужского и Казанского девичьего монастырей (8 ноября 1880 года). Вскоре его ведению поручены и все Ростовские монастыри.

27 марта 1882 года его заслуги оценивает и Государь Император. Архимандрит Павел становится кавалером ордена «Святой Анны» 3-й степени. Пять лет безупречного служения и уже вторая степень того же ордена украшает священническую рясу ростовского благочинного.

29 декабря 1892 года архимандрит Павел становится наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. При вступлении в наместническое служение отец Павел принял традиционную присягу:

«Я, нижеподписавшийся, соблюдая свято и нерушимо данную мною присягу на верность и преданность Его Императорскому Величеству, и клятвенное обещание перед рукоположением в священство, будучи ныне призван благоусмотрением Начальства к новой степени звания и особенному служению, обязуюсь по чистой совести и долгу священства проходить оное в духе данных мною прежде обетов, со всяким тщанием, верностию и правдолюбием, стараясь по крайнему моему разумению, способствовать духовному благу и временному благоустройству и спокойствию людей, до которых служение мое касаться может, и в поручаемых мне делах всемерно открывать, охранять и Начальству представлять то, что справедливо, и что к охранению общаго и частнаго блага Начальству знать нужно.

Наместник Лавры Архимандрит Павел».

Сразу после вступления в должность архимандрит отправляется на осмотр обителей, находившихся в подчинении Лавры. Убогий вид Зосимовой пустыни произвел на него удручающее впечатление. Она стояла совершенно открытая, без ограды. Храм был тесен, длинен, так как образовался из часовни, к которой пристроили трапезную часть и паперть.

Зимой промерзали тонкие стекла, было сыро, пол лежал на самой земле. Общий вид пустыни, в которой имелся только один корпус для келлий и три старых избы, заставил призадуматься. Когда отец наместник отстоял в храме панихиду у могилы схимонаха Зосимы, то уже в сердце своем почувствовал непреодолимое стремление сделаться устройтелем этой страждущей обители.

В продолжение зимы 1892–1893 годов архимандрит Павел начал завозить кирпич и материал для постройки первого каменного корпуса с трапезной. Кирпич доставил игумен Махрищского монастыря отец Амфилохий, и первыми деньгами, вложенными в это дело, послужила тысяча рублей, пожертвованная на помин души покойного казначея Лавры Авдия.

В 1893 году Иван Ефимович Ефимов, издатель духовной литературы, изъявил желание построить каменный собор на месте первоначального храма и над могилой старца Зосимы. Прежний храм, перестроенный из часовни на средства боголюбивого московского купца Дмитрия Михайловича Шапошникова, не мог уже отвечать нуждам обители, поэтому архимандрит Павел испросил согласие на его разборку у прежнего храмоустроителя.

Когда согласие Дмитрия Михайловича было получено, то, с благословения епархиального начальства, архимандрит разрешил начать разборку храма и колокольни — кирпич должен был пойти на новое строительство. Все священные предметы: престол, жертвенник, иконостас, иконы — были перенесены в братский трапезный корпус, где устроили храм во имя преподобного Сергия Радонежского. Это позволило совершать ежедневные богослужения на весь период строительства Смоленского собора.

С началом работ наместник стал присматривать достойную кандидатуру на должность зосимовского строителя. Должность настоятеля исполнял тогда старец Иоанн, которого архимандрит Павел знал еще по Савино-Строжевскому монастырю. Уже тогда отец Иоанн был схимником, а к моменту начала строительства стал совсем ветхий годами. Тем не менее, старец оставался на своем месте еще несколько лет.

Наконец промысел Божий указал архимандриту иеромонаха Германа. Вполне вероятно, что послушник звенигородского монастыря Петр в начале пятидесятых годов был знаком с девятилетним Ганей, окормлявшимся у своего дяди иеромонаха Даниила и схимника Иоанна.

Вот как вспоминал впоследствии отец Герман свое назначение:

«Митрополит Сергей¹, как говорил мне отец наместник Павел, желал найти двух начальников: в Гуслицкий монастырь и Зосимову. Тогда наместник вызвал меня к себе и сказал, что хотел бы видеть меня в Зосимовой, чтобы сердце его было за нее покойным. Я отнекивался: говорил, что не способен. Напоил он меня чайком и отпустил. Только сказал:

¹ Митрополит Сергей (Ляпидевский)

— Не говори никому об этом...

Прошло несколько времени... отец Иоанн из Зосимовой прислал сказать, чтобы я там побывал. Приехал я туда 15 июня... Вдруг слышу я — наместник идет.

— Как я рад тебя видеть здесь! — восклицает он — Здесь лучше скита, уединение. И мне, и тебе было бы хорошо...

— Благословите в три часа обратно уехать.

— Не позволяю, — сказал он.

Пошли мы с ним в покои. Он и говорит, убеждает меня:

— Я тебя игуменом сделаю.

А я все отказываюсь, говорю:

— Там в скиту учеников у меня много!

— А я сюда их переведу: хочу, чтобы ты духовную жизнь тут настроил...

Наконец он меня убедил. Думал, думал я... и согласился на Зосимову. Наместник от радости заплакал».

Прозорливость архимандрита Павла послужила отправной точкой в становлении Зосимовского старчества.

Еще четыре года окормлял архимандрит Павел Лавру и подведомственные ей обители и почил 1 марта 1904 года. Тело его погребли в Зосимовой пустыни, в приделе архангела Рафаила Смоленского собора.

Упокой, Господи, душу раба Твоего архимандрита Павла.

Блаженный Филиппушка и его сыновья

История схимонаха Филиппа (Хорева) и его сыновей сыграла в возрождении Зосимовой пустыни основополагающую роль. Их жизнеописания проливают свет на истоки обители и чудесные явления с этим связанные.

Блаженный, как его при жизни называли в народе, Филиппушка был известен не только в Москве и соседних губерниях, но и в Петербурге, и всей Царской Фамилии. Он был родом из крестьян Владимирской губернии, Вязниковского уезда, деревни Стряпковой, и назывался Филиппом Андреевичем Хоревым. После двух женитьб он имел трех сыновей, и скитался по всем святым местам и юродствовал Христа ради.

В 1847 году его благословил пожить в Троицкой Лавре приснопамятный митрополит Московский Филарет (Дроздов). Но немного пожил Филипп в Лавре. Душа его искала безмолвия и уединения, и он избрал себе жительство вблизи Гефсиманского скита. Поселился с благословения наместника Лавры, архимандрита Антония, в густой лесной чаще, за прудом, в полуразрушенной лесной сторожке. Филиппушка думал вести здесь безмолвную подвижническую жизнь, но народ, почитая его за прозорливого старца, толпами стекался к нему. Тогда Филипп, в один прекрасный день,

пошел в Лавру и обратился к архимандриту Антонию со словами: «Благослови меня, широкий (так звал он наместника), выкопать погреб». «Зачем же тебе понадобился погреб?» — удивился тот. «Ну ж, ты, только благослови, погребок нам нужен». «Ну, Бог благословит, копай!» — ответил наместник.

Так и стал он копать со своим послушником Митрофаном пещеры, которые и приобрели впоследствии широкую известность. Около Филиппа стали собираться монашествующие, ищущие безмолвия и уединения. Через три года явились к Филиппу и двое его сыновей — Игнатий и Василий, а затем, еще через год, пришел и третий сын Порфирий, — все они стали жить в пещерах, ископанных собственноручно. Каждая пещера имела не более сажени в ширину и длину, печей не было. Такое житие — пощение, сырой воздух подземелья, ношение вериг и тяжелого посоха — пошатнули здоровье Филиппа, и архимандрит Антоний постриг его в монашество с именем Филарет, в честь его благодетеля и наставника митрополита Московского Филарета. Однако стараниями клеветников и завистников блаженному недолго пришлось подвизаться в пещерах. Да и сподвижники выражали неудовольствие, что к нему ходит много народа и нарушает их безмолвие. Скитская братия тоже восстала на Филарета. Тогда отец наместник посоветовал старцу оставить пещеры. Так он и ушел смиренно из своего владения, взяв с собой и сыновей. Это было первое изгнание его ради правды. Живя в Лавре и обходя окрестности Посада, он вновь подыскал себе место, недалеко от пещер, где скитский пруд разделялся на два залива узким мысом пригорка. Здесь-то отец Филарет и решил поселиться со своими сыновьями. Наместник Лавры распорядился построить ему небольшую келейку на берегу, близ мостика, который был сделан для пешеходов из пещер в Лавру.

Богомольцы нашли отца Филарета и здесь. Московская купчиха Логинова пожертвовала деньги на храм, и 27-го сентября 1859 года митрополит Филарет совершил освящение верхней церкви в честь Боголюбской иконы Божией Матери. При церкви были построены братские келлии, так основалась киновия или Боголюбивая пустынь. Спустя некоторое время, все три сына старца приняли монашество: Порфирий — с именем Прокопий, Игнатий — с именем Галактион и младший Василий — с именем Лазарь. Зимой 1863 года, здоровье старца настолько ухудшилось, что Филарет, в ожидании скорой кончины, принял схиму, со своим в прежнем именем — Филипп. После пострига здоровье пошло на поправку. Ему предстояло претерпеть новое гонение Христа ради.

Но вот прибыла в Сергиевскую Лавру старушка-крестьянка от Генриетты Ивановны Неттель, владелицы Ульяновой пустыни, где оставалась могила старца Зосимы и часовня. А до Лавры она побывала в киновии спросить у старца благословения на то, чтобы передать поручение г-жи Неттель, желавшей продать пустынь под обитель. Отца Филиппа не оказалось на месте и, в ожидании его, старушка стала прогуливаться по соседству в лесу.

Старец тоже ходил вблизи и, таким образом, они, наконец, встретились. Взяв благословение на исповедь, старушка стала рассказывать историю появления в усадьбе г-жи Неттель двух монахов, о том, что та дала согласие продать три десятины леса на месте бывшей пустыни. Помещица-лютеранка, недавно похоронившая свою юную дочь Юлию возле часовни Зосимы, желала, чтобы со временем было кому заботиться о родной ей могиле.

Отец Филипп, ничего не зная и, поэтому, не понимая, о чем она говорит, сделал ей замечание: «Ты идешь к исповеди и говоришь ненужное, неладное, многословие — большой грех!» Старушка замолчала, а затем снова стала ему рассказывать о помещице Неттель, о приходе двух монахов, будто от Филиппушки и о поручении, данном ей самой помещицей. Старец опять остановил болтливую старушку увещаниями не говорить лишнего. Наконец, прощаясь с отцом Филиппом, старушка спросила его: «Что же прикажешь, батюшка, передать-то помещице?» Старец рассердился, начал доказывать, что ему не до покупок, да и вообще не имеет понятия о Зосимовой часовне, никогда там не был и ничего не знает. Изумилась старушка и пошла в Лавру. Встревожился и схимник, а когда вернулся восвояси, то рассказал об этом своим сыновьям. Особенно внимательно его слушал сын Прокопий.

Что касается Зосимовой часовни, то там, между двух елей, часто сиживал местный помещик Владимир Васильевич Головин, почитавший старца Зосиму и старавшийся, насколько возможно, сохранить в целости его могилу и все, что осталось от прежней обители. Однако сторож часовни рассказал Владимиру Васильевичу, как приходили сюда два монаха от отца Филиппа Киновийского и спрашивали, не продаст ли ему помещица Неттель три десятины леса с Зосимовой могилой. Головин, конечно, знал всем известного Филиппушку. Понравилась ему мысль и о продаже леса, он видел в этом возможность возрождения пустыни и даже послал от себя крестьянина в киновию спросить отца Филиппа, правда ли, что он желает приобрести эту землю. Старец принял посланного от Головина при своих сыновьях, и подивились они вновь повторившейся истории. В своем сердце блаженный Филипп, чувствовал, что тут совершилось чудесное проявление воли Божией. Средний сын старца — Прокопий, выслушав вторичный рассказ о таинственных монахах, решился, наконец, просить благословения отца съездить в Зосимову пустынь, осмотреть ее и расспросить подробно обо всем. Старец находил это лишним, но благословил сына на поездку в Ульянину пустошь.

Тем временем старушка вернулась к своей помещице. Та рассердилась, когда она передала разговор со старцем. «Как ничего не знает! — возмутилась Неттель. — Выходит, что он отказывается купить! Хочет прижать меня, хочет заставить уступить, даром получить! Вот твой святой отец!»

И рассерженная барыня приказала никого из монахов не пускать в ее усадьбу, и гнать без жалости. «Я сама видела монахов, а они говорят, что никого не посылали!» — негодовала Генриетта Ивановна и снова потеряла душевный покой.

Через несколько дней решил посетить Зосимову пустынь отец Прокопий, но зашел к помещику В.В. Головина, поговорил с ним, выслушал все тот же рассказ о появлении двух монахов якобы от Филиппушки, и затем упросил боголюбивого барина провести его в Ульянину пустошь, что В. В. Головин исполнил не только с величайшим удовольствием, но и с искреннею радостью. Немного времени постояв на святой поляне, в красивом лесу, на живописном берегу речки Молохчи, среди зеленеющих елей и сосен, в таинственной и успокоительной тишине, — монах Прокопий почувствовал какое-то особенное душевное расположение к этому месту.

«Действительно, хорошо бы здесь быть монастырю!» — подумал он.

Гость с помещиком несколько раз обошли всю местность, и тот посоветовал благочестивому сыну Филиппушки не думать долго, а принять на себя хлопоты по приобретению этой земли для киновии.

«Если угодно, я буду вашим ходатаем у помещицы, моей соседки!» — сказал В. В. Головин.

Прокопий рассказал все своему отцу, братьям и, чувствуя необъяснимое, твердое желание послужить святому старцу Зосиме, восстановлению обители, решился начать хлопоты.

Тяжелый крест взял на себя боголюбивый отец Прокопий, но и спасительный!

Вскоре по благословению отца он снова пошел в Зосимову пустынь. Решаясь лично представиться помещице Неттель, он направился в ее усадьбу, но прислуга еще издалека встретила его и объявила, что барыни нет дома. Тогда В. В. Головин взялся вести переговоры с г-жою Неттель. Долго ждал результата отец Прокопий, но ответа не последовало, так как помещица с самого начала отказала и г-ну Головину в его просьбе, а о монахах и слышать не хотела. Много раз приходил отец Прокопий в усадьбу села Каравайкова, но всякий раз прислуга встречала его издалека отказами и уверениями, что помещицы нет дома. Наконец, как-то ранней весной, он решился сходить в последний раз, предполагая, что во время разлива она уже не сможет отговориться тем, что ее нет дома. Взял отец Прокопий с собой послушника, надели они высокие сапоги, ватные подрясники и пошли. Труден был путь, однако добрались до Зосимовой пустыньки, помолились угоднику Божию и направились к усадьбе г-жи Неттель. И тут возникло препятствие —, довольно сильно разлившаяся речка. Сколько ни думали, как переправиться, оставалось одно средство: перекреститься и двинуться вброд в надежде, что сапоги высокие, а речка не должна быть глубокой. Пошли. У берега речка оказалась, действительно, мелкою, но затем вступили в самое русло и очутились по горло в воде. В промокших насквозь ватных подрясниках они еле выкарабкались на берег и начали думать, как им представиться помещице? Но вскоре вышла к ним прислуга и объявила, что барыня не может их принять, но на этот раз вследствие каких-то занятий. Взмолились монахи, и чуть не со слезами начали просить, чтобы их впустили хотя бы обсушить платье после переправы. Действительно, они дрожали от

холода, но г-жа Неттель выслала им сказать, что они могут высушиться в деревне, а никак не у нее. Потеряв всякую надежду, путники обсушились в деревне и оправились домой. Отец Прокопий решил окончательно бросить свою мечту и более не хлопотать по столь неразрешимому вопросу.

Со своей стороны, боголюбивый Владимир Васильевич Головин не переставал надеяться на помощь Божию и возможность добиться благоприятного исхода. И, действительно, в конце июля 1866 года, г-жа Неттель решилась навсегда покончить с этим важным и бесконечно длившимся делом. Она объявила В. В. Головину, что согласна подарить Филиппушке три десятины земли с Зосимовой часовней. 8-го августа Генриетта Ивановна подписала дарственную, чтобы ни ей, ни ее наследникам уже не вступать во владение означенной землей и не нарушать прав Лавры на обладание ею. В прошении в Лаврский Собор, было сказано, что она «жертвует три десятины с произрастающим на оной еловым и березовым лесом, и часовнею, для служения в сей последней братией киновии молебнов и панихид по схимонаху Зосиме, при часовне погребенном».

Радости и торжеству Головина и отца Прокопия не было предела. Люди, чтущие память блаженного старца Зосимы были готовы прийти на помощь и праздновали трудно доставшуюся победу. Но, как всегда, земные радости кратковременны.

Для отца Прокопия наступили новые испытания и скорби, ибо ничего нет труднее, чем построить церковь, а тем более восстановить монастырь. Для врага рода человеческого нет ничего невыносимее непрестанной молитвы и совершения таинств, установленных Спасителем в Своей Церкви.

На первых порах, появились жертвователи и помощники. Следуя доброму примеру г-жи Неттель, соседняя помещица, жена капитана, Екатерина Васильевна Барбашева, таким же образом, с тою же целью — «поддержания Лаврской кладбищенской в киновии церкви и на содержание при ней находящейся братии», объявила о желании пожертвовать 7 десятин и 625 квадратных сажен прилежащей к Ульяниной пустоши земли, состоящей преимущественно из пойменного луга и разного качества леса, неудобной полуречный заводью, и дорогой. Эта земля находилась близ села Никульского-Исакова и составляла часть пустоши, носившей название «Тухонова луга». Таким образом, всего пожертвовано было 10 десятин и 625 кв. сажен.

В.В. Головин построил на свой счет две избы с двориком и хозяйственными пристройками. Елизавета Васильевна Яковлева пожертвовала старое строение с кирпичного двора для устройства над могилой схимонаха Зосимы каменной часовни вместо деревянной. Так как в ней не было необходимых предметов для совершения богослужения, то отец Прокопий перенес в нее иконы ризы, книги, Евангелие, кадила и т.д.

Нелегко было закрепить пожертвованные десять десятин земли за киновией. Пока это дело прошло все правительственные инстанции и было окончено, изменились все порядки, — прошло десять лет. Кроме того, начало тягот совпало с введением новых судебных уставов 1864 года. Нужно было

установить управление Зосимовой пустынькой, как в хозяйственном, так и в церковном отношении. Начальствование принадлежало по праву лицу, заведовавшему самою киновией, т. е. схимонаху Филиппу, который поручил все дела, касающиеся Зосимовой пустыньки своему сыну, иеромонаху Прокопию. Иноки поместились в одной избе, из выстроенных В. В. Головиным, а в другой избе жили рабочие и пекли хлеб. Братия начала совершать служения в часовне, в свободное время трудилась над расчисткой лесной чащи около часовни, занималась сенокосом и пчеловодством. Так проходило устройство Зосимовой пустыни.

Но враг, по слову Апостола, никогда не дремлет. В 1867 году распустили слухи, будто в киновии делаются фальшивые кредитные билеты. Несмотря на всю нелепость клеветы, нашлись люди, которые поверили слуху. Начальство Гефсиманского скита сочло нужным обыскать келлию схимонаха Филиппа. Разумеется, в ней не нашли ничего подозрительного. Митрополит Филарет, любивший и почитавший Филиппушку, конечно, ни на одну минуту не усомнился в нем и ясно понимал, что эта скорбь прилагается Филиппу не без особого промысления свыше. Тем не менее, чтобы избавиться от соблазна и прекратить молву, он дал совет старцу, на время оставить созданную его трудами обитель и перейти в какой-нибудь другой монастырь. Старец исполнил благословение митрополита, взял с собой сыновей и отправился с ними в Московский Симонов монастырь, а потом в Тульский Богородичный и, наконец, во Введенскую пустынь, близ г. Покрова, Владимирской губернии. Когда же дело о клевете было окончено полным оправданием схимонаха Филиппа, то он вернулся в свою киновию и продолжал настоятельские труды.

С 5-го февраля 1868 года делами Зосимовой пустыни заведовало начальство Гефсиманского скита, так как отец Филипп с сыновьями удалился из тех мест. К сожалению, за это время было сделано распоряжение о перевозе всего кирпича в количестве до 25-ти тысяч, пожертвованного Яковлевой на постройку каменной часовни над могилою схимонаха Зосимы, в Черниговский пещерный скит. По-видимому, скит желал навсегда утвердить за собой Зосимову пустынь, но этого не произошло. Тогда Г. И. Неттель, будучи свидетельницей действий скитского начальства, возмущенная до глубины души недоброжелательством к Зосимовой пустыни и, не усматривая более возможности осуществления своих надежд, в третий раз решила, отказать киновии в пожертвовании и уничтожить сделанную ею дарственную. Это было возможно, так как еще не последовало Высочайшего соизволения на принятие пожертвования. На этот раз г-жа Неттель рассердилась больше прежнего, и снова запретила прислуге принимать монахов.

К довершению всех бед, вскоре скончался и схимонах Филипп. Удрученный трудами и скорбями, он слег в начале мая 1868 года и 18-го числа почил в самый полдень, после причастия Святых Тайн из рук своего сына иеромонаха Прокопия.

Если еще при жизни все считали схимонаха Филиппа блаженным, то теперь, после смерти он имел на это большее право, потому, что прошел до конца путь ведущий к блаженству. По слову Самого Христа: *«блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжущие, Мене ради: радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех»*.¹

Погребение схимонаха Филиппа совершал наместник Лавры архимандрит Антоний с 12-ю иеромонахами и при стечении несметного количества народа. Его погребли в нижнем Киновийском храме, за правым клиросом.

По смерти отца Филиппа и скончавшегося перед этим В.В. Головина иеромонах Прокопий не только не отказался от мысли восстановить Зосимову пустынь, но еще более стал обдумывать способы и средства к осуществлению своей сердечной цели. Отец Прокопий обратился теперь за благословением и помощью к своему старшему брату отцу Галактиону и к сыну Владимира Васильевича Головина, Дмитрию.

Но сколько он ни ездил к помещице Неттель, прислуга выходила и объявляла, что барыни нет дома, да и г-н Головин, со своей стороны, так же не мог добиться толку. Велика была скорбь отца Прокопия, но желание его послужить памяти

подвижника Зосимы не только не уменьшилось, а увеличилось. В трудные минуты он обращался за советом к наместнику Лавры. Архимандрит Антоний всегда поддерживал его в благом намерении и советовал положиться на волю Божию и молиться блаженным старцам Зосиме и Филиппу.

«Вы бы купили землю у помещицы, а не ждали жертвы», — говорил наместник. «Да г-жа Неттель ни за что не продает», — объяснил отец Прокопий.

Она, действительно, отговаривалась тем, что Филиппушка умер, и другому усердствовать не желает. Так настал канун годового дня кончины схимонаха Филиппа — 17-е мая 1869 года. Всенощную должен был служить иеромонах Прокопий и уже находился в храме, когда ему доложили, что какая-то барыня подъехала к киновии и спрашивает его. Это была Г. И. Неттель. Мысль о судьбе могилы возлюбленной дочери Юлии, ей не давала покоя, и она в четвертый раз решилась пожертвовать землю, но за смертью Филиппушки, — уже его сыну — Прокопию. Такие натуры, обычно, весьма нетерпеливы в исполнении своих желаний и потому, решившись в этот день покончить вопрос, (непременно в этот день или никогда), она сама явилась в киновию. Ей доложили, что отец Прокопий служит всенощную и с ним нельзя говорить, пока не закончится служба. Генриетта Ивановна терпеливо простояла всю всенощную в церкви. Понравилась ей и киновия.

Каково было удивление отца Прокопия! Как только он окончил служить, то подошел к ней. Г-жа Неттель объявила, что приехала сделать дарственную на его имя, и чтобы он немедленно ехал с нею к нотариусу. Отец Прокопий начал было возражать ей, что за поздним временем лучше это дело отложить

¹ Мф.. 5,11-12.

на завтра. Но г-жа Неттель прямо потребовала, чтобы дарственная была бы непременно совершена сегодня. Итак, вопрос о передаче земли решился в годовщину смерти схимонаха Филиппа. Благочестивые сыновья его, конечно, приписали это чудо молитвам блаженных старцев Зосимы и Филиппа.

Отец Прокопий, по поручению своего старшего брата иеромонаха Галактиона, заведовавшего киновиею, начал усердно работать по приведению в порядок Зосимовой пустыни. В ближайшее время нельзя было рассчитывать на официальное утверждение земли за обителью.

Только в 1874 году Господь порадовал всех окончанием бесконечного дела. По этому случаю обе жертвовательницы и некоторые соседи-помещики, почитатели памяти схимонаха Зосимы, пожелали вместе с отцом Прокопием отслужить всенощную и панихиду. Не видя в этом ничего непозволительного, после того, как уже несколько лет братия киновии жила в Зосимовой пустыни, все означенные лица собрались 14-го сентября в часовню для всенощного бдения, и в самый день, 15-го сентября, на часы и панихиду об упокоении схимонаха Зосимы. Но враги спасения, недовольные восстановлением Зосимовой пустыни, воспользовались этим обстоятельством, чтобы досадить собравшимся.

Местный благочинный села Новинки, священник Иоанн Успенский донес Владимирскому преосвященному архиепископу Антонию, что прибывший из киновии при Гефсиманском ските иеромонах Прокопий с иеродиаконом и клиром, по предварительном извещении особыми повестками окрестных жителей села Никульского-Головина, того же уезда, вечером и утром 15-го сентября сего 1874 года, в приходской, того села часовне, устроенной над гробом схимонаха Зосимы, совершал богослужение, при многочисленном стечении народа, и сим небывалым доселе богослужением произвел сильное волнение на местных и окрестных жителей. Архиепископ Владимирский, в свою очередь, довел о сем до сведения владыки — митрополита Московского Иннокентия, с присовокуплением замечания, что он считает нужным «сообщить» о том «на благоусмотрение» Его Высокопреосвященства в виду того, что «никакой священнослужитель не может священнодействовать в чужой епархии без благословения местного архиерея». На этом отношении владыка митрополит от 16-го января, следующего 1875 года, дал такую резолюцию: «Учрежденному Собору дозвать и о последующем мне донести». Вследствие сего Собор предписал иеромонаху Прокопию «представить объяснение причины и законности богослужения его в означенной часовне». Отец Прокопий к 1-му февраля того же 1875 года представил в Собор рапорт, в котором откровенно объяснял дело, как оно было и добавляя при сем, что повестками никого он не извещал и волнения никакого не было, а все произошло по усердию жертвователей и почитателей памяти схимонаха Зосимы, из коих один, крестьянин деревни Арсаки, Антон Николаев Громов, принес, как свой вклад в часовню икону, которая тогда же и освящена была, а он, иеромонах Прокопий, был лишь исполнителем желания их и совершил богослужение «с дозволения и благословения наместника Лавры отца архимандрита

Антония». Учрежденный Собор, приписав все это в своем отношении к архиепископу Владимирскому и, указав при сем на историческое значение Зосимовой пустыни на основании только что напечатанных тогда в декабрьской книжке «Душеполезного Чтения» за 1874 год сведений о ней, со своей стороны испрашивал его «архипастырского благословения и разрешения киновийской братии совершать в Зосимовой часовне поминания в нужных случаях и на будущее время».

Для отца Прокопия это дело не обошлось без невыразимых волнений. Наместник Лавры, архимандрит Антоний приказал ему съездить во Владимир и попросить прощения у Владыки. Архиепископ Антоний принял его милостиво и утешил отца Прокопия не только прощением, но и разрешением совершать в Зосимовой пустыни богослужение, о чем и сообщил официально духовному собору Лавры.

Теперь, казалось, уже неоткуда было ждать притеснений и следовало приступить к постройке каменной часовни вместо деревянной. Появились и жертвователи, во-первых, — смежные владельцы Димитрий Владимирович Головин, сын покойного Владимира Васильевича, столь много сделавшего для обители, и Елизавета Васильевна Яковлева. Во-вторых, неизвестные люди, принесшие 450 рублей и, в-третьих, московская купчиха Агриппина Гавриловна Богомолова, пожертвовавшая на строительство до трех тысяч.

Митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов) согласился на эту постройку. Владимирская консистория и священник села Никульского дали подписку, что со своей стороны не имеют никаких препятствий. Так под руководством иеромонаха Прокопия была возведена каменная часовня.

Душа подвизавшегося ради Господа старца схимонаха Зосимы теперь могла с дерзновением говорить словами Псалмопевца Давида: *«Терпя потерпел Господа, и внят ми, и услыша молитву мою. И возведе мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нозе мои, и исправи стопы моя»*¹.

Каменная часовня на месте подвигов схимонаха Зосимы могла, конечно, на более долгое время увековечить память о нем и деле, им созданном, нежели часовня деревянная. Но все же и часовня не то, что церковь. Только в храме Божиим, надлежаще устроенном и освященном, возможно было велегласно вознести к Богу *песнь нову, пение Богу нашему*², воссылать не только в молитвах прошения, но и славословия и благодарения Евхаристии.

Естественно, — требовался храм. Неутомимый иеромонах Прокопий ни одного дня не проводил без хлопот по поиску жертвователей. Кто в своей жизни строил или обновлял храм, тот знает, сколько ставит препятствий на этом пути враг спасения, какими искушениями и скорбями он старается помешать святому делу.

¹ Пс. 39, 2, 3.

² Пс.39,4.

Долго искал, много молился боголюбивый отец Прокопий, пока не появилась готовая оказать помощь добрая, Богом благословенная семья московского купца Димитрия Михайловича Шапошникова. Сам Димитрий Михайлович уже занимался строительством в Лукинской женской обители, в Подольском уезде Московской губернии, и по испытанным в этом деле трудностям хорошо был известен митрополиту Московскому Иоанникию (Рудневу). Заботы о начатой постройке не давали ему возможности подробно войти в рассмотрение просьбы отца Прокопия, который намеревался вначале хотя бы пристроить к каменной часовне такой же алтарь, и тем сократить издержки.

Прошло почти десять лет после возведения каменной часовни, когда в конце 1887 года, отец Прокопий получил, наконец, обещание Д. М. Шапошникова построить алтарь. Рапортом от 18-го декабря отец Галактион вошел с представлением в Духовный Собор, прося разрешения исправить существующие постройки, «если потребуется вновь пристроить каменное здание». Но последовало разрешение на то, чтобы только исправить обветшалые здания..

Из многих примеров известно, что Господь Сам избирает строителей храмов, и далеко не все деньги приемлются Богом при возведении церквей. Так и для Зосимовой пустыни Господь избрал строителями первой церкви боголюбивого Д. М. Шапошникова и его семью. Насколько же этот храм был нужен блаженному старцу Зосиме и его обители, это видно из совершившегося затем чуда. Схимонах Зосима явился Д. М. Шапошникову в сонном видении. Он имел вид худощавого, седого старика, с бледным лицом в монашеском подряснике и в шапке подобно той, которую носят пустынники.

С устройением особой церкви и братского корпуса утрачивалась всякая зависимость Зосимовой пустыни от прихода села Никульского, к которому была приписана часовня указом Священного Синода от 12 ноября 1854 года. Не могла она быть и в зависимости от Боголюбской киновии. Новый наместник Лавры, архимандрит Леонид (Кавелин), был доволен возрождению Зосимовой пустыни, но, по некоторым наветам не расположился к простым и боголюбивым старцам, иеромонахам Галактиону и Прокопию, которым пришлось, ради Господа, претерпеть новое гонение. Отец Галактион был устранен от управления киновией, и на его место назначен иеромонах Палладий, а отец Прокопий удален из Зосимовой пустыни. Строителем назначен скитский иеросхимонах Иоанн.

Известно, что, будучи уже Строителем Боголюбовской киновии, отец Прокопий принимал участие в освящении зосимовского Всехсвятского храма 19 сентября 1899 года.

Упокой Господи душу раба Твоего схимонаха Филиппа и души сыновей его: иеромонахов Галактиона, Прокопия, и Лазаря.

Иеросхимонах Иоанн

Схимник Саввино-Сторожевского монастыря, что в Звенигороде, отец Иоанн был духовным наставником девятилетнего Гани Гомзина, будущего схиигумена Германа Зосимовского.

«Научи меня монашеству», — просил девятилетний мальчик.

«Да какое наше монашество? А как постригли меня, да на другой же день дали палку в руки и собирать послали на обители — вот какое нынче монашество».

По воле Божией отец Иоанн стал Строителем Зосимовой пустыни, куда был назначен настоятелем в 1890 году и оставался на этой должности восемь лет, до водворения там преподобного Германа.

Вот что рассказывает об отце Иоанне сам схигумен Герман:

«...На другой день (по прибытии в обитель — *м. А.*) сразу же ввел я уставную службу. А потом начали мы с отцом Иоанном разбирать бумаги. Деньги, которые в изобилии и часто жертвовали или присылал отец наместник (Лавры — *м. А.*), отец Иоанн держал под шкафом и раздавал их всем, кто бы ни просил у него: он ведь был добрый, не то, что я. Бывало, придет мужик, просит на лошадь; придет баба, просит на корову: он сейчас палочкой вынет и отдаст; хлеба он всегда давал мужикам. Мужик придет, попросит овсеца, отец Иоанн кошель насыпет; а тот пойдет да и продаст его. Много ходило к нему. От этого братии иногда была нехватка. Наместник за это сердился: ему было неприятно, что то, что доставалось для любимой им Зосимовой пустыни с трудом, отец Иоанн от простоты раздавал иногда и не нуждающимся, но прикидывающимся бедными. Отец Иона, казначей, искусно насчитал, что отец Иоанн растратил таким образом 6000 рублей, на которые были расписки только отца наместника. Когда я стал жить здесь, порядки переменялись: он жил добродетельно, а я не так; про меня стали говорить:

— Это — не отец Иоанн, у этого не попользуешься.

Я со скупостью все делал. Когда отец Иона показал отцу наместнику все начеты на отца Иоанна, то отец Иоанн сказал мне:

— Ну, отец Герман, он и тебе зла наделает много; и тебе от него плохо будет. Берегись, натерпишься от него.

Вскоре о. Иоанн уехал в Лаврскую больницу на покой; оскорбился старец. 23 декабря стало ему плохо, а 8 января 1898 года он скончался»¹.

Упокой Господи душу раба Твоего иеросхимонаха Иоанна.

Иеромонах Мелхиседек

¹ Митрополит Вениамин Федченков. Божии люди. М. «Отчий дом». 2004. стр. 66-67, 84-86, 379. (Орфография подлинника. — *м. А.*).

Благочинный Зосимовой пустыни, иеромонах Мелхиседек, в миру Дмитрий Алексеевич Лихачев, родился в 1867 году в крестьянской семье деревни Стоянец Корчевского уезда Тверской губернии.

Кроме него у родителей было еще два сына: Петр и Семен (впоследствии староста сельского храма — расстрелян как «враг народа» в 1937 г.)

Из следственного дела известно, что он окончил сельскую школу. По всей вероятности, как и среди большинства крестьян России, семья его была истинно православной. Только этим можно объяснить его ранее, в двадцать три года, поступление в знаменитый Гефсиманский скит.

5 октября 1892 года Дмитрий становится указным послушником. Во время скитского послушания он сближается с будущим игуменом Зосимовой пустыни отцом Германом и другими насельниками «Северной Оптиной», в том числе с Иваном Орешкиным, ставшим в последствии иеромонахом Иннокентием — келейником преподобного Германа; с преемником преподобного Алексия, казначеем пустыни, схиигуменом Митрофаном. В 1897 году тридцатилетний послушник в числе других преданных учеников уходит со своим духовником в Зосимову пустынь.

В марте 1898 года послушника Дмитрия постригают в мантию с именем Мелхиседек, а 14 июня рукополагают в иеродиакона. Отец Мелхиседек вспоминал, что в 1898 году с ним произошел такой случай. Он в то время нес послушание — зажигал лампаду на могиле отца Зосимы. В Великую Пятницу утром он не оправил фитиль, а занялся другим делом — откупоркой церковного вина, что не удавалось долгое время. Между тем помысл подсказывал ему идти и выполнить свое послушание. Но вместо того, чтобы оставить занятие и отправиться на могилку, отец Мелхиседек продолжал попытки откупоривания бутылок и поранил себе руки.

Этот и многие другие уроки послушания с великой пользой для себя и окружающих усвоил благочинный пустыни.

21 октября 1901 года иеродиакона Мелхиседека рукополагают в иеромонаха. В 1907 году, 30 июня, его назначают благочинным пустыни. В 1909 году, когда по рапорту казначея пустыни иеромонаха Ионы прошло разбирательство финансовых дел монастыря, происходит недолговременный исход аввы Германа с учениками (в том числе и отца Мелхиседека) в Махру, а затем их возвращение в Зосимову пустынь.

Однажды отец Мелхиседек сопровождал после пострига монаха Исидора для представления его наместнику Лавры, которой непосредственно подчинялась Зосимова пустынь. В Сергиевом Посаде новопостриженный монах спрыгнул с повозки у книжной лавки, чтобы пойти и купить необходимую ему духовную литературу. Мелхиседек его задержал и вразумил:

— Отец Исидор, своя воля кончена.

Без воли монастыря и старца нельзя осмелиться даже на самую мелочь. Это правило строго соблюдал иеромонах Мелхиседек не только по отношению к вверенным ему братьям, но, прежде всего, и к самому себе. Это в нем укоренилось за долгие годы подчинения монастырскому укладу.

Со временем, наряду с иеромонахами Досифеем, Дионисием и другими, ему предстояло разделить труд старчества, основная ноша которого лежала на игумене Германе и старце Алексее.

Испытывая глубокою и преданною любовь к своему авве, отец Мелхиседек вел дневник, в котором карандашом и чернилами, оставляя правую сторону пустой для последующих заметок, описывал жизнь Зосимовского игумена. Эти записи впоследствии он передал митрополиту Вениамину (Федченкову), использовавшему их для составления жития преподобного Германа.

Будущий владыка Арсений (Жадановский), часто бывал в Зосимовой пустыни, любил и чтил ее игумена и насельников. В своих «Воспоминаниях» он приводит забавный эпизод.

«Отец Герман, я и один из его преданнейших учеников, иеромонах Мелхиседек, отправились в Махрицкий монастырь на 500-летний юбилей обители¹. По приезде туда отвели нам троим общую келлию. После торжественного всенощного бдения, продолжавшегося до 12 часов ночи, мы, усталые, едва доплелись на отдых в свое помещение. Несмотря, однако, на это отец Герман велел отцу Мелхиседеку идти к ранней литургии помогать служащему иеромонаху вынимать просфоры. Прочитав на сон грядущий молитвы и пожелав друг другу доброго сна, каждый из нас улегся. Батюшка быстро заснул, а мы несколько замешкались: когда стали укладываться, отцу Мелхиседеку показалось почему-то, что мне неудобно, и он принудил меня поменяться с ним койкой. Едва я задремал, как услышал голос отца Германа, направленный к моей постели:

— Пора тебе вставать к ранней.

Так как это говорилось не по моему адресу, я продолжал спать; тогда старец, спустя несколько минут, подошел ко мне и начал будить уже энергично, укоряя такими словами:

— Ах, ты, этакий соня, до каких же пор ты будешь рассыпаться, небось уже ранняя началась?

Такие замечания батюшки относились к отцу Мелхиседеку, а тот «спал как убитый». Тогда я решил смиренно сказать строгому авве:

— Это я, Арсений, вы же, по всей вероятности, стараетесь разбудить отца Мелхиседека... Он поместился на следующей постели.

— Простите Бога ради, — завопил тогда старец, — я думал здесь спит Мелхиседек, ведь он тут ложился...

От меня батюшка перешел к отцу Мелхиседеку, и уж досталось ему... Слышно было, как в одну минуту он соскочил с койки и быстро исчез из келлии. Тут же зазвонили к ранней литургии.

¹ Отмечался в 1906 г.

И чем преданней оказывался ученик, тем взыскательнее относился авва к нему, как бы во исполнение слов Библии: *Его же любит Господь, наказует»*¹ Особенно много укоров от батюшки терпел тот же отец Мелхиседек даже при посторонних людях, но стоило только скрыться ему с глаз, как старец начинал его расхваливать.

— Вот у меня отец Мелхиседек молодец! Куда не пошли, всюду идет, а как любит истовое богослужение, настоящий старовер. Кажется, он сродни им»².

И ученик отвечал авве еще большей искренней преданностью.

Это ярко проявилось в последние дни преподобного Германа.

Физическая слабость старца развилась до последней степени. Он сделался...настолько худощавым, что отец Мелхиседек носил его на руках в храм. С Преображения Господня авва уже не в силах был посещать церковные службы, но в келлии у него вычитывался весь круг богослужений. На него находило духовное озарение: он поднимал свой взор и долго сидел неподвижно, как бы что-то созерцая. Неотлучно находившийся при нем отец Мелхиседек чувствовал, что авва переживает что-то, но спросить не решался.

Ища поддержки, верный ученик пишет владыке Арсению.

«Молитвами св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н. Аминь.

Ваше Преосвященство, Владыко Святый,
милость Божия буди с Вами. Благословите.

Ожидали-ожидали Вас, Владыко Святый, к нам и не дождались. Простите нас, решил я тогда послать к Вам лично человека со следующим поручением.

В бытность Вашу у нас Вы сказали батюшке, чтобы он не умирал до известного времени. Старец ответил Вам на это: "Благословите". Вы же подтвердили: "Бог благословит".

Запала теперь мне мысль: а что если то время не видать будет, все и жить батюшке? А он ведь временами очень разбалчивается. Думаю, тяжело ему так страдать, и мне, видя это, так же нелегко бывает. И хотя, быть может, с моей стороны это и дерзновенно, прошу Вас, Владыко, как святителя и духовного отца старца по схиме, предоставить исход его воле Божией и свои слова, сказанные ему, ослабить.

Батюшка часто старческим лепечущим голосом говорит в тоне прощения: "Отпустите меня, отпустите меня, отпустите".

Миленький батюшка, старче, как мне его жалко!

Прошу Вашего благословения и святых Ваших молитв за батюшку, меня,
грешного, и за всю обитель нашу. У нас пока по молитвам батюшки, Вашим и братии все слава Богу, праздник провели торжественно и спокойно. Мы с моим

¹ Притч. 3,12.

² Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. М.1995. стр.82

аввой сидели в келии и никуда не выходили. Прошу еще Вас, Владыко святой, когда Богу угодно будет отпустить батюшку от сей временной жизни, помолитесь, дабы Всемиловитейший Господь принял душу его и упокоил бы со святыми своими в честном нетленном блаженстве. Простите. Смиранный послушник Вашего Преосвященства иеромонах М.»¹

Свою болезнь отец Герман переносил с поразительным терпением, хотя она была не из легких. Отца Мелхиседека, ухаживавшего за ним, батюшка до последних дней старался ободрить, утешить:

— Какой ты добрый, как мой покойный отец Семен, — ласково похлопывая его по спине, говаривал старец. А когда тот скорбел и жаловался на неумение услужить как следует своему авве, схиигумен успокаивал его словами:

— Ничего, ничего, хорошо, что сознаешься.

...Вскоре после этого отец Герман вспомнил Великую Княгиню Елизавету Федоровну и своего отца — монаха Симеона, стал просить свести его к ним.

Ответ отца Мелхиседека, что Елизавета Федоровна сама обещается прийти, успокоил батюшку.

Отец Мелхиседек был в числе священников, соборовавших игумена Германа.

Прошли сутки, как причастился отец Герман, и отцу Мелхиседеку не давали покоя незадолго перед тем сказанные аввой слова:

— Мелхиседек, смотри не упусти меня.

— Как, в чем, батюшка? — спрашивал преданный ученик

— Причасти меня перед исходом, — просил старец.

Сознавая близость кончины наставника, Мелхиседек мысленно усердно просил Господа и св. великомученицу Варвару помочь ему исполнить предсмертную просьбу. Однако больной казался настолько слабым, что братия не советовали отцу Мелхиседеку приобщать его, но верный келейник после некоторых колебаний все-таки решился оказать послушание батюшке, предварительно дав ему выпить немного св. воды, которую больной свободно проглотил. Это ободрило отца Мелхиседека, он поспешно принес Святые Дары и, раздробив как можно мельче частицу, приобщил умирающего. Батюшка принял ее, запил св. водой и видимо стал приближаться к переходу в вечность.

... Отец Мелхиседек со слезами в голосе чуть слышно повторял:

— Господи, прими батюшку.

Впоследствии схимонах Симон (Кожухов) вспоминал:

«Пишу вам ... под свежим впечатлением от похорон нашего игумена отца Германа. Не стану описывать того, что было, — оно не поддается описанию и может быть воспринято только духом. Необычная любовь и привязанность к почившему отцу Мелхиседека, воодушевив всех, выявила величие, красоту, торжественность, радостность заупокойной службы».

¹Там же. Стр.92-93.

После разгона обители, предсказанного преподобным Германом, отец Мелхиседек вместе келейником старца, иеромонахом Иннокентием (Орешкиным) отправился в село Олисово недалеко от Клина.

Поселились зосимовские старцы у бывшей монахини московского Алексеевского монастыря Елизаветы Ефимовны Барановой, вернувшейся домой в 1920 году по той же причине — монастырь был упразднен. У Елизаветы монахи стерегли пасеку в двадцать ульев и сад, помогали по хозяйству.

Отцу Мелхиседеку шел пятьдесят седьмой год, отцу Иннокентию исполнилось пятьдесят три. Старцы знаменитой пустыни стали центром местной православной общины.

Несмотря на строгую проверку, при выселении в 1923 году из монастыря, братьям удалось спасти частицы мощей преподобного Нила, святителя Димитрия Ростовского, священномучеников Питирима и Нектария, некоторые книги.

Под их духовное окормление собрались проживавшие в Олисове, Тимошине и Клине бывшие монахини, приходили и не испугавшиеся преследований миряне. Тайком, часто по чужим документам, наезжали духовные чада из Москвы. Правда, собираться приходилось скрытно, небольшими группами по праздникам под видом чаепитий — собрания верующих были строго запрещены. «Читали жития святых или монашеское наставление... были случаи, когда мы пели стихи...», — показывала на следствии шестидесятилетняя монахиня Иннокентия (Мария Петровна Николаева), преданная старцам, получившая в последствии «десять лет концлагеря».

Отец Мелхиседек иногда выезжал в Загорск к старцу Алексию. Там, исповедуясь и получая наставления своего духовника, он встречался с келейником отца Алексия монахом Макарием и другими зосимовцами. В последний раз зосимовский изгнанник побывал у старца за два-три месяца до его кончины.

Бывал иеромонах и в Москве, посещая на Покровке своего врача (по всей вероятности духовного сына) Георгия Федоровича Вагнера, обеспечивавшего монахов бесплатным лекарством из аптеки, находившейся в том же доме, где он проживал. Иногда отец Мелхиседек служил в Высоко-Петровском монастыре, куда перебрались к владыке Варфоломею (Ремову) многие зосимовцы. «На проскомидии действительно поминал за упокой благочестивых царей и цариц... С своей стороны считаю, что поминать царей мы обязаны, так как при них лучше жилось, был порядок, православную Церковь не терзали и духовенство не сажали... С какими я священниками служил, сейчас не помню....» — эти искренние слова, обращенные к своим палачам бесстрашно высказывал отец Мелхиседек.

Они почти слово в слово повторяют показания его собрата, иеромонаха Макария, арестованного в Загорске одновременно с ним по тому же делу...

Иеромонах Иннокентий на момент ареста братий оказался в Москве у доктора и скрылся.

Вернувшись в начале марта 1931 года из одной такой поездки, отец Мелхиседек обмолвился, что в голодающей Москве видел массу войск, высказался о возможном военном положении и скорой войне. На него донесли, и 4 марта 1931 года старца арестовали. Затем постепенно взяли и всех членов общинки.

27 марта на Клинском вокзале схватили тридцатидевятилетнюю монахиню Салову Екатерину Михайловну, которая везла из Твери от владыки Фаддея (Успенского) письма в Москву. Отважная монашка изорвала и успела проглотить некоторые листки. «Я, Салова, адреса знакомых своих называть отказываюсь... Я их не выдам», — бросила в лицо следователям ГПУ удивительная по стойкости раба Христова.

Мать Иннокентия жила в восьми километрах от старцев, в Клину, вместе с бывшими насельницами своего монастыря. Они зарабатывали себе на жизнь шитьем одеял.

Кроме упомянутых монахинь среди преданных чад зосимовских подвижников были и пострадавшие впоследствии монахини Алексеевского монастыря: Анна Райдакова, Александра Страхова, Татьяна Гусева, мать и дочь Панфиловы, Рубова, Филина...

Стараясь уберечь своих духовных отцов — Мелхиседека и Иннокентия — от беспредела ГПУ, они свидетельствовали, что собрания их носили чисто религиозный, монашеский уклад. Приходивших к ним мирян не назвал никто. А про себя говорили, что встречались со старцами, чтобы «усмирять свою скорбь» (м. Иннокентия).

— Смиряться и укоряйте себя, — увещевали Мелхиседек и Иннокентий.

Отец Мелхиседек показывал на следствии, что «антисоветской агитацией не занимался, общался с монашками местными и московскими, что те к нему приезжали как к человеку, могущему утешить скорбь. Среди крестьян никакой агитации не вел. Ко мне ходят как духовному отцу только монашки, крестьяне не ходят...»

Несмотря на единодушность показаний всех подследственных, в вину отцу Мелхиседеку и его духовным чадам было вменено создание «нелегальной контрреволюционной церковно-монархической организации "Истинных Христиан"» с филиалами в Клину, Сходне и Загорске общим числом участников свыше шестидесяти человек.

По Загорскому «филиалу» среди прочих были арестованы Иван Николаевич Инюшин («руководитель») и келейник почившего старца Алексея отец Макарий (Моржов). Оба расстреляны.

По Клинскому: отец Мелхиседек, священник Чепурко, монахиня Иннокентия и другие сестры общинки.

По Сходненскому: Маслов, Суворова, Петушков Денис Осипович, Марков Игнатий Артемьевич, Шестерин Дмитрий Сергеевич — все расстреляны

Среди получивших высшую меру значатся и иеромонах Нафанаил (Николай Алексеевич Алексеев) и Николай Степанович Аристов, Петр Лаврович Юдин.

В числе осужденных по этому делу было еще трое Зосимовских насельников: преподобный игумен Владимир (Терентьев), иеродиакон Евфросин (Данилов), иеродиакон Иоанникий (Каштанов).

Из последнего протокола допроса отца Мелхиседека следует, что ему приписывалось «признание»:

«вся наша группа, состоящая из монахов и монашек была по отношению к Соввласти настроена недоброжелательно, а дальше больше враждебно... Состоя членом контрреволюционной организации "Истинных христиан" создал филиал этой организации... которым и руководил до ареста: проводил нелегальные собрания..., на которых читал контрреволюционные листовки собственного сочинения и намечал формы и методы антисоветской деятельности... ..Добавляю, по предъявленному ранее обвинению, где я виновным себя не признал, решение свое изменяю и виновным в предъявленном мне обвинении... себя признаю».

Подпись иеромонаха Мелхиседека под этим следовательским вымыслом отсутствует!

Вероятно истязали, били, играли в «доброе» и «злого» следователя. А кто был «добрым», кто «злым» из мучителей: Логунов? Широков? Саморядов? Комиссаров? «Опер» Толстой?

Святое Писание сохранило нам имена Иуды, Каифы, Анны, Иродов.

Знай же и имена тех, кто убивал праведников XX века.

Вымышленное обвинение иеромонаха Мелхиседек не подписал. И только на следующем листе, через большой пропуск в конце страницы, стоит его подпись под словами:

«Признаю себя виновным в том, что я на проскомидии поминал царей благочестивых».

Расстрелян отец Мелхиседек был в том же 1931 году вскоре после вынесения приговора 6 июня. Похоронен в неизвестной могиле на Ваганьковском кладбище.

Дата реабилитации 12 декабря 1958 года.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Мелхиседека.

Схиигумен Митрофан

Русский крестьянин, русский монах-священник, русский мученик, духовник епископов, принявший из рук преподобного Алексия древко хоругви Зосимовского старчества. Корни этого подвижника уходят в благословенную Тверскую землю, где он родился в 1866 году в деревне Горки Новоторжского района.

Михаил Тихонович Тихонов. Рано простился он с этим краем и этим именем. В двадцать два года, 8 апреля 1888 года, крестьянский сын Михаил поступает в знаменитый Гефсиманский скит, где его определяют под духовное окормление иеромонаха Германа.

Спустя девять лет вместе со своим аввой преданный ученик переходит в Зосимову пустынь. Произошло это в памятный для Пустыни день — 6 октября 1897 года. Только через три года после этого отец Герман, 11 марта 1900 года постригает духовного сына в монашество с именем Митрофан. Но уже 19 марта 1901 года его рукополагают в иеродиакона. 15 февраля 1904 года он — иеромонах.

Нападением в 1904 году на русский Порт-Артур развязана война России с Японией. Вместо направленного на театр военных действий иеромонаха Ионы, отец Митрофан 24 мая назначается исполняющим обязанности казначея и он несет это послушание два года.

26 сентября 1909 года вслед за своим настоятелем преданный ученик покидает Зосимову пустынь, как некогда покинул Гефсиманию. Вместе с другими чадами отца Германа он отправляется в Махрищенскую обитель. Там его назначают духовником братии. Через два месяца все изгнанники возвращаются в Зосимову пустынь, где уже до 1918 года послушание казначея становится для отца Митрофана постоянным.

28 июля 1910 года он награжден набедренником. Все годы, наряду с послушанием казначея, отец Митрофан несет череду священнослужения и духовничества. Так известно, что 19 марта 1915 вместе с аввой Германом он постригал в мантию отца Агафона (в будущем схиархимандрита Игнатия).

29 июня 1917 года иеромонах Митрофан награждается от Священного Синода наперсным крестом.

Однако со временем силы постепенно начинают уходить, следует прошение:

«Его Высокопреподобию

Строителю Смоленской Зосимовой пустыни о. Игумену Герману

Казначея Смоленской Зосимовой пустыни иеромонаха Митрофана

Рапорт

В виду усложнившихся обязанностей должности казначея в Смоленской Зосимовой пустыни, требующих постоянного напряжения сил, я, чувствуя последнее время недомогание, не имею более возможностей исполнять без упущения и с требуемой энергией все связанные с должностью казначея обязанности; сознавая себя поэтому неспособным для дальнейшего несения должности казначея, покорнейше прошу освободить меня от этой должности.

16 ноября 1918 г.

Казначей иеромонах Митрофан».

19 марта 1919 года его увольняют с должности казначея. Вместо него назначен иеромонах Феодорит.

После разгона Пустыни начинаются скитания. Сначала отца Митрофана, как и некоторых других зосимовских насельников, принимает в Высоко-Петровский монастырь Москвы его наместник, епископ Варфоломей (Ремов).

«Этим переходом отцы сменили свою лесную пустыню на пустыню духовную. В столицу богоборческого государства в те тяжелейшие для Церкви годы зосимовцы пришли с благовестием о неложных путях богопознания и духовной жизни. Они принесли сюда плоды своих пустынноческих трудов: животворящий навык молитвы и укрепляющее слово старцев. Ощущая краткость отпущенных им дней, отцы не скрыли этот благодатный родник, но предложили напиться от него всем жаждущим. Такое самораскрытие монашества миру, приношение в дар ему самых драгоценных плодов подвижничества было средоточием и главной особенностью бытия Высоко-Петровского монастыря в то время»¹.

В столичной обители маститый иеромонах становится духовником Владыки. На него ложилось принятие важных духовных решений, как, например, постриг в схиму того или иного монаха.

«Значительную прослойку молящихся монастыря в 24–35 гг. составляли монашествующие. Некоторые обители в те годы еще существовали в виде артелей, другие закрывались или были закрыты, — и все эти скорбные, потерявшие свой оплот люди приходили к старцам, чтобы поделиться своими горестями, получить совет, обрести душевную поддержку.

Но здесь же — поскольку жизнь шла — формировалась и новая духовная среда: молодые девушки, которые под руководством старцев усматривали смысл своей жизни в одиноком пути, в служении Богу. Некоторые из этих молодых душ были решительными, оставляли все мирское и полностью предавали себя на служение Церкви; таких были единицы. Значительная же часть девушек оставалась в семье — училась или работала, не меняя избранного жребия. Так, по благословению владыки, по его и духовных отцов рассуждению возник и начал осуществляться подвиг «монашества в миру» — монашества без стен и изменения одежды. По рассуждению владыки Варфоломея и зосимовских старцев, монашество не могло и не должно было прекращаться, если стен больше не было...

Отцу Митрофану было поручено проводить исповедь богомольцев Петровского монастыря. Вскоре он показал себя опытным руководителем человеческих душ, и владыка Варфоломей направлял к нему большое число богомольцев... Тихо, смиренно проводил свое делание старец Митрофан — достойный пастырь и смиренномудрый инок»².

¹ Алексей Беглов. Предисловие к публикации монахини Игнатии (Петровской) «Высоко-Петровский монастырь в 20—30 годы». «Альфа и Омега» №1 (8) 1996.

² монахиня Игнатия (Петровская). Там же.

«Его руководство было простым, человека он брал обобщенно, в детали не входил, помыслы не любил разбирать и своим духовным не благословлял их писать.

”Что писать, — говорил он, — все одно и то же”. Постоянного твердого правила не давал, заповедью его было: ”Будь всегда с Богом”. Постриги в рясофор, когда они случались никак не обставлял, особой обстановки не создавал: задернет занавески на окнах и пострижет. Но был он великим старцем и прозорливцем, предчувствовал и предсказал Великую Отечественную Войну...»¹.

Видимо, в этот период отец Митрофан прошел «вольную» ссылку и легко вернулся в свою обитель — Высоко-Петровский монастырь, пришел на всенощную под Благовещение, когда пели «Архангельский глас».

Непосредственно в этой обители братия оставалась до 1929 года, когда монастырь был закрыт. После этого отцы перебрались в храм преподобного Сергия на Большой Дмитровке, где служили до 1933 года. Жили монахи в крохотной комнатеночке на колокольне, все продукты по карточкам, нужда, а настроение приподнятое. Все-таки они служат Богу...

Последним пристанищем братии, владыки Варфоломея стал храм Рождества Богородицы в Путинках.

По закрытию обители остро встала проблема жилья. Монахи поселяются, в основном, у духовных чад. И отец Митрофан поселяется на Воздвиженке в квартире великого русского философа А. Ф. Лосева. Алексей Федорович и его супруга Валентина Михайловна были в числе постоянных прихожан Петровского монастыря. Отец Митрофан живет у них под видом старого «дядюшки». В периоды, когда у изгнанников-монахов не было места, службы проводили в лосевской квартире. В частности, известно о молебне, который отец Митрофан отслужил там 1 января 1928 года

Философа арестовали 18 апреля 1930 года. А 5 июня пришли за женой и старцем.

Произошло это в годовщину венчания Лосевых ², буквально в тот же день, когда было издано соответствующее постановление, подписанное начальником 4 отдела ИНФО ОГПУ Герасимовой. Оба, В.М. Лосева и М.Т. Тихонов, были задержаны за «активное участие в преступных действиях А.Ф. Лосева, антисоветской пропаганде, распространение антисоветской литературы (автором является сам Лосев)» и за «разжигание религиозных предрассудков».

Через долгие месяцы следствия, 28 марта 1931 года, отец Митрофан был приговорен к ссылке в Северный Край на три года, но 16 мая его досрочно освободили и разрешили свободное проживание.

¹ монахиня Игнатия (Петровская). Старчество на Руси в кн. «Путь к совершенной жизни». Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет. М. 2006. Стр. 442-443

² Венчание совершено отцом Павлом Флоренским в 1922 году в Сергиевом Посаде.

Несмотря на суровые испытания, сквозь годы и страдания отцу Митрофану, светлой, не огрубевшей его душе, было присуще чувство утонченного лиризма.

В поэтичных строках письма, обращенного к духовному чаду, схиархамандриту Игнатию (Лебедеву), не сжимает сердце безысходность ностальгии, а светлѳо предстает покойное созерцание сути прекрасного, незабываемого прошлого, которое не сгорело в горниле гонений, преследований, арестов, ссылок:

«О , родная обитель, где наши блаженные отцы ходили, и кладбище, где покой отцов и братий, и собор, и храм Всех Святых, смотрительно устроенный отцом Павлом, чтоб всякий радовался своему Ангелу... вот и окошечки наших блаженных отцов. Колокол оглашал весь поднебесный свод. Святая Матерь Церковь своих чад во храм звала... вот вышел блаженный отец игумен на ли

тию, тихо, смиренно... величественно и благообразно.. вот отверзаются Царские Врата, и из божественного Святилища торжественно выплывают два белых лебедя со своими птенцами, и вдруг раздается громкий голос от божественного Алтаря — Хвалите Имя Господне, хвалите раби Господ! Сколько пережито славных дней, можно ли это все забыть?... Ты, как младенец сосал духовное млеко из бьющего духовного источника»¹.

Эти легкие, словно написанные тонкой кистью художника, слова живописуют в воображении мгновенно запечатленный этюд зосимовского бытия. И это пишет полуграмотный, получивший домашнее образование, крестьянский сын!

Перед Великой Отечественной войной старца ссылают в Каширу, где он служит во Фроловской церкви. Там 2 июля 1941 года его арестовывают в очередной, последний, раз и по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 27 декабря 1941 года за антисоветскую деятельность (без указания статьи) высылают в Башкирскую АССР сроком на пять лет.

Во время войны он жестоко страдал в тюрьме и погиб мучеником, по свидетельству собратьев-монахов, встречавшихся с ним в заключении.

28 июня 1989 года схиигумен Митрофан реабилитирован.

Упокой, Господи, душу раба схиигумена Митрофана.

Игумен Никодим

Николай Ильич Монин родился 28 сентября 1876 года в семье московского купца второй гильдии. Отец занимался торговлей церковной утварью, имел собственный дом на Чистых прудах в Харитоньевском переулке и явно видел в сыне продолжателя собственного дела. Еще не

¹ Мон. Игнатия. Старчество в годы гонений. М. 2001 стр. 62

достигнув двадцатилетнего возраста, Николай принимает участие в торговых делах отца: работает конторщиком.

Московский купец конца XIX века идет в ногу со временем. Россия стремительно занимает место в числе передовых держав мира. Вести дело по старинке не представляется возможным, и Илья Монин отдает сына

в Московскую Практическую академию коммерческих наук. Николай закончил ее в 1895 году, получив прекрасное образование,

Внезапная кончина отца резко меняет планы, и выпускник академии поступает вольноопределяющимся¹ в армию, служит год, получает чин прапорщика и возвращается в Москву. Его торговыми партнерами становятся иностранные предприниматели. В 1901 году он посещает Париж и Берлин. Семь лет жизни в первопрестольной, весьма плодотворной и полезной для общества.

Что заставило молодого преуспевающего коммерсанта, уйти от мирской суеты? Конечно, близость с младенчества к церковной жизни сыграла свою роль, но истинная причина такого крутого поворота в судьбе московского купца не известна. Во всяком случае, женат Николай Ильич не был.

Монин поступает в Зосимову пустынь 22 января 1903 года. Грамотного, говорящего на четырех европейских языках послушника определяют трудиться библиотекарем и пономарем.

17 марта 1907 года Николай зачислен в указную братию обители и сразу же пострижен в мантию с именем Никодима. Через четыре дня, 23 марта, его рукополагают в иеродиакона и назначают послушание в канцелярии и помощником ризничного.

Конец 1909 года знаменуется его кратковременным уходом в добровольную ссылку вместе со своим аввой Германом и другими учениками настоятеля. 4 мая 1914 года отца Никодима рукополагают в иеромонаха...

После того как в 1923 году Зосимову пустынь закрыли, отец Никодим поступает в сельскохозяйственную артель — так официально было оформлено братство Боголюбовской киновии. В ней Зосимовский иеромонах находился до 1929 года и в этот период принял сан игумена. Когда киновия разделила участь Зосимовой пустыни и сотен других русских монастырей, игумен Никодим отправился в Загорск, где проживали многие изгнанники Смоленской обители и Лавры.

Все годы после ухода из Пустыни, батюшка поддерживал тесную связь с бывшими насельниками монастыря и в первую очередь со старцем Алексием, который ценил, уважал и любил своего зосимовского брата. Именно отцу Никодиму Господь уготовил милость и испытание присутствовать при кончине знаменитого подвижника. Он вместе с прп.

¹ Военнослужащий в русской и иностранных армиях в XIX — нач. XX вв., добровольно поступивший на военную службу после получения высшего или среднего образования и несший службу на льготных условиях.

игуменом Владимиром и монахом Макарием готовил тело схимонаха Алексия к отпеванию и погребению.

Оказавшись в миру, отец Никодим испытывал серьезные материальные трудности. Постоянного места служения у него не было, случайные заработки были редки, к тому же приходилось оказывать помощь возвращавшимся из ссылки священникам и монахам: устраивал на приходы, находил им жилье.

Но Господь посылает своему верному служителю счастливую встречу. В 1932 году он знакомится с Марией Сергеевной Гамбе, преподавательницей иностранного языка МГУ. Она, находясь в летний период на даче в Загорске, была прихожанкой храма Петра и Павла, где тогда служил отец Никодим. Когда в 1935 году эту церковь передали обновленцам, Никодим вынужден был выйти за штат. Сорокалетняя женщина берет опеку над бывшим зосимовским иеромонахом и впоследствии оказывает ему серьезную материальную поддержку. Отец игумен во время своих наездов в Москву останавливался у нее на квартире в Кисельном переулке.

В Загорске отец Никодим поселился в доме Николая Михайловича Сычева на улице Правая Штатная 5. Там же нашли себе приют монахиня Анна Андреевна Самойлова и троицкий старец, бывший духовник Лавры, игумен Ипполит (Яковлев).

К знаменитому лаврскому старцу, при жизни почитаемому как святой, шло множество духовных чад, паломников. Это в дальнейшем дало повод чекистам назвать дом Сычева «тайным монастырем», а восьмидесятитрехлетнего инвалида — отца Ипполита — руководителем контрреволюционной монархической организации. Причем данное от Бога при постриге имя бралось в кавычки и преподносилось как конспиративная кличка.

С той же целью в «кандалы пунктуации» следователем заковывалось и имя известного всей России наместника Лавры архимандрита Кронида (Любимова). Ну а сам игумен — «Никодим» — «был ближайшим помощником и исполнителем всех распоряжений руководителя данной организации».

Вместе с отцом Никодимом и наместником Лавры в последних числах сентября (по данным обвинительного заключения — ноября. — *м. А.*) 1937 года арестовали четырнадцать человек. В том числе и монахиню А. А. Самойлову и Н.М. Сычева — ведь он был не только «активный церковник», но и «в прошлом торговец и крупный домовладелец — в Загорске имел пять домов». Имя игумена Ипполита в деле отсутствует: из показаний свидетеля Ф.П. Казанцева известно, что немощный старец накануне или в ходе следствия скончался.

На допросах отец Никодим — «нелегальный монах» — не скрывал ни своих взглядов, ни ближайшего окружения. Первое — по правилам веры и чести, второе — из-за бессмысленности заператься: его связи были прекрасно известны органам.

На вопрос, знаком ли он с архимандритом Кронидом, отец Никодим дает, естественно, утвердительный ответ и сообщает, что он часто общался с наместником в храме, заходил на квартиру помочь почтенному старцу (архимандриту тогда уже исполнилось семьдесят девять лет). Следственный протокол фиксирует показания: «Я лично, как и все монахи бывшей Троице-Сергиевой Лавры — хотя я и был в филиале Лавры — до сих пор признаем обаяние и ореол духовной власти в архимандрите *Кроните*¹, как последнем настоятеле-наместнике Троице-Сергиевой Лавры. И поэтому я и обращался к нему за советами и в горестях и радостных случаях жизни — в итоге чего получается, что архимандрит Кронит до сих пор нами духовно руководил т.к. я знаю, что к нему обращались и другие монахи, проживающие в Загорске. Архимандрит Кронит последователь истинно православной церкви и по убеждениям монархист».

Из уголовного дела стали известны а других арестованных мучеников. Это верный келейник архимандрита Кронида Георгий Николаевич Потапов, монах; протоиерей Дмитрий Федорович Баянов; игумен Ксенофонт (Бондаренко Константин Андреевич); игумен Геден (Черкалов Герман Никитич); иеромонах Иаков (Марочкин Иван Петрович); иеромонах Лаврентий (Насонов Лазарь Петрович); Павлов Александр Богданович; Крестьянинов Сергей Алексеевич; Смирнов Григорий Сергеевич — все они в последствии были расстреляны. Избежали смертного приговора только А.А. Самойлова, Н.М. Сычев, Алексей Васильевич Быстрицкий; Виталий Николаевич Лукашевич — они были осуждены на десять лет заключения в исправительно-трудовом лагере.

Не скрывал игумен Никодим и то, что состоял в переписке с находящимися в заключении братьями, в частности, с монахом Даниилом (Дмитрием Александровичем Разумовым). Отрицать это было бессмысленно, так как он прекрасно понимал, что его письма перлюстрируются.

Отец Никодим искренне высказывал свое отношение к богоборческой власти и просто констатировал, что раньше жилось гораздо лучше: «Для народа была дана полная свобода и мы, верующие, жили богато и сытно. Коммунисты лишили нас хорошей жизни. Советская власть закрыла монастыри, и нам, монахам, не стало житья... Коммунисты закрывают церкви, арестовывают и сажают в тюрьмы духовенство, производят гонения на религию. Верующих людей так же притесняют, арестовывают и ссылают, только за то, что они верующие».

Скептически относился он и к «выборам» в Верховный Совет, открыто говорил о своих взглядах и на свободе, и перед палачами.

В конце допросов стиль показаний игумена Никодимарезко меняется, видимо, был применен традиционный «жесткий режим»:

¹ Орфография следственного протокола. — *м. А.*

«Я являюсь активным участником нелегальной контрреволюционной монархической группы...., ставила своей целью тайно сохранить монастырь Троице-Сергиеву Лавру... Систематически проводил контрреволюционную монархическую агитацию...»

Поместили игумена в Таганскую тюрьму, как и других «заговорщиков». Только монахиня Самойлова оказалась в «Новинках».

Отец Никодим признал себя все-таки лишь «частично виновным».

7 декабря 1937 года на заседании судебной тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области Николая Ильича Мони́на, он же монах Никодим, приговорили к расстрелу. Приговор приведен в исполнение на третий день на Бутовском полигоне.

14 ноября 1958 года Президиумом Московского областного суда игумен Никодим реабилитирован

Упокой, Господи, душу раба Твоего игумена Никодима.

Иеромонах Досифей

Дмитрий Алексеевич Шонин родился в 1864 году на Рязанщине в селе Кочеры Данковского уезда. Грамоте учили родители, по другим сведениям он закончил местную сельскую школу. Отслужил в армии — запасной нижних чинов. Был холост. В двадцать девять лет, 23 ноября 1893 года Дмитрий приходит в Зосимову пустынь. Через четыре года монастырских послушаний он становится указным послушником и его назначают пономарем. В том же 1897 году, 22 марта, его постригают в мантию с именем Досифей, а спустя пять месяцев рукополагают в иеродиакона. В октябре 1901 года отец Досифей уже иеромонах.

Дочь профессора Московской духовной академии, Мария Александровна Голубцова вспоминала: «Помню, как в первый раз служил отец Досифей. Он вышел кадить такой строгий, с опущенными глазами; его седые волосы, истощенное бдением и постом тело, худое лицо и горящие глаза невольно напомнили мне тип преподобных, как они пишутся на иконах или рисуются при чтении житий русских иноков. Дух бодр, а плоть немощна — вот что убедительно говорит его внешность нам, немощным духом. К вечерне я пришла уже как своя. Был по обычаю акафист Спасителю; отец Иннокентий прочел молитвы пред исповедью, и в сердце шевельнулась боязнь. Я еще не знала, к кому идти: к отцу Досифею? — я боялась его аскетизма и строгости, к отцу Иннокентию? — но все наши исповедовались у отца Досифея...»

1 мая 1907 года отца Досифея временно переводят в Коломенский Ново-Голутвинский монастырь, но тут же отправляют в Троицкий Махрищский монастырь духовником. Знаменитая обитель, накануне отметившая 500-летие со дня основания, более чем на два года становится

для отца Досифея иноческим прибежищем и местом священнослужения. Но родным домом все равно остается Зосимова пустынь, куда он с душевной радостью возвращается 2 октября 1909 года. Наряду со старцем Алексием и другими иеромонахами он несет послушание исповедника и принимает многочисленных паломников пустыни, достигшей в этот период апогея своей славы. Среди духовных чад отца Досифея — великий русский философ Алексей Федорович Лосев и его супруга Валентина Михайловна Соколова-Лосева.

После закрытия Зосимовой пустыни в 1923 году отец Досифей вынужден был переместиться с берега реки Молохчи на истринские берега, в Борисоглебский Аносин женский монастырь, что недалеко от станции Снегири. Там он служит исповедником. Выбор был не случаен: игуменья женской обители, матушка Иоанна, была духовной дочерью схиигумена Германа и часто посещала Зосимову пустынь. У нее отец Досифей жил при богадельне в отдельной келлии, служил каждый день. В особенности все ночные службы: повечерия, вечерни...

Насельницы пустыни, жившие по строгому византийскому уставу преподобного Феодора Студита, зосимовского старца полюбили. Добрейшая мать Алипия, милые юные послушницы: Татьяна, дочь профессора-медика Фомина, в дальнейшем монахиня Магдалина, Любочка, Любовь Леонидовна Нечуй-Левицкая, в последствии схимонахиня Леонтия и все насельницы монастыря — умилялись от общения с батюшкой, напоминавшего блаженного и по временам юродствовавшего.

По рассказам монахинь известно, что Алексей Лосев и его жена продолжали окормляться у старца Досифея и часто приезжали в Аносину пустынь. «Бог простит», — говорил старец в ответ на сокрушения Валентины Михайловны. В последствии, сосланные в разные места супруги, в переписке вспоминали Зосимовского подвижника, его философию, науку и мудрость: «стиль жизни, не понятный, может быть, никому из нашей современности, и русской и западной», — писал философ (в письме от 30.04.1932) про старца Досифея, в частности, и русское старчество вообще в ответ на утешения супруги. Он принимает путь страдания и мученичества, по которому они идут вместе с женой.

Несмотря на доброе отношение в монастыре, старец тоскует по родной обители и братьям. Отец Симон (Кожухов) после закрытия Пустыни «буквально подобранный на улице боголюбивыми девицами Барановыми», и оставшийся у них жить вблизи зосимовских стен, писал в одном из писем своим родственникам Четверухиным (от 12.07.1923): «...Хотя, повторяю, мне здесь и хорошо, но я все же нахожусь выбитым из колеи. К тому же мне не достает храма, недостает старца и духовника. Хотя и приезжает к нам иногда отец Досифей, но бывает слишком редко, а чаще бывать не может, слишком дорого обходится проезд...»

Когда была разогнана и Аносина пустынь, старец Досифей живет в тайном скиту на Никольской улице в Москве. Непосредственная близость

к большевистскому логову в Кремле и кабинетам соседней Лубянки заставляют обитателей скита обратиться в бега.

Отец Досифей «прибыл в дер. Мамоново» Кунцевского района, два года скитался — «места я не упомяну» потом поселяется в селе Баковка, у церковного старосты Садовникова. Там у него начинают часто собираться бывшие монахини: Евдокия Петровна Чухутина, Наталья Алексеевна Горева, Евдокия Петровна Емельянова и другие. Это не осталось не замеченным.

Уголовное «Дело № 10583 возникло из поступивших в Райотдел сведений, что выше упомянутые монашки ведут а/с работу, агитируют среди населения против коллективизации и других проводимых на селе соввластью кампаний, предвещающая скоро падение через войну — совласти и в связи с этим — развал колхозов.

Произведенным по делу следствием установлено:

Что действительно ЧУХУТИНА Евдокия Гавриловна, ГОРЕВА Наталия Алексеевна, ЕМЕЛЬЯНОВА Евдокия Петровна, ЧУРБАКОВА Евгения Ивановна, МОРОЗОВА Прасковия Сидоровна, МИЗИЛИНА Анастасия Ксенофонтовна, БОГОСЛОВСКАЯ Ольга Александровна, ШОНИН Дмитрий Алексеевич, СОЛОВЬЕВА Прасковия Матвеевна, СОЛОВЬЕВА Анна Григорьевна, МАРТЬЯНОВА Прасковия Васильевна, ШУБИНА Александра Ивановна, ГЛАГОЛЕВА Софья Павловна, ТИМОХИНА Софья Семеновна, ВАСИЛЬЕВА-ВЛАСОВА Екатерина Александровна, ШИШЛЯННИКОВА Мелания Яковлевна и СУНДУКОВА Ксения Михайловна прожив. — в дер. Федосьино, Акулово, Очаково, Мамоново, Изварино, Баковка, Тр. Лыково, Тр. Голенищево, — среди женщин и вообще граждан этих деревень — вели агитацию против мероприятий советской власти, как-то коллективизации, заявляя, что в колхоз вступать не надо, это дело не божье, а антихриста, эти колхозы не долговечны и они скоро развалятся, а в связи с предстоящей войной рухнет и соввласть, что в колхозах находятся босые, голые и голодные. Точно также вели агитации и против весенней посевной кампании, заявляя, — «что в колхозах работать не нужно...

По постановлению заседания тройки от 10 июня 1931 года:

ШОНИНА Дмитрия Алексеевича — по ст.58/10 УК заключить в Исправ - трудлагерь, сроком на ПЯТЬ ЛЕТ, с заменой высылкой через ПП ОГПУ в Казахстан на тот же срок, считая срок с 25/V-31г. Направить этапом»¹.

Отца Досифея сослали в Караганду, где он скончался от малярии в 1936 году.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Досифея.

Иеромонах Дионисий

¹Цитаты из следственного дела. Орфография сохранена. — М. А

Иеромонах Дионисий был одним из ближайших помощников игумена Германа в деле становления школы Зосимовского старчества, авторитетнейший иеромонах, духовник пустыни.

В миру — Дмитрий Барошников родом был из крестьян, родился в 1860 году в Тверской губернии. Грамоте обучался дома. Известно, что Дмитрий служил в армии — в монастыре числился как запасной нижних чинов.

Овдовев, в тридцать лет он поступил в Гефсиманский скит. Произошло это 25 октября 1890 года. 24 августа 1894 года зачислен в указную братию скита. Послушание проходил в Ильинской часовне в Москве.

20 марта 1895 года принял постриг с именем Дионисий.

13 января 1898 года вслед за игуменом Германом и другими его учениками перемещен в Зосимову пустынь. Через полгода, 7 июня, рукоположен во иеродиакона.

6 февраля 1900 года рукоположен в иеромонаха.

Отец Дионисий отличался исключительным смирением. Был случай, когда он, иеромонах, подошел в числе других братьев к приехавшему священнику для получения благословения, поцеловал руку и отошел.

31 июля 1906 года награжден набедренником. 28 февраля 1908 года назначен духовником братии. 14 декабря 1909 года принял ризницу.

Известно, что именно с ним произошел случай исцеления 10 июля 1912 года. Когда иеромонах отправился на послушание — чистить лес, то по неосторожности нанес себе рану на ногу, вызвавшую сильное кровотечение. Батюшка пропитал тряпицу маслом из лампы у Тихвинской иконы Богородицы и приложил к больному месту. Боль исчезла и рана скоро зажила.

29 июня 1917 года награжден наперсным крестом от Священного Синода.

Сохранились воспоминания отца Симона (Кожухова) об этом сотаиннике преподобных зосимовских отцов.

«Зосимова пустынь держится такими подвижниками, как отец Герман, отец Алексей, Отец Дионисий... Можно поручиться, что после их смерти распадется и Зосимова пустынь. Она держится пока их духом, который уже теперь, при их жизни, стараются всячески, изподтишка, а иногда и явно, искоренять как устарелый, смешной. Да и самих старцев высмеивают в глаза и за глаза, называя их отжившими...»¹ — писал 1 апреля 1922 года старец Симон в письме священнику Николо-Толмачевского храма отцу Илье Четверухину.

О душевной щедрости отца Дионисия можно судить из короткой строчки письма от 10 мая 1924 года.

«...вся провизия оставлена была мне отцом Дионисием и ею продовольствовались мы все»², — сообщал тому же отцу Илие оставшийся вблизи Зосимовских стен старец Симон.

¹ Четверухина Евгения. Удалился от мира. Свято-Трицкая Сергиева Лавра. 1997. стр.252

² Там же. стр.261

Да, все Зосимовский духовник оставил ближним, а сам налегке отправился... в никуда. Во всяком случае, еще не раскрыты пути-дороги и адреса, по которым скитался шестидесятитрехлетний иеромонах Дионисий, бывший зосимовский духовник и один из самых почитаемых современниками старцев обители.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Дионисия.

Иеромонах Галактион

Георгий Прокофьевич Сергеев родился в 1874 году. Происходил из семьи крестьян-середняков деревни Хлебниково Коммунистического района Московской области (по административному делению на момент ареста). Известно, что у него было два брата: Григорий и Петр. Закончил три класса местной сельской школы.

Семья жила небогато. Имели деревянный дом с надворной постройкой, лошадь, корову, надел земли. С раннего возраста Георгий вместе с родителями работал в поле. Женат не был. 8 марта 1898 года поступил в Зосимову пустынь. Служение начал живописцем.

10 сентября 1904 года зачислен в указную братию. Нес послушания маляра, стекольщика. 6 марта 1909 года принял постриг. 1 января 1912 года рукоположен во иеродиакона.

В обители пробыл двадцать пять лет до последнего дня ее существования. После закрытия Зосимовой пустыни в 1923 году отец Галактион скитался по различным церквям Московской области, зарабатывал себе на хлеб, работая то сторожем, то истопником. С 1930 года он на протяжении восьми лет служит (уже в сане иеромонаха) в селе Верзилово Михневского района Московской области.

26 марта 1938 года его арестовывают. Причиной ареста послужили высказывания отца Галактиона в адрес существующего режима: «Выборы проходят в Верховный Совет не с низов, а по назначению сверху и рабочему классу совершенно доверия нет, зря вы рабочие пойдете на выборы... — назначат без вас. Сталинская конституция есть дурман для народа».

Лишенный возможности реально оценивать международную обстановку, отец Галактион явно заблуждался в отношении к фашизму. Он считал, что в случае нападения гитлеровцев на СССР у нас будет наведен порядок, и храмы откроются вновь. Что, впрочем, впоследствии немцы на оккупированных территориях практиковали.

Поместили шестидесятичетырехлетнего батюшку в Каширскую тюрьму. 14 июня по постановлению Тройки при УНКВД СССР по Московской области старца за контрреволюционную агитацию против Советской власти приговаривают к высшей мере. 1 июля его расстреливают на Бутовском полигоне.

31 июля 1989 года иеромонах Галактион реабилитирован постановлением прокуратуры Московской области.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Галактиона.

Игумен Иона

Поручик лейб-гвардии Кексгольмского полка Иван Федорович Фиргуф родился в семье военного врача в 1867 году. Его отец происходил из обрусевших немцев и служил в это время в Риге. За плечами Ивана Федоровича — Московский кадетский корпус; Екатерининское училище и знаменитое Александровское — гордость древней столицы.

Но с оставлением карьеры и офицерского звания ему еще предстоит служба на театре военных действий...

Самая сложная и противоречивая личность Зосимовой пустыни за всю ее историю. Одни исследователи считают его Иудой и предателем, другие — члены Императорского Дома, владыки и будущие мученики — чтили и уважали его.

Что ж, человеческие души способны сокрыть в себе и тьму, и свет. А отсюда — поступки.

Офицеру гвардии, интеллигенту, не все было понятно и приемлемо в среде бывших крестьян, составлявших основную часть монастырских насельников...

18 ноября 1892 года бывшего поручика принимают в Гефсиманский скит. Что привело его туда: трагедия, разочарованность, вера...?

Грамотность и каллиграфия бывшего офицера способствует тому, что его ставят на послушание в канцелярию. Но мудрые старцы не могли не смирять искушенную душу. Его благородие определяют и на чистку котлов, изнуряют замешиванием теста — возможно и в радость, возможно и во смирение. Что бы там ни было, новопослушник безукоризненно несет груз непривычных для него трудов и тем заслуживает уважение братии. На его усердие обращает внимание иеромонах Герман. Иван становится дружен с послушниками Дмитрием (Лихачевым) и Михаилом (Тихоновым), другими духовными чадами будущего преподобного.

23 июня 1896 года в Гефсиманском скиту Иван Фиргуф принял монашеский постриг с именем Иона.

Лаврский архимандрит Павел назначает иеромонаха Германа Строителем Зосимовой пустыни. 6 октября 1897 года от отца Германа на имя архимандрита поступает прошение, направить вместе с ним числе других своих чад и монаха Иону.

Сразу же по прибытии в Зосимову пустынь, 11 ноября, отца Иону рукополагают в иеродиакона, а через семь месяцев, 7 июня 1898 года, — в иеромонаха. Прошло чуть более шести лет со дня поступления в монастырь — сроки по тем временам небывало короткие.

В 1901 году, 24 апреля, иеромонаха Иону награждают набедренником, а 28 июня 1903 года он становится казначеем Зосимовой пустыни.

Но события в мире прерывают его служение в пустыни. В январе 1904 года Япония без объявления войны нападает на базу русского флота в Порт-Артуре и блокирует в нейтральном порту русские корабли «Варяг» и «Кореец». Начинается война. По воле Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны 24 мая 1904 года отца Иону командируют на театр военных действий, назначив настоятелем походного Преображенского храма. Вместе с плавучими лазаретами церковь курсирует по рекам Сунгари и Амуру.

Спустя всего два месяца 2 июля, иеромонах Иона становится настоятелем другого походного храма — в лазарете Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. Без личных знакомств такие назначения не производились.

Война проиграна. Отец Ионна возвращается в Зосимову пустынь и приступает к обязанностям казначея. Его заслуги на фронте не забыты. 14 апреля 1906 года иеромонах Иона Фиргуф «за труды, понесенные во время военных действий против Японии награждается орденом Святой Анны 3^й степени».

Высшие иерархи со своей стороны тоже отмечали деятельность отца Ионы, но уже как священнослужителя. 6 мая 1906 года он награжден наперсным крестом от Священного Синода. С 9 ноября 1907 года его назначают членом комиссии по составлению новых описей Лаврского имущества. 1 августа 1908 года он становится экономом Троицкого Митрополичьего подворья в Санкт-Петербурге.

По возвращении через год отца Ионы в Зосимову пустынь возник скандал, который стал возможен по причине его прямолинейности и бескомпромиссности. Причиной конфликта между экономом и настоятелем послужило вольное обращение отца Строителя с финансовыми поступлениями от благотворителей. По мнению отца Ионы в монастыре возводилось много временных и в тоже время основательных сооружений. Вместо запланированного госпиталя игумен стал обустривать личную домовую церковь... обнаружил отец Иона и другие, более серьезные нарушения. В результате ученик составил рапорт с обвинениями на авву. Митрополит Владимир прислал комиссию. Пухлое дело разбирательства подтвердило объективность жалоб. Владыка предложил отцу Герману «не поднимать шума» и удалиться из монастыря.

Так возник знаменитый исход настоятеля со своими преданными учениками в Махру, и скорое его возвращение на свою прежнюю должность.

А отца Иону переводят в Троице-Сергиеву Лавру. С 1909 по 1914 год он несет послушание помощника эконома, и, временно, без отстранения от должности, назначается на место заболевшего эконома подворья Лавры в Санкт-Петербурге архимандрита Кронида. В самом начале мировой войны, 21 августа, становится лаврским казначеем.

В эти годы не утрачивается связь иеромонаха с Царской Фамилией. В 1912 году Государь жалует отцу Ионе наперсный крест, а через год награждает именными золотыми часами.

В марте 1917 года по приказу Сергиевского комиссара отца Иону направляют в Гефсиманский скит без права выезда, но в октябре, когда сменилась власть, его арест прекращается, и он уезжает под Серпухов. Там, на станции Лопасня, он служит священником при женской общине «Отрада и утешение».

Через год по указу патриарха Тихона иеромонаха Иону возводят в сан игумена и назначают наместником Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря. Где 17 июня 1919 года он был арестован.

В обвинении говорилось, что «игумен Иона (Фиргуф)... иеромонах Савва (духовник) и Ефрем (ризничий), занимавшие руководящие посты и присутствовавшие при вскрытии [мощей преп.Саввы] 17.3.1919г. и бывшие свидетелями безупречного поведения властей при вскрытии, затем с заведомой целью контрреволюционной агитации и возбуждения прихожан против власти измыслили и распространили среди населения злобно-клеветнические слухи о якобы кощунственных действиях этих властей, склонив этим самым организацию верующих при монастыре к подаче жалобы прошения в СНК на действия этих властей... А Иона... лично подал также прошение духовному начальству в Москве...» На суде «игумен Иона, монах с худощавым аскетическим лицом, вынул из кармана маленькое Евангелие и, перекрестившись, прочитал из того места, где описываются страдания Христа: "В шестом часу настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого"... "Вчера здесь потухло электричество, и мы все были во мраке, — говорил он далее. — Это напоминает мне затмение, бывшее во время крестного страдания Того, Кто был Свет мира". "Я пошел исключительно по своему желанию в монастырь, вольною волей, и если бы теперь я показал какую-нибудь трусость перед лишением жизни, это было бы для меня ужасно... Смерть за Христа для всякого инока величайшее наслаждение, поэтому я не боюсь никаких смертей". Игумен Иона не просил ни о каком снисхождении у судей: «Не желаю ничего, как Христос у Пилата... Я решительно желаю, чтобы Трибунал исполнил волю Божию».

Отца игумена помещают в 171 камеру Таганской тюрьмы. Два года он проводит в заключении — времена еще были не столь суровые. С июня

1921 по 1929 год отец Иона служит игуменом Гефсиманского скита, где тридцать семь лет назад начал путь монашеского подвига.

О дальнейшей судьбе старца пока больше ничего не известно.

Упокой, Господи, душу раба Твоего игумена Ионы.

Архимандрит Никита

Архимандрит Никита, в миру Николай Николаевич Курочкин-Степанов, родился 19 ноября 1889 года в деревне Карцево Звенигородского уезда Московской губернии. По всей вероятности, родители вскоре уехали на заработки в столицу и с восьмилетнего возраста Николай, обладая очень красивым голосом, пел на клиросе в Высоко-Петровском монастыре, а с 1902 года нес там послушание помощника канонарха. Тогда и зародилось у него желание принять монашество. Спустя годы, Николай стал искать обитель, где можно было бы обрести истинное старческое руководство. Обойдя многие монастыри, молодой подвижник оказался в Зосимовой пустыни, признавая впоследствии, что это было самое благодатное место, какое он когда-либо встречал.

В 1911 году Николай становится зосимовским послушником. Духовным руководителем его стал благочинный пустыни иеромонах Мелхиседек. В 1915 году Николая призывают на военную службу и посылают на фронт.

Во время февральской революции из-за болезни его демобилизуют, и он с радостью возвращается обратно в монастырь.

18 апреля 1919 года он был пострижен в мантию с именем Никита и 10 октября 1920 года рукоположен в иеродиакона.

По закрытии Зосимовой пустыни иеродиакон Никита вместе с некоторыми другими насельниками по приглашению Владыки Варфоломея переезжает в Высоко-Петровский монастырь. 1 июня 1923 года его рукополагают в иеромонаха. Мудрый зосимовский старец сразу обрел множество духовных чад.

В 1924 году прокатилась волна борьбы против «мракобесия» и старец был выслан на три года в город Осташков Тверской губернии. Как указывал зосимовской схимонах Симон, отец Никита служил в то время в Новосоловецкой пустыни. Но по окончании срока ссылки в 1927 году он вернулся в Высоко-Петровский монастырь. 10 июня 1929 года епископ Варфоломей возводит его в сан архимандрита. Отец Никита становится благочинным и одновременно канонархом монастыря. Самыми близкими его друзьями были отец Игнатий и архимандрит Зосима, с которым они были неразлучны со времени пребывания в Высоко-Петровском монастыре. Их Владыка Варфоломей называл «пирги» (по-гречески — «столпы»). Когда архимандрит Игнатий был арестован, отец Никита не отказал в окормлении

обратившейся к нему монахине Евпраксии. Это была верная помощница схиархимандрита Игнатия, благословишего ее и остальных своих духовных чад обращаться к отцу Никите за руководством. А после того, как в 1935 году расстреляли архиепископа Варфоломея и его духовные дети владыки стали окормляться у старца.

Он обладал прекрасным голосом, чтение его на службе было просто усладительным, каждое словечко было слышно, оно так и катилось — часами прихожане не уставали слушать, как он читает или канонаршит.

«Под скромной кроткой внешностью смиренномудрый зосимовский инок носил в себе все изобилие даров духовных. Небольшого роста, полнеющий, с округлым детским лицом, он вменял себя в ничто ка духовник, но никому не отказывал в духовной нужде. К некоторым был исключительно нежен, других же смирял, иногда бывал резок и строг. Очень не любил напыщенности в откровении, сразу делается недовольным, глазки станут сердитыми и начнут быстро-быстро бегать. В руководстве своим отец Никита был очень мягок, уступчив, терпелив к немощам, по долгу-долгу ждал исправления, смирял мягко, наказывал редко. Душа у него была нежная, просто детская временами, людей он боялся, ни в чем себя показывать не любил, за столом говорил немного и как-то неутвердительно высказывал свои суждения, точно сам советовался. Отец Никита всегда со смирением принимал выражение той горячей любви и скорби, которую испытывали духовные чада архимандрита Игнатия в разлуке со своим руководителем. Часто отец Никита напоминал заветы друга каждой отдельной сестре, указывал, когда они уклонялись от этих заветов, сам вменял себя лишь в простого посредника. — "Батюшка благословил, устно сказал матери Евпраксии, чтоб о всяком деле советовались трое из старших оставшихся сестер, — скажет он с милой-милой улыбкой. — Вот вы и держите совет, когда меня не бывает"»¹.

28 декабря 1930 года архимандритов Никиту и Зосиму арестовали. На допросах они не принимали никаких обвинений. Отец Никита говорил: «Советскую власть я признаю как власть, поставленную от Бога, при ней духовенство также освободилось».

Приговор отцу Никите был зачитан 1 января 1931 года. Обвинен он, как и его друг, был по статье 58/10 (без указания части) Уголовного Кодекса РСФСР. Как было сказано в обвинительном заключении, «бывшие монахи ликвидированных монастырей и подворий... попы и бывшие торговцы, будучи активными церковниками, считающими совласть "властью антихриста" "... живя скопищами, занимались активной антисоветской деятельностью, выражающейся в организации нелегальных антисоветских "братств" и "сестричеств", в оказании помощи ссыльным единомышленникам, произнесении проповедей контрреволюционного характера, антисоветской агитации о религиозных гонениях, чинимых совластью, и распространении всевозможных провокационных слухов среди населения, квартиры их являлись убежищем для всякого рода контрреволюционного элемента».

¹ Монахиня Игнатия. «Старчество в годы гонений». М. 2001. стр. 236-240.

3 января 1931 оба архимандрита были приговорены к высылке в Северный край на три года. В два часа ночи, без теплых вещей их привели на вокзал. Высадив за Вологдой, пешком гнали с утра до вечера, от деревни к деревне, где на ночлег разводили по домам местных жителей, которые принимали их с неприязнью. Сначала старцы под Архангельском трудились на погрузке леса. Но Господь послал им облегчение в лице паренька из близлежащей деревеньки, который часто, из милосердия, приходил помогать несчастным изгнанникам. К счастью, отцы вскоре были определены на новое место, в район реки Пинеги. Когда их отправляли этапом, отец Никита сильно болел, был в жару, думал, что не сможет идти и погибнет по дороге. Но Господь не оставил своих верных рабов. На одном из ночлегов произошло чудо. Сам старец Никита потом рассказывал своей духовной дочери: «Ты знаешь, когда я уже не различал дороги и ноги полностью окоченели в легоньких хромовых сапогах, то подумал, что идти дальше не смогу. Добрались мы до очередной деревни. Стоим. Весь этап разводят по домам, а мы с отцом Зосимой все стоим и стоим. А уже темнеет, мороз крепчает, ноги отваливаются. Тут подходит к нам молодой человек и говорит: "Пойдемте со мной". Мы идем за ним, заходим в дом, и там нас встречает женщина с радостным восклицанием: "Так вот кого мне Господь-то послал!" А я смотрю: "Боже мой!" — у нее накрыт праздничный стол: пироги, суп. Она накормила нас, омыла и попарила мне ноги. Мы были необычайно удивлены и спросили ее: "Скажите, почему Вы нас так встречаете?" "Вы знаете, — ответила она, — я сегодня видела необычайный сон, но сначала не обратила на него внимания, а когда заснула опять, он повторился второй раз; на меня взирала Светоносная Жена, которая повелела мне: — Ты смотри, прими их, прими их. Ты знаешь, кто они и куда идут? Они рабы Мои. И я стала думать, кого же я должна принять. Поставила тесто и весь день поглядывала в окно. Потом смотрю — батюшки! — этап гонят, так вот кого принять-то надо! И послала к этапу своего сына, который вас и привел".

И пришло мне на память, как святитель Иоанн Златоуст шел в ссылку и что Господь всегда промыслительно посылает помощь, а значит, надо идти дальше. От этапа я уже не отходил»¹.

Ссылка закончилась в декабре 1933 года. Оба старца были направлены на служение в Знаменскую церковь села Ивановское под Волоколамском.

Старец предвидел свою скорую кончину и имел об этом откровение. Когда О. А. Кавелина приехала к отцу Никите Великим постом 1937 года, он сказал: «Мне умирать надо. Все равно меня так не оставят: сошлют без права переписки, и пропадешь без вести; лучше, чем есть, не будешь, а то, что есть, растеряешь. Мне умирать надо». На мольбу взять ее с собой он ответил: «Тебя — нет, тебе пострадать надо. Я тебе сказал все, и, если в жизни не

¹ О.А. Кавелина. Магнитная запись воспоминаний в интервью «Народному радио». Личный архив И. В. Гарькавого.

найдешь ответа, значит плохо слушала, вини себя. Я тебя встречу там, и только от тебя зависит, какой ты придешь»¹.

На Пасху, с ним был очень преданный духовный сын, иеродиакон Феодор (Богоявленский). Сын консула, погибшего в Персии, студент медицинского факультета Московского университета, позже солдат, активный участник борьбы с беспризорностью, принявший постриг в Высоко-Петровском монастыре, Феодор буквально боготворил своего старца, во всем ему был послушен, хотя трудно ему было смирить свою дворянскую гордость. Отец Никита очень строго им руководил. К этому времени отец Федор уже отбыл три года в лагерях.

«2 мая, отец Никита позвал к себе своих духовных детей для последнего наставления в Волоколамск. Старец всех исповедовал и благословил всем причащаться. После исповеди он поставил их на земные поклоны (хотя поклоны были отменены по Уставу) перед чудотворной иконой Знамения Божией Матери, вручая Покрову Царицы Небесной своих чад. После Причастия раздал всем по пасхальному яйцу и немедленно отправил на станцию, ибо народу было так много, что это могло вызвать подозрение у властей.

6 мая, на праздник великомученика Георгия Победоносца, отец Никита совершил Божественную литургию. Днем у него случился инсульт, после которого его полностью парализовало. Он сам себе несколько раз читал отходную, был все время в сознании и не говорил ни слова, только читал молитвы. Он молился: "Господи, если и не сердечное, то хоть словесное покаяние прими".»². Все дни и ночи болезни старца за ним ухаживал отец Феодор. После смерти своего духовного отца он, по ходатайству церковного совета, заступил на его место и послужил в храме до 1940 года. Оба этих подвижника — учитель и ученик — запечатлены П.Д. Кориным среди персонажей на полотне «Русь уходящая (Реквием)».

Старец отошел ко Господу 12 мая 1937 года в 15 часов 20 минут. На погребение собралось очень много народа, приехали духовные чада.

«Оторвалась часть души моей! — писал своим духовным дочерям зосимовский старец Игнатий. — Рана эта от продолжительности дней будет не заживать, а берeditься с каждым днем от лишения удовлетворения потребности в нем... Пирг не умер, но жив и продолжает путь к Живому Богу. Он отошел Ему поклониться *радуящеся* и праздновать Пасху вечную».

Упокой, Господи, душу раба Твоего архимандрита Никиты.

Архимандрит Зосима.

¹ Там же.

² Терентьев И.В. Дипломная работа «Смоленская Зосимова пустынь и ее основные подвигоположники». Свято-Тихоновский университет. 2001.

Архимандрит Зосима, в миру Федор Федорович Нилов, родился 7 февраля 1898 года в сельце Федоровка Каширского уезда Тульской губернии. Спустя несколько лет он с родителями переехал в Москву, где учился во 2-й московской гимназии. По ее окончании Федор поступил на физико-математический факультет Московского университета, который окончил в 1919 году. Однако служить ему пришлось в качестве счетовода на складе Мосдрова, затем по профессиональной мобилизации он был переведен на должность секретаря при чрезвычайном уполномоченном по топливу, потом стал членом коллегии данного уполномоченного и впоследствии — заведующим отделом и членом Уисполкома. Вся эта смена должностей длилась до осени 1921 года.

В этот период Федор начал окормляться в Зосимовой пустыни у своего духовного руководителя иеромонаха Иннокентия. Под его влиянием росло желание принять монашество. Вступил ли он в братство Зосимовой пустыни — точных сведений нет. Но, сам он впоследствии любил говорить: «Блаженный Зосима открыл Зосимову пустынь, а я грешный ее закрыл», из чего можно сделать вывод, что он был в обители в последние годы ее существования. С другой стороны, известно, что 22 января 1923 года, то есть еще даже до кончины схиигумена Германа и до разгона пустыни, Федор был принят епископом Варфоломеем в число послушников Высоко-Петровского монастыря.

4 апреля 1923 года, в Великую Среду, послушник Феодор был пострижен Владыкой Варфоломеем в мантию с именем Зосима. Спустя годы, на допросе он показал: «Принял монашество по своему глубокому внутреннему убеждению, выражавшемуся в желании спасения своей душе и стремлении выполнить в точности заповеди, оставленные нам в Евангелии, каковое стремление и желание проходит красною нитью через всю мою жизнь».

7 апреля 1923 года, в Великую Субботу, монах Зосима был рукоположен в сан иеродиакона. Прихожане Высоко-Петровского монастыря знали иеродиакона Зосиму как деятельного, энергичного клирика. В самые первые дни восстановления монастыря, еще в холодном трапезном храме отец Зосима был душой всех начинаний, которые предпринимал владыка Варфоломей. По своей молодости и горячности он быстро забирался под самые своды храма, отмывал стены, восстанавливал в церкви все, что мог. Ревностно занимался ризницей, усердно и благоговейно совершая свое иеродиаконское служение, всегда везде поспевал, был весь око, слух, огонь, послушание.

В Неделю Крестопоклонную, 4 апреля 1926 года, отец Зосима был рукоположен Владыкой Варфоломеем в иеромонаха.

Прочная дружба, пронесенная сквозь всю оставшуюся жизнь, связывала его с архимандритом Никитой (Курочкиным). Этих монахов Владыка Варфоломей называл "пирги" — по-гречески "столпы".

28 декабря 1930 года их обоих арестовали. На следствии старцы держались уверенно и открыто, не принимая никаких обвинений. На вопросы об отношении к советской власти отвечали, что принимают ее как Божие

попущение. Отец Зосима на допросе 31 декабря 1930 года говорил: «В отношении к существующему строю и власти мои отношения выражаются в полном подчинении всем законам и распоряжениям власти, в точном выполнении всех обязательств пред нею... Я беспартийный и стою вне всякой политики».

Обвинены они были по статье 58 п.10 (без указания части) Уголовного Кодекса РСФСР. Как было указано в обвинительном заключении, «привлеченные по данному делу обвиняемые, бывшие монахи ликвидированных монастырей и подворий... попы и бывшие торговцы, будучи активными церковниками, считающими совласть «властью антихриста»... живя скопищами, занимались активной антисоветской деятельностью, выражающейся в организации нелегальных антисоветских «братств» и «сестричеств», оказании помощи ссыльным единомышленникам, произнесении проповедей контрреволюционного характера, антисоветской агитации о религиозных гонениях, чинимых совластью, и распространении всевозможных провокационных слухов среди населения, квартиры их являлись убежищем для всякого рода контрреволюционного элемента.

На основании изложенного:

1) Предъявленное вышеуказанным лицам обвинение по 58/10 ст. УК считать доказанным.

Дело о них передать на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ».

3 января 1931 года Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ СССР старцы были приговорены к высылке в Северный край на три года. Легко одетых, голодных, в числе других таких же несчастных их гонят после высадки из вагонов от села к селу, где крестьяне совсем не рады незваным гостям и с неохотой пускают на ночлег.

Сначала старцы жили под Архангельском и работали на загрузке леса. Отец Зосима вспоминал: «Сил нет. Надо выполнить норму, а мы не можем, так как были до того истощены, что не знали, как и приступить к бревнам». Но Господь послал им облегчение в лице паренька из близлежащей деревеньки, который часто, из милосердия, приходил помогать несчастным изгнанникам. К счастью, отцы вскоре были определены на новое место, в район реки Пинеги.

На Пинеге их поселили в таежном охотничьем поселке, где помимо них отбывали срок еще сорок монахинь и восемь священнослужителей, среди которых был и преподобный Никон Оптинский. До ближайшего населенного пункта было пятнадцать километров, куда раз в месяц ссыльные обязаны были являться на регистрацию. При этом им выдавали единственный паек —буханку хлеба, фактически обрекая на голодную смерть. Но спасались тем, что собирали ягоды, грибы, ловили рыбу. Отправляясь на сбор припасов в тайгу они получали возможность пребывать в уединении, созерцании и молитве. Однажды на Светлое

Христово Воскресение все ссыльнопоселенцы совершили пасхальную службу прямо в тайге.

Вернулись старцы из ссылки в декабре 1933 года. Вскоре после возвращения Владыка Варфоломей возвел отца Зосиму в сан игумена, а 29 апреля 1935 года епископ Егорьевский Иоанн (Соколов) — в сан архимандрита. Служить в Москве отцы уже не смогли: им, как бывшим ссыльным, разрешалось проживать не ближе, чем за сто километров от столицы. Священноначалием они были определены на служение в церковь иконы Божией Матери «Знамение» села Ивановского под Волоколамском.

После кончины старца Никиты его духовные чада перешли окормляться к отцу Зосиме. К двадцатому дню после смерти зосимовского друга архимандрит получил письмо от находящегося в ссылке зосимовского старца Игнатия, где тот, беспокоясь о судьбах своих духовных чад, обращался к нему с просьбой: «Зосимушка, попаси, родной, не оставь». Отец Зосима считал старца своим духовным отцом, долгое время исповедовался ему, и поэтому воспринял просьбу как послушание.

Все окормлявшиеся у него чада видели в нем достойного продолжателя традиций «Северной Оптиной». Несмотря на то, что ему было только около сорока лет, он приобрел большой духовный опыт. Сказалось общение с зосимовскими подвижниками, служение в Высоко-Петровском монастыре, общение с монашеством в ссылке. Обладавший душевной мягкостью, он строго относился к проступкам. На исповедях отец Зосима требовал четко записывать помыслы, постоянно за собой следить. Если ему не удавалось по какой-либо причине сразу ответить, то он переписывал своим крупным, наклонным почерком отдельные вопросы в свою книжечку, а на исповеди все тщательно растолкует.

Часто он ездил в Москву принимать духовных чад, и делал это со старанием и любовью, сам тяжело болея и перемогаясь.

Отец Зосима только на два года пережил своего собрата и друга отца Никиту. Умер он 20 марта 1939 года в Боткинской больнице от распространенного рака брюшины, прожив всего сорок один год. Смерть его хотя и была страдальческой, но вместе с тем его молодая иноческая жизнь догорела, как яркая свеча.

Похоронили архимандрита в Москве на Пятницком кладбище. Рядом покоится прах его матушки, Веры Матвеевны, пережившей сына на двадцать лет. Прихожане местного храма помнят Зосимовского старца и ухаживают за его могилой.

Упокой, Господи, душу раба Твоего архимандрита Зосимы.

Архимандрит Исидор

14 октября 1883 года в деревне Горки Волоколамского уезда Московской губернии в бедной крестьянской семье на свет появился младенец. Родители его, Герасим и Мария Скачковы, уже имели двух сыновей и дочь, четвертого нарекли Иоанном, в честь преподобного Иоанна Рыльского.

Иван рос тихим, спокойным мальчиком, не любил шумных развлечений, предпочитая посидеть на берегу озера, половить карасей, понаблюдать за птицами. В палисаднике дома Скачковых всегда висело несколько скворечников и кормушек. Он окончил церковно-приходскую школу, но продолжать учебу не стал, хотя имел явные способности.

Семья была патриархальной, службы в храме не пропускались. Матушка, женщина со слабым здоровьем, часто болевшая, нередко отправлялась паломничать и брала с собой младших детей. Однажды они посетили Иосифо-Волоколамский монастырь. Старец впоследствии вспоминал, что именно там у него возникла мечта стать монахом. В четырнадцать лет он обратился с этой просьбой к игумену, но тот велел сначала отслужить в армии.

Вскоре его старший брат Петр, работавший в типографии Сытина, устроил туда Ивана посыльным. Так юноша оказался в Москве. Но первые впечатления совпали с переживанием огромного горя — в Горках умерла матушка.

Уход из жизни самого дорогого человека укрепил юношу в желании покинуть мирскую суету. Он все больше времени проводит в храме, молясь о душе матери. Даже отправляясь с поручениями приказчика, Иван старался по пути не пропускать церквей, забегал и молился.

Настоятель храма святителя Николая у Сухаревой Башни, протоиерей Иоанн, которому он открыл свою мечту, благословил на монашество и предложил обратиться в Зосимову пустынь.

Молодой человек как паломник уже бывал в этом монастыре и 19 июня 1902 года снова приехал в Зосимову. Гостиница была переполнена, и он после всенощной переночевал в стогу сена. После службы Иван дождался настоятеля. Отца Германа сопровождал старец Алексей. Пав в ноги знаменитым подвижникам, проситель молил принять его в пустынь.

«А песни петь умеешь?», — неожиданно спросил игумен.

«Пел в деревне», — ответил Иван.

«Уж не знаю, что с тобой делать: тебя же в солдаты должны забрать».

Отец Герман повернулся к своему седовласому брату, который молча наблюдал за беседой:

«Как Вы посоветуете, взять мне этого парня или нет?»

«Возьмите его, отец игумен», — последовал незамедлительный ответ духовника обители.

Наместник улыбнулся:

«Ну, тогда, передаю его под Ваше руководство».

Старец тихо, серьезным голосом благословил: «Вот тебе первое послушание — беги на кухню и поешь, как следует».

Поначалу Ивану поручили пасти стадо, доить коров, помогать перерабатывать молоко на сметану, творог и масло. На скотном дворе новый трудник провел несколько лет. Работал от темна до темна, даже в храм отпускали редко.

Монастырская жизнь многому научила деревенского парня: Ивану довелось потрудиться в трапезной, в просфорне, в портновской мастерской, где он стал замечательно обращаться с машинкой, хорошо ее изучил, сам мог починить. Шил подряски, рясы, клобуки, скуфейки.

С весны до осени вся братия занималась земледелием. Даже певчие трудились в огородах, на сенокосе. Осенью все насельники во главе с игуменом рубили капусту. Она в Зосимовой пустыни была отменная, и ее заготавливали столько, что часто выручали жителей окрестных деревень, проедавших к весне свои запасы.

Ежедневно по вечерам послушник отправлялся к старцу Алексию на откровение помыслов и каждый раз выходил словно с омытой душой и легким сердцем.

Поняв, что Иван человек в монастыре не случайный, отец Герман, наконец, решил направить его на клирос. Регент обнаружил у него тонкий слух и замечательный голос. Хор и пение в пустыни были особенные. Среди певчих особенно выделялся знаменитый бас старца Алексия. Часто с братией пел и сам игумен. Он полюбил Ивана за скромность, аккуратность и исполнительность. В его келье всегда царили порядок и чистота. Отец Митрофан как-то поглядел на добела выскобленный пол и по-доброму усмехнулся:

«У тебя на полу хоть просфоры катать».

Поэтому перед особыми торжествами Иван всегда направлялся в храм чистить паникадила и подсвечники.

Когда ему исполнилось двадцать четыре года, пришел приказ отправляться на военную службу в Варшавский гренадерский полк. Духовный отец благословил его маленькой иконкой преподобного Сергия. Подарок старца Алексия он хранил всю жизнь, как самую драгоценную реликвию.

Пролетели три года. Отпущенный гренадер отправился домой, в родную деревню. Отец решил, что сын вернулся навсегда, хотел даже женить его. Но Иван пробыл в Горках несколько дней, сходил на дорогую могилку – помолится о душе любимой матушки и отправился в Зосимову пустынь, ставшую для него истинным домом.

28 февраля 1914 года «запасного нижних чинов Ивана Скачкова» зачисляют в указную братию Зосимовой пустыни, а через месяц, 21 марта, игумен Герман постригает Ивана в мантию с именем Исидор — в честь преподобного Исидора Пелусиотского. Евангельским старцем был отец Алексей, благословивший новопостриженного иконой небесного покровителя с собственноручной надписью: «Молитвами преподобного отца нашего Исидора Пелусиота, да утвердит Господь Бог монаха Исидора во исполнение монашеской жизни и спасение вечное да дарует ему — Алексей 1914 г.». Настоятель преподнес икону Пресвятой Богородицы «Смоленской», на которой написал: «Возлюбленному о Господе монаху Исидору благословение от обители — Пресвятой Богородицы Смоленская Одигитрия — в день пострига 21 марта 1914 г. ».

Как полагается после пострига, пять ночей простоял отец Исидор в трапезной церкви во имя Преподобного Сергия, а затем поехал в Троице-Сергиеву лавру

для представления наместнику Товии. Сопровождал его благочинный отец Мелхиседек. На площади молодой монах спрыгнул с пролетки, чтобы купить книжку. Благочинный остановил и заметил: «Отец Исидор, своя воля кончена». С этого времени без воли монастыря и старца нельзя совершить ничего: только в безропотном послушании можно обрести спасение.

Архимандрит Товия благословил Исидора образом преподобного Сергия Радонежского. 20 января 1919 года епископ Филипп рукоположил монаха Исидора в иеродиакон.

Согласно традиционному укладу Пустыни иеродиакон нес служение истово, с большим вниманием и страхом.

В конце января 1923 года скончался игумен Герман.

«Когда ударили в большой колокол, сначала один раз, потом другой, третий... и так двенадцать раз, словно в душе что-то оторвалось. Очень я тяжело переживал, весь мир в глазах помрачился, так сильно скорбел», — вспоминал впоследствии батюшка. Отец настоятель предрек, что по его кончине монастырь закроют. Это и произошло вскоре. На Вознесение прибыла комиссия, и братию в течение суток выдворили из обители.

Старец Алексей благословил иеродиакона уехать на родину. Но вновь недолго прожил монах в Горках. Духовный отец рекомендовал его в Александро-Невский женский монастырь Клинского района Московской области.

В 1928 году и эту обитель закрыли. Отца Исидора направляют на служение в Волоколамск, и в декабре епископ Питирим (Крылов) рукополагает его в сан иеромонаха.

В это время отошел ко Господу старец Алексей. Смерть его батюшка переживал так же тяжело, как в юности смерть матушки. С тех пор он ежегодно ездил в Пятидесятницу «похристосоваться с любимым старцем» и отслужить панихиду на дорогой могилке загорского Кокуевского кладбища.

В 1930 году печальная участь постигла Волоколамский собор, и в очередной раз зосимовский изгнанник вынужден был искать прибежища. Епископ Варфоломей принимает его в братию также упраздненного Высоко-Петровского монастыря, нашедшую недолгое убежище в церкви преподобного Сергия Радонежского на Большой Дмитровке в Москве. У Владыки собралось несколько бывших зосимовских насельников: иеромонах Митрофан, архимандриты Игнатий, Зосима и Никита, — которые вели богослужения по зосимовскому уставу. Жили все впроголодь в крохотной келли на колокольне. Отец Исидор, как и другие священники, стал исполнять обязанности духовника.

Через три года волна репрессий усилилась. Не избежал преследований и отец Исидор: ссылка в край Коми, в село Деревянск Усть-Куломского района Сыктывкарской области на Печору. Поселили в зырянской избе вместе со скотиной, потом его приняла к себе древняя монахиня Иулиания, выделившая угол за печкой.

Батюшка не терял присутствия духа и безропотно принимал волю Божию.

В Деревянске отбывали срок еще несколько священников. Они собирались вместе и тайно совершали богослужения. Светлое Христово Воскресение праздновали в глубине тайги вдалеке от возможных доносчиков.

В 1936 году отец Исидор вернулся в Москву и был назначен настоятелем храма села Ченцово Тарусского района Тульской области в бедный приход: храм требовал ремонта, крыша протекла, отваливалась штукатурка, даже крест на куполе не устоял. А средств не было. Пожертвований едва хватало на скудное пропитание. Окрестные деревни стояли не близко, да и путь к ним лежал то через овраги, то по болотам, а то приходилось переваливать через холмы.

Свое настоятельство батюшка начал с того, что залез на крышу, водрузил крест, залатал кровлю и покрасил ее. Прихожане стали помогать ему, почистили стены и фрески ожили. Нашлась краска на окна, двери. Во дворе вырыли колодец. Дома причта не было, и отец Исидор отгородил себе келейку в углублении церковного притвора.

20 мая 1937 года по резолюции митрополита Московского и Коломенского Сергия отец Исидор был возведен в сан архимандрита. Подвижничество ченцовского настоятеля не осталось незамеченным и в богоборческих органах. Через полтора года архимандрита отправляют за штат и высылают в Егорьевск.

В этот период гибнет в заключении схиархимандрит Игнатий, преставился ко Господу архимандрит Никита. В 1939 году умер архимандрит Зосима.

У старцев осталось множество духовных детей. Перед смертью старец Игнатий благословил некоторых своих чад перейти к отцу Исидору, но найти его не удалось, и люди окормлялись у отца Зосимы.

Во время заупокойной всенощной по схиархимандриту Игнатию, от одной монахини узнали, что отец Исидор живет в Егорьевске. Быстро доехали до него, и батюшка успел на отпевание. После службы не единожды осиротевшие чада просились под его духовное руководство. Однако тот согласился только после того, как получил благословение своего духовника, отца Митрофана.

В конце марта 1939 года архимандрита Исидора направляют в Знаменскую церковь села Ивановское под Волоколамск, в которой до него служили архимандриты Никита и Зосима. Здоровье все больше ослабевало, приступы гипертонии мучили настолько, что батюшка смог служить только по воскресным дням.

Война грянула внезапно, уже в октябре враг был около Волоколамска. В Горки, где поселился архимандрит, приехала его духовная дочь, монахиня Гавриила, чтобы увезти его в Москву, но было поздно — они оказались в окружении. Начались бои непосредственно около родной деревни. От артобстрела укрывались в отрывом с матушкой Гавриилой окопчике. Несмотря на постоянный огонь, рискуя жизнью, стали подбирать раненых, и в избе у священника образовался перевязочный пункт.

Отец Исидор всегда носил на груди Святые Дары. Он постоянно причащался сам и причащал соседей и бойцов. По возможности, когда стрельба утихала, служил молебны, читал акафисты; простыми, добрыми словами успокаивал и обнадеживал страждущих.

«Однажды начался сильный артобстрел. Все бросились к своим окопам. Батюшка ковылял последним. Вдруг он услышал стон. Рядом с крыльцом лежал раненный сосед. Он взывал:

— Помогите мне, батюшка, и простите за все.

Архимандрит вернулся в дом, нашел чистую простынь, разорвал ее на полосы и вышел опять на крыльцо. Канонада усиливалась. Близкие кричали ему, махали из окопа, умоляли бросить все и укрыться. Однако он неторопливо перевязал все раны, успокоил и подбодрил стонущего в предсмертной агонии человека, и только потом, пригибаясь, пошел к окопу. Вскоре раненный затих. Кто-то сказал, что этот человек только вчера, сидя в окопе, утверждал, что никакого Бога нет, и жалеть его нечего. Батюшка строго посмотрел на говорившего и веско заметил:

— Неисповедимы пути Господни. Может быть, он своими последними словами «простите за все» получил прощение за свое сомнение»¹.

На Святителя Николая по просьбе прихожан архимандрит отслужил праздничную службу в Волоколамске, а вскоре пришло «освобождение». Батюшку как «социально опасного элемента» арестовали, увезли в Москву, но, к счастью, сразу выпустили. Выехать из столицы не удалось, и он, не имевший пристанища, был обречен не голодную смерть — ведь у него не было ни денег, ни продовольственных карточек. Но Господь не оставил своего верного раба. На улице ему повстречалась его духовная дочь, которая помогла батюшке устроиться при одном из храмов.

Весной 1942 года архимандрит Исидор был назначен настоятелем храма Рождества Богородицы в селе Никольское-Трубецкое Балашихинского района Московской области. Храм полвека не ремонтировался. Как и в Ченцово пришлось все начинать заново самому. Правда, теперь рядом была преданная Гавриила. Несколько дней они вытаскивали битый кирпич из алтаря, готовили церковь для богослужений.

В 1947 году построили небольшой домик, и у батюшки появилась, наконец, своя келлия.

Община росла, людей в храме становилось все больше, но средств на реставрацию фресок не хватало. Настоятель оформил матушку Гавриилу на несколько должностей: бухгалтером, истопником, письмоводителем... — а зарплату стали откладывать. Экономили на всем, но и Господь их не оставлял.

После Пасхи 1948 года прибыли реставраторы из Москвы. Сначала отремонтировали правый придел Петра и Павла, а потом центральный и левый. Все иконы пятиярусного иконостаса восстановили...

На престольный праздник Рождества Богородицы литургию совершали архиепископ Можайский Макарий, благочинный отец Владимир, отец Исидор и два диакона. Прихожане поднесли батюшке адрес, в котором благодарили его за ревностное служение. Через неделю ему была вручена Патриаршая грамота.

Но нашлись и другие люди, написавшие донос, и 10 мая 1949 года отца Исидора в очередной раз высылают в Завидово, где даже храма не было. Молился дома, — утренние молитвы с полунощницей, утренняя с часами, изобразительные и Псалтирь, чтение своего объемного синодика. Причащался запасными Дарами.

¹ Катышев Г.И. «Петушки обетованные». Владимир. 2005. стр.149

Самочувствие становилось все хуже и хуже. Появились одышка, водяная болезнь, прогрессировала гипертония. Но опять выручали духовные чада, и здесь нашедшие своего батюшку.

Накануне Пасхи 1950 года матушка Гавриила привезла отца Исидора в Петушки. Так распорядились власти, преследовавшие больного старца до конца дней. Служить архимандриту запретили, и Светлую утреню и обедню батюшка простоял в алтаре Свято-Успенской церкви. Жили первое время у другого зосимовского старца — игумена Платона, который служил здесь на приходе. «В пятницу Светлой седмицы, в день иконы Божией Матери "Животворящий источник", батюшка водосвятный молебен служил дома. Пела мать Гавриила. Рядом стояла Анна Ивановна Золотова, тогда еще молодая девушка. Больше в доме никого не было. После молебна отец Исидор взглянул на Анну:

— Ты что морщишься?

— Да батюшка уши болят, с детства маюсь. Простуды не выносят, временами плохо слышу.

Монах замер. Он весь ушел в молитву. Потом опустил в чашу со святой водой свои четки и окропил уши Анны, просто облил их. С тех пор она про уши забыла»¹.

Прошедший монашескую школу у великих старцев, отец Исидор и сам был прозорливцем, но свои наказания преподносил в форме советов, порой иносказательно. По его молитвам люди получали исцеление от болезней, обретали душевный покой, укреплялись в вере, получали благословение на сложную работу. Он принимал всех, кто обращался за помощью. Его давние духовные чада уже не перечисляли свои грехи, — старец все помнил, а зачастую вдруг произносил то, что сам исповедник мог забыть.

«Валентина Ивановна Золотова в начале пятидесятых была еще отроковицей, голенастой и головастой девчонкой. Батюшка относился к ней с большой любовью, даже, можно сказать, с нежностью. Все приговаривал: "А Валюшка не работник. Что у нее — голова, да позвоночник". Все думали, что это о внешности подростка. А он указал на причины инвалидности, которая подступила через 15 лет»¹.

В 1951 году появилась возможность приобрести небольшой домик, недалеко от Успенского храма и буквально в нескольких шагах от игумена Платона.

Сделали большой ремонт. 1 мая 1951 года отслужили водосвятный молебен, освятили новое жилище. Окно келлии выходило в палисадник, где росла старая рябина, на которой батюшка устроил кормушку для птиц. Этот домик по кончине отца Исидора перешел к преподобному епископу Ковровскому Афанасию (Сахарову).

Последний раз в храме за Светлой утреней зосимовский старец был на Пасху 1953 года, а после службы едва дошел до дому.

Однако его терпение превозмогало недуги. Как бы ни было трудно, он никогда не стонал и не жаловался, а всегда оставался веселым и заботливым.

¹ Там же. Стр.157.

Когда совсем становилось немоготу, он просил матушку Гавриилу сходить за отцом Платоном, чтобы тот причастил его.

Однажды силы совсем покинули старца, и он упал. Гавриила, которая сама была инвалидом, бросилась на помощь, но сил не хватало, и архимандрит оставался на полу.

— Да не убивайся ты так, — успокаивал он плачущую монахиню, — накрой пальтишком, да сбегай к соседке за помощью.

Отошел ко Господу архимандрит Исидор 30 июля 1959 года.

Похоронили зосимовского старца в Петушках, возле алтаря Свято-Успенского храма. Монахиня Гавриила рядышком посадила любимое отцом Исидором дерево — рябину.

Упокой, Господи, душу раба Твоего архимандрита Исидора.

Архимандрит Давид

Дмитрий Николаевич Бекетов родился 20 октября 1889 года в деревне Остров Ковровского района Владимирской области. Родители: отец – Николай Филиппович, мать – Матрена Васильевна, – крестьяне. В семье была еще дочь Евфросиния, 1892 года рождения. Дети рано остались сиротами. Когда Дмитрию было четыре года, трагически погибла мать. Николай Филиппович отправился на заработки в Москву, и по возвращении умер. Младенцев забрал к себе дядя Иван Бекетов, который и вырастил племянников. Дмитрий обучался грамоте и имел начальное образование. Известно, что он еще молодым человеком женился на Ольге Ефимовне Солиной, но быстро овдовел. Постоянные утраты приводят Дмитрия к мысли о монашестве.

В 1913 году он поступает в Зосимову пустынь. Духовным отцом новонаначального инока становится сам игумен Герман. По всей вероятности, именно у своего аввы Дмитрий учится иконописи. 23 января 1921 года Дмитрий становится мантийным монахом. Постриг с именем Давид совершает настоятель пустыни отец Герман.

Перед самой кончиной наставника, в 1923 году, отца Давида рукополагают в иеродиакона. Как известно, в этот же год пустынь была упразднена.

С 1923 года отец Давид становится насельником пустыни Параклит, куда помимо него уходит еще несколько зосимовских старцев. Там в 1928 году епископ Никон рукополагает его в иеромонаха.

После закрытия и этого монастыря в 1929 году отец Давид уезжает в село Давыдово Владимирской области, где служит на приходе до 1937 года. В 1933 году его награждают золотым наперсным крестом. 12 декабря 1937 года в Сретенском храме Владимира епископ Алексей (Сергеев) рукополагает отца Давида в архимандриты.

Из следственного дела известно, что отец Давид не терял связи со своими собратиями. Он часто приезжал в Высоко-Петровский монастырь к владыке Варфоломею (Ремову), куда после кончины старца Алексея

переместился центр зосимовского старчества во главе со схиигуменом Митрофаном; встречался и с другими монахами, поселившимися вокруг Москвы.

В 1938 году местом его служения становится Троицкий храм знаменитого своими художественными промыслами села Мстёра Вязниковского района Владимирской области. 16 июня в дом №74 по Большой улице, где он проживал у церковного старосты, нагрянули сотрудники ОНКВД.

Священника обвинили в причастности к контрреволюционной организации церковников и проведению антисоветской агитации. Вместе с ним по делу проходили архимандрит Вениамин (Милов), отец Иосаф (Василий Михайлович Хрисанов), Георгий Шлихтинг; вязниковские священники: Сергей Алексеевич Гусев, Владимир Александрович Цветков, Сергей Федорович Крылов. По постановлению Особого Совещания НКВД от 27 февраля 1940 года архимандрит Давид был приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет и отправлен в Сухобезводный лагерь Горьковской области. Годы издевательств, непосильного труда, болезней, голода погубили мученика. Выпущенный из заключения в 1946 году он отправляется на родину. От станции Тереховицы до своей деревни Остров он добирался ползком, так как у него были отморожены ноги. Сестра Евфросиния приняла брата, но измученный организм уже не возможно было восстановить. Через шесть месяцев, 20 марта 1947 архимандрит Давид отошел ко Господу.

Его похоронил на кладбище села Коверино Камешковского района. Могила зосимовского подвижника потерялась.

9 февраля 1958 года постановлением военного трибунала Московского военного округа Дмитрий Николаевич Бекетов реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Упокой, Господи, душу раба Твоего архимандрита Давида.

Игумен Платон

Петр Степанович Климов родился 14 января 1877 года в деревне Федотово Калужского района Московской области. Родители его, Степан и Анна, дали возможность сыну получить начальное образование — Петр окончил церковно-приходскую школу.

Воспитанный в духе патриархального крестьянства, мальчик с уважением относился к старшим, прислушивался к их замечаниям. Однажды отец отправил его сеять гречиху. Когда половина поручения бала выполнена у края поля вдруг появился белобородый странник и говорит Петру

«Если будешь сеять, то вырастет пустоцвет». — «А когда же сеять, дедушка»? Старец посмотрел на небо: «После обеда можно будет».

Мальчик оставил метку и побежал к отцу. Тот не ругал, а согласился. Когда жали гречиху, то увидели, что до метки вырос пустоцвет, а после — хорошая гречиха уродилась.

В двадцать девять лет, 10 мая 1906 года, Петр пришел в Зосимову пустынь. Его сразу направили на просфорную.

9 марта 1910 года послушника Петра зачисляют в указную братию. Ему приходилось трудиться в свечной лавке, рухлядной, петь на клиросе, быть письмоводителем.

С 31 мая 1912 года игумен Герман отправляет его вместе с будущим преподобным Владимиром в Царицынский Свято-Духов монастырь Саратовской епархии. Вернувшись из неблагополучного монастыря, 12 марта 1914 года, он принял монашеский постриг с именем Платон.

Вскоре после февральской революции, 25 марта 1917 года, его рукоположили во иеродиакон. В 1919 году переводят в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой лавры. В ноябре 1920 года Платон становится иеромонахом.

Когда в 1929 году скит упразднили, ему некоторое время довелось служить в селе Мишутино Сергиево-Посадского района Московской области, а с ноября 1930-го иеромонаха Платона назначают настоятелем храма в Софрино, что довольно близко от родной Зосимовой пустыни.

В мае 1934 года батюшка был возведен в сан игумена.

22 октября 1935 года софринского настоятеля арестовывают.

Отца Платона поместили в Бутырскую тюрьму. Два с половиной месяца длилось следствие, и постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 8 января 1936 года — за участие в контрреволюционной группировке по статье 59/10 и 11 его приговорили к трем годам ссылки на Север в Каргополь.

После относительно легкого для того времени наказания, игумен вернулся в родные места. Жил около поселка Струнино, а в 1940 году перебрался в Петушки.

Выделила ему свободную комнатку Надежда Ивановна Мушкина. Обстановка как и в кельи скромная: иконостас, железная кровать, стол, шкаф, пара табуреток, но по полочкам размещалась большая библиотека. В ней полный круг Миней. Батюшка любил и берег книги. Обветшавшие сам переплетал, причем делал это весьма искусно. Всюду царил полный порядок. На монахе всегда был чистый, аккуратно подштопанный подрясник.

Первое время в храме служить приходилось редко. Но со Сретенья настоятель Свято-Успенского храма отец Петр вынужден был покинуть храм: налоги установили непомерные. Игумен же был человеком одиноким, ему вполне доставало того, что приносили на помин и урожая со своего огородика. Всего-то до святых жен-мироносиц прослужил батюшка, но церковь была спасена, и отец Петр вернулся к своим обязанностям. Игумен Платон опять оказался в роли прихожанина

В 1945 году его назначают настоятелем Богоявленской церкви в Крутце (Леоново), недалеко от Петушков, где он прослужил до марта 1947 года.

После смерти священника Петра, в 1953 году, игумен Платон возвращается в Свято-Успенский храм, но опять ненадолго.

Он неопустительно совершал молитвенное келейное правило, пребывал в сердечной молитве. Ежедневно вычитывал полный круг богослужений. Был очень строг к себе, ласков и радушен с духовными чадами и всеми людьми, не лишен чувства юмора. Однажды на клиросе, после не совсем удачного пения его спросили: «Батюшка, а на какой мы глас-то пели?» «Да, чай, на 12-й». И при этом лицо его оставалось серьезным.

В его доме всегда кто-то останавливался. Молодежь он поучал примерами из жития святых. При этом всегда старался без дела не сидеть. Если видел, что гость не занят, предлагал прочитать акафист или канон.

Чудесную батюшкину душу прекрасно понимал епископ Афанасий (Сахаров) и, живя на одной с ним улочке, исповедовался у него. Не редко долгие вечера проводили они в богоугодном общении.

«Великий молитвенник был игумен Платон. Схимонахиня Лидия Ивановна Золотова вспоминала: "Я работала медсестрой в родильном отделении. Там никак не могли одну инфекцию вывести. Закрывали много раз все отделение на санобработку. Бесполезно. Однажды мимоходом как-то пожаловалась я на эту беду отцу Платону. Тот промолчал. Вскоре инфекция пропала. Нам невдомек, ну пропала и пропала. И вот однажды о. Платон спрашивает меня:

"Ну что, инфекции больше не беспокоит?" — "Не - говорю, — батюшка, не беспокоит". Он только рассмеялся...

...Монахиня Евдокия едва передвигалась на костылях: в свое время упала у колодца и повредила позвоночник. Мучилась много лет. На всенощной на храмовый праздник Успения Пресвятой Богородицы после выноса Плащаницы поползла она кое-как до святыни, отложила костыли и припала к темному бархату. Прихожане стоят не шелохнувшись. Понимают, молится болящая. Рядом — отец Платон опирается на свою палочку. Тоже весь ушел в молитву. Вдруг монахиня как бы вздрогнула, как будто какая-то волна прошла по ней. К изумлению окружающих Евдокия стала медленно подниматься, выпрямилась и самостоятельно, без костылей, отошла от Плащаницы. Отец Платон только сделал короткое движение к ней, передал свою палочку. Монахиня как должное взяла ее и, не глядя ни на кого, направилась на свое обычное место в храме. С тех пор не брала костыли в руки.

Тяжелым временем для православных стали 1960-е годы. Отец Платон часто повторял одну мысль: «Сейчас никого не вразумишь, не научишь. Смотри за собой, как бы самому веру не потерять», Он чувствовал наше время и говорил близким: «Ни за чем не гонись, видишь, туча-то какая идет. Гонись только за Богом».

Прозорливец был игумен, но прямо ничего не говорил. Наверное, так было надо. Валентина Ивановна Золотова рассказывает: «Отец Платон, как и отец Исидор, предсказал мне тяжелую болезнь, только по-другому. Говорит мне в церкви: "Как же ты, голубушка, дошла?" А я с удивлением: "Батюшка, да у меня ведь только голова болит, ходить-то хожу". Через некоторое время опять то же самое. А мне опять невдомек. Видел он, как приближается ко мне жестокая хворь. Отодвигал ее, молился. Умер отец Платон весной 1966 года, а осенью меня согнуло. От дома вместо двух минут за полчаса до храма поползала. Семь месяцев ходила согнувшись. А тут сестра Лидия поехала в отпуск в Печоры. Она ничего

не знала, что после ее отъезда мне предложили делать сложнейшую операцию. Шансов остаться здоровой было очень мало. В большинстве своем люди после таких операций или умирали, или оставались идиотами на всю жизнь. В Печорах Лидия нашла прозорливицу матушку Екатерину. Она лежала уже при смерти и к ней не допускали. Удалось только передать через келейницу баночку земляничного варенья да просьбу помолиться за больную сестричку.

Больше никаких подробностей. Через некоторое время вышла келейница и спрашивает: "У кого тут больная сестрица?" — Лидия: "Это я". — "Вот, матушка передала просфорочку и наказала не делать никакой операции. У нее ведь голова".

Сестра только кивнула и не может понять, что за операция. А приехала домой и все узнала. Вскоре у врачей вышел какой-то разлад. Засомневались они и решили операцию не делать. Вот так я и осталась жить по молитвам великих»¹.

Отошел ко Господу игумен Платон 20 марта 1966 года.

Похоронили его возле алтаря Успенского собора. Прихожане ухаживают за могилкой и свидетельствуют, что если обратиться к батюшке с насущным, наболевшим — он всегда услышит молитвенника.

Упокой, Господи, душу раба Твоего игумена Платона.

Иеромонах Софроний

Иеромонах Софроний, в миру Сергей Акимович Петров, родился 13 сентября 1870 года в деревне Рукав Владимирского района Ивановской области.

Отец его был крестьянином небогатым: имел дом, двор, сарай, одну лошадь и корову. Для селян того времени это было слишком мало, так как прокормиться при таком хозяйстве могла лишь малочисленная семья. Но несмотря на скромный достаток, отец нашел возможность дать сыну начальное образование, и Сергей окончил церковно-приходскую школу.

Дальнейшая его жизнь проходила в трудах землепашца.

Была ли у Сергея семья, стал ли он отцом, что послужило причиной ухода его в монастырь — не известно. Но следует отметить, что этот шаг он совершил уже в зрелом возрасте, в сорок лет. Во всяком случае, оставить семью, детей и принять его в обитель такой игумен, как схиигумен Герман не мог бы позволить.

5 мая 1910 года Сергей Акимович становится насельником Зосимовой пустыни. Выполняет послушание штукатура.

21 января 1913 года его зачисляют в указную братию и дают послушание хлебника.

Постриг он принял 5 декабря 1915 года, а иеродиаконом стал уже после закрытия пустыни, в скиту Параклит в 1924 году, где по примеру других

¹ Катъшев Г.И. «Петушки обетованные». Владимир . 2005 . стр. 129 -131

обителей была организована сельскохозяйственная артель. Спустя три года отец Софроний был рукоположен в иеромонаха.

Несмотря на официальное наименование артели, Параклит разгоняют. В 1929 году бывший Зосимовский монах возвращается в родное село и вновь становится землепашцем. Но не надолго. В 1930 году батюшка переезжает в село Никульское Собинского района Владимирской области и становится приходским священником. В 1933 году его переводят в село Карачарово того же района. А в 1934 — в Воскресную Слободку Суздальского района.

На момент ареста в 1937 году он служил священником в церкви села Мордыш Суздальского района, что стоит на пологом берегу Нерли. Несмотря на кратковременное служение зосимовского старца на этом приходе вокруг отца Софрония сложилась крепкая община. Следственное дело сохранило имена его преданных духовных чад, впоследствии претерпевших страдания и гонения, это: Грачева Мария, Лисёнковы Сергей и Матвей, Зиновия Наумова — староста храма. Именно она указывается в доносе на отца Софрония, как «дьячиха Зиновия — злостная контрреволюционерка и антисоветчица». Заявление это было написано председателем Мордышского сельсовета Ляшко.

Неизбежное общение между прихожанами и настоятелем стало по версии следователей НКВД заговором, а их нечастые посиделки, на которых можно было услышать сетования на тяжелую жизнь, — подготовкой к контрреволюционному мятежу.

Собственно, никакими фактами клеветники не располагали. Только е на похоронах селянки вырвались неосторожные слова батюшки, и его верной помощницы о наболевшем — беспросветной колхозной кабале, и о бесчеловечном советском строе, и об ушедшем достатке дореволюционных времен. Этого хватило для доноса.

Однако не только корявые строки клеветника и записи следователей НКВД, но и память народная сохранила имена и образы мучеников. Жители сегодняшнего Мордыша, еще помнят и старосту, и самого батюшку: «Был он невысокого роста, борода. Жил у Юшиных — комнату снимал. Поздно вечером гуляли мы у Нерли: тогда, ведь, ни радио, ни телевизоров — все время в общении. Глядим — машина легковая к Юшиным подкатывает. Из нее люди выходят и в дом. Через некоторое время выводят отца Софрония. И все — больше мы его не видали»...

Арестовали отца Софрония 25 октября 1937 года и содержали в суздальском отделении НКВД.

Как и у других зосимовских арестантов в протоколе обыска всего несколько строк об изъятых вещах: паспорт, пять церковных книг, несколько писем и пятьсот восемнадцать рублей. В вину старцу вменялось «проведение собраний, организация и руководство контрреволюционной группой, в проведении среди населения контрреволюционной повстанческой агитации».

Надо признать, протоколы допроса не могут служить достоверным свидетельством того, как и что говорил иеромонах Софроний на следствии.

Страницы, исписанные следователем Подаруевым, испищены газетными штампами. Невозможно себе представить, что зосимовский подвижник произносил нечто подобное: «Я непримиримый враг советской власти, нежелающий и немогущий примириться с общественно-политическим устройством в СССР. Я стою на позициях буржуазно-монархического строя... я систематически вел контр-революционную деятельность... вел контр-революционные разговоры используя для этой цели их религиозные предрассудки... мою антисоветскую деятельность, мерой пресечения которой может быть единственная — арест и изоляция меня от населения...».

В обвинительном заключении шестидесятисемилетнему иеромонаху были предъявлены контрреволюционная и повстанческая агитация, подготовка восстания против советской власти и «нелегальное крещение детей, без разрешения и согласия их непосредственных родителей».

Дело было передано на рассмотрение тройки УНКВД Ивановской области, в протоколе заседания которой от 15 ноября 1937 года за номером семьдесят пять постановлено: «Петрова Сергея Акимовича расстрелять. Лично принадлежащее ему имущество конфисковать».

Через день Зосимовского старца Софрония расстреляли в Иванове.

Реабилитирован он был 31 марта 1989 года.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Софрония.

Иеромонах Феодорит

Иеромонах Феодорит, в миру Федор Ильич Кудрявов, родился 8 сентября 1873 года в деревне Липа Гдовского района Ленинградской (по административному делению 1937 года) области. Известно, что кроме него в семье была дочь — Надежда Ильинична, проживавшая в последствии в Ленинграде по ул. Декабристов 22, кв. 12.

Федор получил домашнее образование, с детства занимался крестьянским трудом.

Двадцати трех лет от рода, 29 февраля 1896 года, он поступает в Гефсиманский скит, где становится духовным сыном и учеником иеромонаха Германа. По назначении аввы настоятелем Зосимовой обители, вместе с другими его чадами уходит воссоздавать пустынь.

29 ноября 1903 года Федор принимает постриг с именем Феодорит.

В 1909 году вместе с другими верными игумену Герману учениками он отправляется в изгнание, но счастливое завершение дела возвращает всех в родную обитель.

Через три месяца, 2 февраля 1910, отца Феодорита рукополагают в иеромонаха. Наряду с чредой священнослужения некоторое время он выполнял послушание эконома пустыни.

«Очень хорошего поведения», — отмечал отец Герман.

Период жизни отца Феодорита после разгона пустыни в 1923 году неизвестен. Возможно, он сразу поступает на службу в Николо-Набережный храм города Муром, но то, что в 1928 году он уже был в нем священником, известно из материалов уголовного дела. Именно тогда произошел первый арест лишённого гражданских прав священника. Коллегия ОГПУ осудила его по статье 58 п. 10. Но это были «репетиции» гонений, и после ссылки старец вновь возвращается в Муромскую церковь.

Заканчивался страшный тридцать седьмой год. Отцу Феодориту исполнилось уже шестьдесят четыре. Вновь арестовывать его пришли 18 ноября на улицу Съезд Революции дом 2, где он проживал.

В протоколе обыска задержанного «попа Кудрявова Ф.И.» всего три пункта: паспорт ГИ-634417, серебряный крест на витой цепочке и «разная переписка писем». Поместили батюшку в Муромскую тюрьму.

Из протоколов допроса нельзя достоверно узнать, что происходило в казематах на самом деле. По размытым и корявым подписям арестанта можно только догадываться, как выбивали показания. Отштампованные фразы самооговора нелепы в своей казенности и абсурдности: «Должен признаться следствию, что настроение мое контрреволюционное... После отбытия ссылки своих антисоветских взглядов не изменил... я часто высказывал свои контрреволюционные, клеветнические взгляды... неоднократно высказывал сожаление об арестованных властью врагах народа». Об одном из арестованных по делу: «я могу сказать, что он откровенно высказывал контрреволюционные, клеветнические измышления».

Нормальный человек так говорить не может, не может и истязаемый — он может только подписать этот бред, сломленный муками и издевательствами.

В обвинительном заключении сказано:

«В основу всей деятельности к/р организация включила: вербовку новых членов... и подготовку их к восстанию в момент интервенции против Советского Союза, подготовка кадров для совершения диверсионных и террористических актов, восстановление ликвидированных монастырей...»

Заседание тройки управления НКВД Горькая от 17 декабря 1937 года — через месяц после ареста — вынесло постановление: «Кудрявова Феодора (Феодорита) Ильича расстрелять. Лично принадлежащее ему имущество конфисковать».

Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Реабилитирован старец был 23 июля 1956 года.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Феодорита.

Иеросхимонах Иннокентий (Орешкин)

Будущий старец, один из духовников Зосимовой пустыни родился в 1870 году в деревне Ерюхино Калужской губернии и был крещен с именем Иоанн. Происходил он из простой и довольно бедной семьи. Мать его звали Натальей, отца — Игнатием. Об отце известно, что тот был очень добрым, всегда охотно делился с нищими, напоминая себе и близким, что лучше подать, чем принять.

До двадцати пяти лет Иоанн жил дома, потом тайно от всех ушел в Троице-Сергиеву Лавру, «к Черниговской Матушке» — в Гефсиманский скит. Ему дали послушание продавать свечи, крестики, иконки. Иоанн скорбел, что нет у него духовного наставника, с чем и обратился к знаменитому старцу Варнаве. Тот посоветовал открывать свои помыслы Божией Матери, и добавил: «В Зосимову пустынь придешь — на гостиницу попадешь».

Еще в скиту послушник сближается с будущим игуменом Зосимовой пустыни отцом Германом и другими насельниками «Северной Оптиной», в том числе, с будущим благочинным иеромонахом Мелхиседеком (Лихачевым) и с преемником старца Алексия, казначеем пустыни, игуменом Митрофаном.

23 февраля 1998 года послушник Иван оказался в Зосимовой пустыни. Как и предсказал преподобный Варнава, он стал в монастыре гостинником. 16 февраля 1899 года его зачисляют в указную братию пустыни, а через два года, 21 октября, рукополагают во иеродиакона. К тому времени проходит всего несколько месяцев, как его постригли в монашество с именем Иннокентий.

Постепенно трудолюбие и усердие к молитве сделали Иннокентия келейником и доверенным лицом игумена Германа. В большинстве поездок аввы отец Иннокентий был его спутником. Так в октябре 1913 года он сопровождал его в паломничестве на Новый Афон и Батум; через четыре года его видят в Кремлевском Чудовом монастыре на соборованиях...

Старчество было тем магнитом, который притягивал в пустынь многих паломников, особенно из Сергиева Посада и Москвы. После кончины старца Варнавы (в 1906 году) к знаменитому зосимовскому молитвеннику Алексию перешли многие из тех, кто искал утешения в Гефсиманском скиту. Но силы старца Алексия иссякали, он попросился в затвор. Ему разрешили уединиться. Приезжих стал, в числе других иеромонахов, принимать на исповедь и отец Иннокентий, рукоположенный в иеромонаха 25 сентября 1905 года. Но каждый вечер он сам ходил к своему духовному отцу игумену Герману, чтобы проверить себя и посоветоваться. В первое время отец Иннокентий смущался и признавался авве, что не знает, как говорить с приходившими. На это отец Герман ответил: «Духовные дети намучат и научат». Со временем он стал окормлять и братию. Среди его духовных чад были монах Симон (Кожухов). Однако главным послушанием иеромонаха было заведование монастырской пасекой, двадцать шесть ульев которой приносили ежегодно до пуда меда каждый.

17 мая 1915 года отца Иннокентия награждают набедренником.

В одном из писем, датированном 1918 годом и адресованном некоей Анне Ивановне, старец Алексей Зосимовский так отзывался об отце Иннокентии: «Он хороший монах, смиренный, рассудительный и умеет себя держать в вашем круге. По-моему он для вас подходящий руководитель».

В 1922 году в Москве закрыли женский Алексеевский монастырь. Некоторые из насельниц, по благословению отца Иннокентия, решили жить общиной, которую он обещал навещать.

Вскоре скончался схиигумен Герман. Над Зосимовой пустынью нависла угроза закрытия. В 1923 году, 8-го апреля отец Иннокентий записал, что расстроился, так как ожидалась комиссия, говорили, что закроют храм, разгонят монахов. Поневоле приходили мысли: что делать? куда деваться? что дальше будет?

«И вот в среду вижу я как бы в тонком сне, что стою в нашем соборе сзади, где всегда стоял батюшка и чувствую, что батюшка стоит рядом со мной и молится, а по ту сторону от батюшки — отец Мелхиседек. Батюшку я не вижу, а чувствую, что он здесь, как живой, рядом со мной. Смотрю — церковь вся освещена, вся горит огнями, все паникадила, все как на Пасху, но свет от них в 5 раз сильнее. Все залито светом, и в алтаре все горит ярко каким-то необыкновенным синеватым светом, церковь вся полна народа. Служба идет и все так благоговейно стоят и молятся. Батюшка сошел со своего места и пошел в алтарь. Я чувствовал и там его присутствие. Проснулся успокоенным, утешенным... — рассказывал позже отец Иоанн

Когда стало понятно, что монастырь закроют, все расстроились, плачут. Вышел отец Иннокентий, попробовал поговорить с братией — еще горше ему стало.

«Почувствовал я тогда, что спасение в Боге за молитвы батюшки, ушел в алтарь и стал всю свою скорбь говорить батюшке как живому:

— Батюшка, помоги мне твоими святыми молитвами. Ты видишь, как я скорблю, как мне тяжело, совсем я изнемогаю. Помоги мне, облегчи мою скорбь, к кому же я пойду, как не к тебе...

Только я так помолился, как почувствовал, будто кто с меня тяжесть великую снял. Как камень свалился с души, и стало на душе легко, спокойно, радостно, как давно не было, так что я потом народ принимал спокойно, и отцу Мелхиседеку рассказал все...»¹

Вскоре монастырь закрыли.

После упразднения обители, предсказанной преподобным Германом, отец Иннокентий вместе с иеромонахом Мельхиседеком отправились в село Олисово под Клин.

Послились зосимовские старцы у бывшей монахини московского Алексеевского монастыря Елизаветы Ефимовны Барановой. У нее монахи стерегли пасеку в двадцать ульев и сад, помогали по хозяйству.

Зосимовские старцы стали центром местной православной общины. Под их духовное окормление собрались проживавшие в Олисово, Тимошино и

¹Пыльнева Г.А. Воспоминания о старце Зосимовой пустыни иеросхимонахе Иннокентии. М 1998. Стр.13.

Клину бывшие монахини, приходили и не испугавшиеся преследований миряне, тайком наезжали духовные чада из Москвы. Собирались под видом чаепитий, однако все равно последовал арест.

К приходу чекистов иеромонах Иннокентий оказался в Москве. Существует версия, что он отправился ко врачу, а потом скрылся. В уголовном деле имеется запрос Завидовского ОГПУ МО о его розыске.

В следственном деле, в показаниях всех монахинь «общинки» и других свидетелей и обвиняемых, его имя постоянно стоит рядом с расстрелянным в том же году отцом Мельхиседеком. Однако в ни обвинительном заключении, ни в приговоре иеромонах Иннокентий, Иван Игнатьевич Орешкин, ни разу не упомянут.

Отец Иннокентий вынужден был скрываться и жить на нелегальном положении в селе Поповка Ленинградской области, получая помощь от митрополита Серафима (Чичагова).

16 марта 1933 года за «участие в контрреволюционной организации» его арестовывают. В обвинительном заключении говорилось, что «после закрытия

Зосимовой пустыни иеромонах Иннокентий Орешкин проживал на нелегальном положении. За это время создал широко разветвленную к-р. организацию церковников, участники которой в своем большинстве были за к-р. деятельность репрессированы и высланы». Как сказано в протоколе допроса, отец Иннокентий заявил: «В своей практической а/с деятельности наша организация исходила из следующих политических установок, что в настоящее время мы переживаем скорбные времена, выражающиеся в гонении за веру, в массовом закрытии церквей, в арестах духовенства и церковников, в коллективизации сельского хозяйства и голоде, в разорении крестьянства, единоличников и вообще творятся всякие беззакония, — помышляя о реставрации монархии... исходя из того положения, что церкви необходимо перейти на катакомбное положение, мною был организован подпольный монастырь (монашеская община) в Москве на Алексеевской ул., на квартире Екатерины Ивановны Матвеевой, ныне находящейся в ссылке... В этот монастырь входило до 20 монашек. Впоследствии этот монастырь был ГПУ обнаружен; часть монахинь была выслана, другая часть разъехалась, продолжая поддерживать связь со мной до настоящего времени... После репрессий и ареста ряда членов нашей организации, я бежал в Ленинград к знакомому мне еще по Зосимовой пустыни митрополиту Серафиму (Чичагову). Серафим (Чичагов) укрывал меня у своего секретаря на ст. Поповка близ Ленинграда. После того, как в Ленинграде начались аресты церковников, я, опасаясь за свою судьбу, переехал в г.Старицу, Западной области, где проживал до момента ареста вместе с тайной монашкой Иннокентией (Хвостовой), находящейся также, как и я на нелегальном положении». Далее в дополнительных показаниях отец Иннокентий излагает задачи к-р. организации, которой он якобы руководил. На предъявленные показания Хвостова заявила, что "подписи

Орешкина ... на протоколах допроса я считаю подложными, или если они и подписали, то их заставили насильно».

В результате — приговорили к трем годам ссылки в г.Оренбург по ст. 58/11 УК РСФСР.

Старец, рассказывая своим духовным детям о пребывании в тюрьме, вспоминал что старался не входить в разговоры, обсуждения создавшегося положения, а устроившись в уголке читал молитву Иисусову. Однажды во время молитвы он услышал знакомые слова: «Благовестуй, земле, радость велию, хвалите небеса Божию славу». Как-то во сне он увидел своего духовного отца — схиигумена Германа, позвавшего его по имени и напомнившего: «Молись усерднее Господу и Божией Матери». Оказалось, что в это время решалось дело отца Иннокентия. Утром вызвали с вещами. Естественно, все заволновались, что батюшку повели на расстрел, но ему объявили решение: три года вольной ссылки и пять дней свободы, чтобы собраться и выбрать место пребывания.

Было еще рано — три часа утра, когда отец Иннокентий вышел за ворота тюрьмы. Он подождал рассвета и поехал в храм Воскресения Христова, где служил знакомый священник, причастился Святых Тайн. За эти пять дней, отпущенных ему на свободе, он смог пробыть у многих своих духовных чад, а затем отправился в Оренбург.

Епископ Арсений (Соколовский) очень рад был, что встретил в лице батюшки опытного духовного руководителя. Владыка устроил его на квартиру к своим духовным чадам.

Отца Иннокентия в Оренбурге мучила экзема, тяжело переносил он жару, доходившую до пятидесяти градусов.

Через три года он освободился. Освободили и матушку Иннокентию. Она нашла батюшке место в городе Данилове Ярославской области, а сама вернулась в Вологду, откуда ей было легче заботиться о нем. Но нашлись люди, которые предали монахиню. Ее снова посадили в тюрьму, где она и скончалась.

С 1936 по 1946 год отец Иннокентий проживал в Данилове. Сюда духовные чада привозили много писем. Читать, отвечать на них он мог лишь при свете свечи. Это отразилось на зрении. Он стал слепнуть.

Много скорбей было у отца Иннокентия. Шла война. Вся духовная семья была рассеяна: некоторые оказались в оккупированных местах, другим годами не удавалось приехать к нему. Кто мог — писал записки и передавал с надежными людьми. Наконец в 1945 году батюшке нашли местечко ближе к Москве, где еще оставались его духовные чада. К лету 1946 года его устроили близ станции Сходня. Здесь он прожил более трех лет, стараясь принять всех, особенно тех, с которыми многие годы не виделся.

10 марта (по новому стилю) 1949 года старец Зосимовой пустыни иеросхимонах Иннокентий отошел ко Господу.

Покойся прах Зосимовского старца на кладбище храма Тихвинской Божией Матери, что на Церковной горке в Москве.

Упокой, Господи, душу раба Твоего схииеромонаха Иннокентия.

Иеросхимонах Феодосий

Федор Коробкин. Родился в 1850 году в Курской губернии. Грамоте обучался дома.

В двадцать пять лет решается посвятить себя монашеству. 20 января 1885 года он принят на послушание по лесному хозяйству в Киево-Троицкий монастырь, и ровно через год зачислен в указную братию. Ему поручают послушание келаря, затем эконома. Одновременно он поет на клиросе.

9 декабря 1890 года пострижен в монахи.

Через четыре года, 24 января, переведен в Зосимову пустынь. Проходит всего год и его рукополагают в иеродиакона, а еще через два года, 7 июня 1897 года, он принимает священнический сан.

Отец Феофил в конце июля 1906 года был награжден набедренником.

В семьдесят два года, 5 марта (нового стиля) 1922 года, он принимает постриг в великую схиму с именем Феодосий.

К этому времени он прожил в Зосимовой пустыни тридцать восемь лет!

О дальнейшей его судьбе сведений не выявлено.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеросхимонаха Феодосия

Иеромонах Корнилий

Константин Зоря родился в семье крестьян Харьковской губернии в 1861 году. Грамоте обучался дома.

11 апреля 1889 года принят в Троице-Сергиеву Лавру. Послушание нес в странноприимном доме. 15 мая 1890 года переведен на послушание в Троицкую церковь.

8 января 1892 года переведен свечником в Никонову церковь. 18 сентября 1892 года зачислен в указную братию Лавры.

13 января 1894 года перемещен в Зосимову пустынь. 16 декабря 1895 года принял постриг. 28 апреля 1896 года рукоположен во иеродиакона, а 6 августа 1897 года в иеромонаха. Нес послушание у бывшего строителя Зосимовой пустыни иеромонаха Иоанна. Выполнял обязанности ризничного, библиотекаря. По распоряжению лаврского начальства был послан на должность духовника женской общины «Отрада и Утешение» при селе Щеглятьеве Серпуховского уезда Московской губернии.

В ноябре 1909 после двухмесячного выполнения обязанностей настоятеля Зосимовой пустыни, переведен на должность Строителя Махрищского монастыря.

В рапорте на имя высокопреосвященнейшего митрополита Московского Владимира наместник Лавры архимандрит Товия дает ему такую характеристику: «Иеромонах Корнилий — старейший из иеромонахов и по годам, и по времени жительства в пустыни, в которую перешел из Лавры еще послушником по особенному расположению к подвижнической жизни.

Этот настрой сохранился в нем и до сего времени, чем и вызывает к себе особое расположение как братии, так и посетителей Зосимовой пустыни. Года два назад он был утвержден духовником женской обители, устроенной и управляемой графиней Орловой-Давыдовой, ныне игумения Магдалина, которая не находит слов, чтобы выразить свою благодарность за такое назначение...»

О кончине зосимовского подвижника пока ничего не известно.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Корнилия.

Иеромонах Евфросин

В миру — Василий Андрианович Данилов. Родился 3 апреля 1898 года в крестьянской семье в сельце Языковка Новосе(и)льского района Тульской обл. Два года учился в сельской школе. У Василия было двое братьев¹ и три сестры: Анастасия, Олимпиада и Евдокия (в последствии насельница Марфо-Мариинской обители).

С 1912 года Василий перебрался в Москву к одной из сестер и служил «мальчиком» на фабрике. От своих родителей, и в частности от матери Софии, он унаследовал любовь к Богу и молитве. Посещая один из ближайших храмов он получил благословение удалиться в монастырь.

29 марта 1915 года поступил в Зосимову пустынь. Отец Герман принял его с испытательным сроком и направил на скотный двор убирать за коровами.

Со временем Василий нес послушания канонарха и келейника у иеромонаха Иннокентия, который с первых дней стал его духовным отцом. Новоначальный послушник постоянно ходил к нему за наставлениями, за что его и прозвали «иннокентин сосунок».

В 1917 году он Василий был призван в армию, и больше года служил в пехотном полку на фронте в Виленской губернии. После увольнения возвратился в Зосимову пустынь и 26 июля 1918 года был пострижен в рясофор.

В 1920 году его призывают уже в Красную армию — санитаром в Смоленск, потом в рабочий полк в Москву.

В 1923 году он вновь возвращается в Зосимову пустынь! Такая преданность Свято-Смоленской обители свидетельствует о верности инока заветам Зосимовского старчества. Однако в этом же году пустынь

¹ Одного из них звали Иосиф

упраздняют, и 23 октября он вместе с другими зосимовцами поселяется в Высоко-Петровском монастыре.

6 ноября он принимает постриг в мантийные монахи с именем Евфросин, а через пять дней владыка Варфоломей (Ремов) рукополагает его в иеродиакона.

В 1927 году иеродиакон Евфросин был на высылке в городе Осташкове и служил в Новосоловецком монастыре. По окончании срока собирался на Кавказ. Однако планам его не суждено было сбыться.

5 апреля 1931 года его арестовывают в Загорске, где он проживал по адресу: Березовый переулок дом №11. Иеродиакон проходит одному делу с другими Зосимовскими насельниками: игуменом Владимиром, иеромонахами Макарием, Мельхиседеком и Иннокентием, иеродиаконом Иоанникием за участие в «контрреволюционной и антисоветской» организации «Истинных христиан».

Вины за собой отец Евфросин не признал. 6 июня 1931 года он осужден Коллегией ОГПУ по статье 58/10-11 на 10 лет концлагеря с заменой высылкой в Алма-Ату. Однако ссылают его в Колымский край. Условия заключения были крайне тяжелыми. Не выдержав издевательств, батюшка прямо с лесоповала уходит в тайгу и несколько дней пробирается вдоль трассы по тайге. Пищей ему служила кора деревьев и мороженая клюква. Когда силы оставили его, он на клочке бумаги карандашиком записал свои грехи, положил под елочку и так исповедался пред Господом. Случайно его обнаружили и отправили обратно в лагерь, где его даже не пытались искать — мороз должен был выполнить работу палачей. Но отец Евфросин даже не обморозился!

На три недели беглеца бросают в неотопливаемый барак, где через день приносят ему кружку воды и ломтик хлеба. И опять Господь приходит на помощь своему верному рабу. Пораженные тюремщики возвращают батюшку из ледяного карцера в лагерь, а здесь где его выходили уголовники: они носили монаха на делянку, заваливали для обогрева телогрейками. Вскоре медкомиссия признает старца не пригодным к тяжелым работам и переводит на работу в швейную мастерскую, так как еще в Зосимовой пустыни он славился как портной.

В начале 1941 года ему дают за побег дополнительные десять лет. Но вновь милость Божия посещает верного раба. 20 июня приходит приказ об освобождении. Видимо, разминулись две бумаги. Только чудом можно объяснить факт «пропажи» десяти грядущих лет заключения, которые, по мнению батюшки, он, конечно же, не перенес бы.

Известие о войне приходит, когда бывший «зек» находился на борту корабля, направлявшегося во Владивосток. Через Среднюю Азию отец Евфросин пробирается в Кишинев, где поступает на службу в епархиальное управление.

29 января 1945 года в Ильинской церкви Загорска епископ Кишиневский Иероним рукополагает отца Евфросина в иеромонаха и назначает на должность эконома епархиального управления. В этом же году отец

Ефросин стал членом Поместного Собора Русской Православной Церкви от Кишиневской епархии.

14 июня 1945 года иеромонах Евфросин награждается наперсным крестом.

Но состояние здоровья подточило силы старца, и он вынужден покинуть службу в Кишиневе и переселиться в Москву к своему наставнику отцу Иннокентию. В 1958 году один из его духовных чад— Александр находит недорогой дом в Подольске, где батюшка, и проводит остаток жизни.

Перенесший долгие годы стужи и голода, батюшка очень страдал от малейших сквозняков и бережно относился к каждому кусочку съестного.

В конце 1973 года он почувствовал приближение кончины и пригласил к себе священника Валериана (Кречетова), который исповедал и причастил старца.

19 декабря отец Евфросин отошел ко Господу.

Тело его отец Валериан перевез к себе в Акулово и похоронил перед алтарем Покровского, где служил, рядом с другими подвижниками. Местные жители чтут память зосимовского старца и ухаживают за его могилой.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Евфросина.

Иеромонах Иоанникий

Иеромонах Иоанникий, в миру Иван Кузьмич Каштанов. Родился в 1873 в крестьянской семье деревни Пласкуши Замошинской волости Тверской губернии. Малограмотен, получил домашнее образование. Женат не был.

В 1897 году, 25 июня поступает в Валаамский монастырь и несет там послушание плотника. Через три года его переводят в Зосимову пустынь, где его тоже определяют на плотницкие работы. С 18 декабря 1902 года его зачисляют в указную братию Зосимовой пустыни. Проходит десять лет. 8 сентября 1912 года его рукополагают во иеродиакона.

Все эти годы он, помимо священнослужения занимается исключительно плотницким ремеслом, которым, по всей видимости, владел в совершенстве. Отец Герман отмечал его как насельника «очень хорошего поведения».

По закрытии Пустыни иеродиакон Иоанникий перебирается в Параклит, впоследствии преобразованный в сельскохозяйственную артель.

Из следственного дела известно, что он был рукоположен в иеромонаха, но произошло это в последние годы Зосимовой пустыни или в Параклите — не ясно. С 1929 года он в Загорске, где проживал на Бульварной улице в доме №27 вместе с игуменом Владимиром. Зарабатывал на жизнь колкой

дров, починкой заборов. Как «социально опасный элемент» лишен избирательных прав, тогда говорили — лишенец.

В 1931 году, 6 апреля, арестован по одному делу с другими Зосимовскими монахами: Макарием, Владимиром, Мельхиседеком Иннокентием, Евфросином за участие в «контрреволюционной и антисоветской» организацией «Истинных христиан». Вины за собой отец Иоаникий не признал.

6 июня 1931 года он осужден Коллегией ОГПУ по статье 58/10-11 на 10 лет концлагеря с заменой высылкой Алма-Ату. Дальнейшая его судьба пока не известна.

Реабилитирован отец Иоаникий 12 декабря 1958 года.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Иоанникия.

Иеромонах Серафим

В миру — Сергей Павлович Конюхов. Родился в крестьянской семье села Войново Меленковского района Ярославского губернии в 1881 году. Окончил три класса сельской школы деревни Крутицы. В 1899 году, после смерти отца, уходит из мира и поступает в Зосимову пустынь.

В 1913 году призван в армию и служил до 1917, после чего вернулся в обитель и пребывал в ней до дня ее закрытия.

В 1923 году поступает в пустошь Опахарка, Спасо-Преображенской общины Угличского уезда Ярославской губернии. Через год архиепископом Угличским Серафимом (Самойловичем) рукоположен в иеромонаха

В обители служил до ее разгона в 1931 году. В 1932 году арестован ОГПУ по церковному делу в селе Бабаево Ярославской области. В заключении находился до мая 1933 года.

По освобождении служит в Христорождественской церкви села Погорелки Борисоглебского района Ивановской Промышленной области.

28 марта 1934 года вновь арестован, и 1 июня Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ, как «член церковно-монархической контрреволюционной организации «Истинно Православная Церковь», приговорен к трем годам исправительно-трудового лагеря по ст.58/10, 58/11 УК РСФСР по делу архиепископа Угличского Серафима (Самойловича).

Срок отбывал в Западно-Сибирском крае.

О дальнейшей судьбе отца Серафима пока ничего не известно. Реабилитирован прокуратурой Ярославской области 2 августа 1989 года.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Серафима.

Иеромонах Димитриан

Барон Дмитрий Владимирович Пфейлитцер фон-Франк родился в 1881 году. Сын подполковника. Закончил 2^й Московский кадетский корпус. Женат не был.

18 марта 1901 года он поступает в Введенско-Островскую пустынь Владимирской епархии, где смиренно нес послушание в хлебной. 18 марта 1905 года его переводят в Зосимову пустынь. Бывшего барона отец настоятель определяет на послушание сторожа. 22 декабря 1907 года зачислен в указную братию. После этого трудится на клиросе, кухне, келейником. 27 марта 1913 года Дмитрий принял постриг с именем Димитриан. Продолжал нести послушание на кухне. «Очень хорошего поведения», отмечал в официальных бумагах отец Герман.

После 1917 года рукоположен в сан иеродиакона.

По закрытии Пустыни поступил в Свято-Данилов монастырь, где прослужил до 1930 года. В монастыре нес послушание при мощах святого князя Даниила и помогал отцу Тихону (Баляеву) по ризнице. Немного иеродовствовал. В 1929 году рукоположен в иеромонаха.

Умер в Мариинских лагерях в Новосибирской области.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Димитриана.

Иеромонах Никон.

Николай Демин родился в 1869 году в крестьянской семье села Жуково Донковского уезда Московской губернии. Окончил сельскую школу. Двадцати семи лет, 13 августа 1896 года, поступил в Зосимову пустынь. На послушание был определен в странноприимный дом.

5 октября 1900 года зачислен в указную братию, теперь уже выполнял обязанности пономаря и библиотекаря. 18 февраля 1901 года принимает монашеский постриг с именем Никон. 22 октября того же года рукоположен в иеродиакона. 20 июня 1910 года принял сан иеромонаха.

«Очень хорошего поведения» — отзывался о нем игумен Герман в донесении в Лавру.

В 1923 году после закрытия пустыни отец Никон служил в храме на станции Струнино под Москвой. Оставшись без места, переезжает в столицу, в Москве жил на нелегальном положении, отправлял панихиды на Ваганьковском кладбище,

Арестован 24 сентября 1932 и помещен в Бутырскую тюрьму за «антисоветскую агитацию и распространение провокационных слухов». На следствии заявил, что «Бог послал власть в наказание народа для вразумления».

16 декабря Особое Совещание при Коллегии ОГПУ СССР по статье 58/10 УК РСФСР приговорило иеромонаха Никона к трем годам лишения права проживания в двенадцати населенных пунктах с прикреплением к Уральской области. Однако в январе 1933 года старец оказывается в заключении — в Тамбовской тюрьме.

После освобождения отец Никон вернулся на родное пепелище и работал печником на станции Арсаки.

Но на воле он оставался недолго, уже 22 мая 1936 года происходит новый арест и приговор — 6 лет лишения свободы.

Дальнейшая судьба зосимовского старца пока не известна. Реабилитирован Прокуратурой СССР 30 мая 1989 года.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Никона.

Иеромонах Нафанаил

Никита Яковлевич Бачкало родился 15 сентября 1866 года в селе Сорокотяки Бузовской волости Тарасчанского уезда Киевской губернии. Родители его крестьянствовали.

До шестнадцати лет Никита учился в народном училище и помогал отцу по хозяйству.

В 1882 году юноша убегает из дома в Киево-Печерскую Лавру, где на протяжении четырех лет несет послушание на клиросе. В 1886 году Никита оставляет монастырь, так как монашеская жизнь начинает его тяготить. Однако замечательный голос и любовь к церковному пению приводит его в архиерейский хор Киевского Кафедрального собора.

На празднование 900-летия Крещения Святой Руси, в 1888 году, Никиту направляют в Москву в Васильевский хор¹, из которого он переходит в Синодальный хор. Через семь месяцев его переводят в Исааковский Собор Санкт-Петербурга.

В северной столице Никита Яковлевич начинает учиться музыкальному и драматическому искусствам, главным образом — сольному пению. Три года он занимается на курсах профессора пения Сефери. Затем поступает в консерваторию в класс профессора Б(Т)абеля. Есть основания считать, что в этот период он овладел игрой на скрипке и фисгармонии.

В 1890 году Никита Яковлевич заканчивает учебу и начинает петь в Панаевском театре Санкт-Петербурга. Он ездит с концертами и с оперными спектаклями в Ревель, Финляндию, Царство Польское, Эстляндию и Курляндию. Гастроли длятся года два.

В двадцать восемь лет ему представляется выгодная партия, но уже не оперная, — состоялась его помолвка с дочерью некоего банкира. Но браку не суждено было свершиться. В день помолвки отец невесты скончался.

¹ Васильевы Сергей и Леонид — регенты и содержатели хора в Москве

Страшное видение покойника, явившегося жениху, столь сильно повлияло на Никиту Яковлевича, что он бросает невесту, карьеру, мир и вновь удаляется в Лавру. На этот раз в Троице-Сергиеву.

В 1894 году Никита становится послушником, поет и выполняет обязанности помощника регента. В 1897 году принимает постриг и становится регентом. А на следующий год его переводят в строящуюся Зосимову обитель для создания там хора.

В диаконстве отец Нафанаил пробыл недолго, и в 1900 году его рукоположили в иеромонаха.

Будучи беспокойным и нервным человеком, он часто вступал в конфликты с преподобным Алексием в первые месяцы его клиросного послушания. «Это не Успенский собор, вы не забываетесь, здесь реветь нельзя», — выговаривал регент бывшему пресвитеру кремлевского собора. Со временем их отношения приняли самый доверительный характер, и отец Нафанаил с умилением вспоминал о кротости и смирении старца.

В 1904 году талантливого регента-музыканта, возвращают из Зосимовой пустыни обратно в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.

Причиной тому послужило его прошение о дозволении обучаться в Московском синодальном училище теории церковного пения. К этому времени он готовит к изданию двухтомник песнопений Всенощного бдения и Божественной Литургии — «четырёхголосный обиход» для смешанного и однородных мужского и женского хоров. Владелец московской нотнопечатни Николай Иакимович Гаврилов изъявил желание издать творение зосимовского регента, а директор Синодального хора, Василий Сергеевич Орлов, обратил внимание на этот опус и предложил иеромонаху завершить церковное музыкальное образование у него.

В 1911 году иеромонаха Нафанаила назначают лаврским регентом. Сергиеву обитель отец Нафанаил покидает в 1918 году, после ее разгона.

Поначалу он служит пять лет священником в селе Борково, Александровского уезда, Владимирской губернии; потом в Новосергиевске, того же уезда — регентом два года. После более или менее благополучного периода начались скитания: в Москве Никольский храм — регентом один месяц; затем переходит в Кожевническую церковь Троицы, «был регентом месяца четыре». Полгода регентствовал в Сергиеве. И снова Москва, Богоявленский собор — «регентом семь месяцев». Далее год в Орехово-Зуевской церкви — священником, куда его приглашает бывший благочинный города Александрова, Орехово-Зуевский епископ Никита (Делекторский)

В 1928 году иеромонаха Нафанаила лишают последней должности. Поводом послужил скандал, связанный с его «гражданской женой» Евфросинией Родионовной Вьюгиной, бывшей монахиней Исааковского Отделения Московского Вознесенского монастыря. Прислуга батюшки, Акулина, была особой взбалмошной, разносила выдуманные ей небылицы, а местные обыватели напали на «сожительницу». Решением Синода отцу Нафанаилу было запрещено служение в Орехово-Зуевской церкви.

Но уезжать оттуда он уже не мог: во-первых, преклонный возраст, во-вторых, обзавелся домишком, который оформил все на ту же Ефросинью Родионовну, завел скотинку...

Все лето работал на покосе, добывал мох, хозяйничал понемногу, приходилось даже нищенствовать. Получал иногда по 10–40 рублей пособия за свои ноты от Драмсоюза, в который вступил в 1926 году.

Жил он в Орехово-Зуеве по адресу: улица Володарского дом 1372 (возможно, 13/72). Там его и арестовали.

Из протокола допроса: «После моего изгнания из храма мои сторонники, а может быть епископа Никиты, которого многие обожали, — а я был его ставленник, — после вечерни в воскресные дни ко мне заходили. Бывали у меня по 3–4–5 чел. с которыми я пел, играл на фисгармонии церковные песни.

Ходили ко мне в большинстве случаев разные лица — женщины, случалось, заходили и мужчины — кто именно фамилии я не знаю. Приходящие также мне помогали материально: приносили крупу, хлеб и т.д. Кроме пения, я иногда им читал церковные книги, некоторые места из Библии, Евангелия, Жития святых. Из Евангелия я читал те места, которые применительны к этому дню и делал пояснения. Кроме этого я никаких разговоров вообще никогда не вел. Хождения ко мне прекратились с месяц тому назад в виду того, что я просил ко мне больше не ходить, т.к. меня предупредила женщина, мне неизвестная, стоявшая, как и я на паперти, которая сказала, что меня могут *накрыть*.

На вопросы останавливающих со мной ”как батюшка тяжело жить”, я всегда отвечал, ”что эта тяжесть зависит от нас самих за наши грехи”.

В отношении закрытия церквей и налогов на церкви я с разговаривавшими (некоторыми лицами — с кем именно не знаю) всегда говорил: ”Я слышал в Синоде от епископа Филиппа, что церковь Зуевскую закроют”. Такие разговоры я вел месяца четыре тому назад, к этому меня побудили и газеты в частности ”Колотушка”. В отношении больших налогов на церковь я вообще никогда ничего не говорил.

Епископ Никита, приезжавший не один раз в церковь Зуево, после его снятия с Орехово-Зуевской епархии, как я слышал от некоторых женщин, у меня ни разу не был. Последний раз он был недели две тому назад и, через неизвестную мне старушку, передал рукопись о неправильном действии Синода православной церкви и заострилось внимание на декларации 1927 года¹. Причину и цель передачи данной рукописи мне я не знаю. Рукопись читать я никому не давал. Никогда никакой агитации против Соввласти я не вел».

^{1 1} «Декларация» митрополита Сергия от 29.07., пытавшегося сгладить отношения между государством и Церковью..

Так 30 января 1930 года записывал в протокол уполномоченный СО Орехово-Зуевского Окружного Отдела ОГПУ Столетов показания арестованного в качестве обвиняемого гражданина Бачкало Никиты Яковлевича.

Никакой вины за собой отец Нафанаил не признал.

Его приговорили к трем годам высылки без права проживания в центральных и ряде других областей и республик.

О последних годах жизни зосимовского регента иеромонаха Нафанаила нам не известно. Но известна его музыка. «Зосимовское пение» возрождено в пустыни. Оно не умолкает и звучит во многих православных храмах Святой Руси. В 2005 году издательство «Живоносный источник» выпустило репринтный двухтомник песнопений иеромонаха Нафанаила, а в 2008 году Свято-Троицкая Сергиева Лавра издала его «Всенощное бдение»

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Нафанаила.

Схимонах Симон

Сергей Евгеньевич Кожухов родился 23 декабря 1859 года в Петербурге, в Почтамтском переулке, на казенной квартире, которую занимал его отец, Евгений Алексеевич Кожухов, родом из дворян Костромской губернии. Он был женат на Евдокии Николаевне, урожденной Колтовской. Вся их родня — люди высокого происхождения, как было принято говорить о дворянах и титулованных особах. Достаточно сказать, что сам Евгений Алексеевич был крестником Государя Александра I. Но Сергей Евгеньевич с детства проявлял некую простоту и прямоту, его чистой душе всегда были чужды какое-либо притворство и лицемерие.

У него была единственная сестра — Мария, моложе его на два года. Другие братья и сестры Сергея Евгеньевича умерли в раннем возрасте.

Первые воспоминания детства Сергея Евгеньевича были связаны с няней Феодосией Ивановной и горничной Парашей. Мальчик любил вечерами сидеть в их обществе и слушать рассказы о чудесах от святых мощей и икон, разговоры на духовные темы. Родителей дети видели мало. Отец уходил с утра на службу, а мать ездила к знакомым с визитами, по вечерам же обыкновенно они оба вместе уезжали в театр, на концерт или еще куда-нибудь. Дети сначала оставались под присмотром няни, а когда подросли, — на попечении гувернанток, которых было несколько. Отрадные воспоминания у Сергея Евгеньевича остались о крестной — тете Лизе — Елизавете Николаевне Волковой, сестре его матери, которая

имела прекрасный миролюбивый характер. Ради того, чтобы побыть в ее обществе и понежиться в лучах ее любви, Сережа был рад и поболеть. В детстве, когда он чем-нибудь заболел и его укладывали в постель, тотчас же появлялась тетя Лиза и все время оставалась около него, как Ангел-хранитель.

Елизавета Николаевна, по выходе в отставку мужа, купила небольшой участок земли в трех верстах от станции Арсаки, неподалеку от Зосимовой пустыни, жила там в своем имении Каравайково и соорудила на могилке почитаемого старца схимонаха **Зосимы** мраморную плиту и деревянную часовню. В этой-то пустыни 23 декабря 1917 года суждено было Сергею Евгеньевичу принять монашество.

Когда Сергею исполнилось восемь лет, отец его был переведен из Петербурга вице-губернатором в Тверь. Там Сережа начал учиться уже по-настоящему. Первыми его преподавателями были иностранки-гувернантки, которые учили его преимущественно языкам: французскому (Сергей Евгеньевич знал его в совершенстве), немецкому и английскому, а также античной мифологии. Закон Божий преподавал настоятель Скорбященской церкви протоиерей Димитрий Матвеевич Константиновский, сын знаменитого протоиерея Ржевского кафедрального собора отца Матфея — духовного наставника Н.В. Гоголя, имевшего на писателя сильное влияние. В четырнадцать лет Сергей сдал вступительный экзамен в гимназию и был принят в четвертый класс.

В Твери юноша стал серьезно заниматься изучением фортепианной игры. Его первым учителем был Александр Михайлович Якушев, окончивший Петербургскую консерваторию и прекрасно знавший музыку. Ему, главным образом, и обязан Сергей Евгеньевич своим изысканным вкусом в оценке произведений новых и старых композиторов, умением прекрасно исполнять их сочинения. Кроме прочих талантов, он был одарен великолепной памятью.

На первые рождественские каникулы родители повезли гимназиста в Петербург и водили там по театрам. Они побывали и в русской, и в итальянской, и во французской операх. Конечно, все виденное произвело на него сильное впечатление. Одна сцена любовного характера, которую мальчик совершенно не понял, заставила его покраснеть, и он почувствовал, что ему отчего-то стыдно. После виденного у него остался горький осадок.

В автобиографии Сергея Евгеньевича есть огромный пробел: он совершенно умалчивает о своих студенческих годах, проведенных в Московском университете. По желанию родителей он поступил на юридический факультет, но параллельно прослушал полный цикл медицины, которой хотел посвятить свою жизнь. По человеческому рассуждению можно было бы выразить сожаление в связи с подобным умолчанием, но если вспомнить истинную причину того, то хочется похвалить дорогого Сергея Евгеньевича: он боялся бросить тень на

память о своей покойной матери. Ведь ради послушания родительнице он отказался от всего, к чему влекло его сердце: и от интересующей его профессии врача, и от счастья с любимой девушкой. Со стороны Сергея Евгеньевича это было настоящим самопожертвованием. Девушка, которую он полюбил, отвечала ему взаимностью, но так как она не принадлежала к высшему обществу, то мать решительно воспротивилась их браку. Сергей Евгеньевич был настолько послушен, что не мог идти против воли родителей и отказался от женитьбы навсегда. Его невеста поехала на войну в качестве сестры милосердия, а Сергей Евгеньевич остался холостяком. Вспоминая потом в письмах о периоде этой юношеской привязанности, он характеризует его как «мрачную трагедию на фоне полномерного счастья».

Как исключительно добросовестный человек, Сергей Евгеньевич не стал искать и выбирать службу, которая помогла бы составить блестящую карьеру, а, напротив, решил по-настоящему поработать, чтобы стать хорошим юристом и быть полезным обществу.

По окончании университета он переезжает в Петербург, где в то время жили его родители. Поскольку у них не нашлось свободного угла, он снял меблированную комнату. Местом его службы становится Четвертый департамент, ведающий торговыми делами.

Сергей Евгеньевич очень любил бывать и в театре, и на концертах, и на вечеринках. Если приходилось проводить время в обществе своих сослуживцев, то, как он рассказывал сам, беседы велись на деловые темы, так как интересы службы были на первом плане. Если же затевали игру в карты, то он оказывался плохим игроком и постоянно получал выговоры от своих партнеров. Когда же подавали ужин, и на столе появлялась выпивка, то он как-то умел исхитриться и уклониться от участия в ней, ему это вполне удавалось.

Сергей Евгеньевич был превосходным музыкантом (великолепно играл и на рояле, и на фисгармонии), очень понимал и любил музыку. Он был членом музыкально-драматического кружка: разучивал отдельные сцены, целые оперы — то в качестве аккомпаниатора, то суфлера.

С тонким пониманием, со всеми подробностями рассказывал он о каждом певце, музыканте и артисте, которых ему приходилось видеть или слышать на своем веку. Он знал прекрасно М. П. Мусоргского, Антона Рубинштейна, А.К. Глазунова, знаменитые симфонии которого переложил для фонолы.¹

Это был глубокий музыкальный критик. «Наиболее люб мне был Чайковский, перед которым я вообще преклоняюсь как перед гениальным музыкантом и как перед чудным, простым, добрым, симпатичнейшим,

¹ Фонола — один из видов механического фортепиано. Для звукоизвлечения требовалась подача воздуха, как в фисгармонии, но в дальнейшем применялся электромотор, который к тому же приводил в движение и перфоленту, соответствующую нотной записи.

обходительным, обворожительным человеком. — Вспоминал Сергей Евгеньевич о встречах с Петром Ильичом. — Мне посчастливилось довольно близко знать его»¹.

Когда умер один из близких друзей Сергея Евгеньевича — Федор Федорович Фишер, жена его, Наталия Герасимовна, бывшая тоже в дружеских с ним отношениях, по его предложению, переехала к нему на квартиру и стала вести его хозяйство. Интересен рассказ Сергея Евгеньевича о том, как они проводили время.

«В свободные вечера, когда мы были одни, я до известного часа читал вслух, а она работала. Или оба мы работали: она кроила из бумагеи рубашки и платяца для бедных детей, а я их шил на машине. Это был мой елочный подарок детям из приюта при Преображенском соборе. Таких подарков за год набиралось до двухсот!..»

Обладая исключительной трудоспособностью и огромным желанием всегда приносить пользу окружающим его людям, Сергей Евгеньевич много поработал для дела народного образования. Он писал позже:

«В селе Огибалове Михайловского уезда Рязанской губернии, при котором находилось имение моей матери, была церковно-приходская школа. Меня попросили быть попечителем этой школы, и я это охотно согласился в надежде не числиться только на бумаге, но и оказаться на деле полезным на этом поприще. Бороться с дефектной программой церковноприходских школ я, конечно, не мог, но некоторым корректором этой программы мог быть хороший учитель...»

Сергей Евгеньевич нашел такого учителя и сам платил ему вполне удовлетворительное жалование. С самого начала он занялся созданием школьной библиотеки, и через год она насчитывала тысячу книг. Для школьников он приобрел «волшебный фонарь» — предшественник фильмоскопа, — и сам изобрел для него картины особого свойства. Они печатались на папиросной бумаге, пропитанной специальным составом.

Зимой 1899 года Сергей Евгеньевич переходит на службу в Министерство юстиции и становится начальником гражданского отделения 1-го Департамента. Всякое — и большое и малое дело — он исполнял наилучшим образом, именно так, как советует апостол Павел: не как для людей, а как для Господа, ничуть не думая о себе, о своем покое и отдыхе, не отказываясь ни от какого поручения, как бы трудно оно не было. В его записках сохранились характеристики тогдашних государственных деятелей. Как неумело и недобросовестно относились некоторые из них к своим обязанностям, как тяжело было ему, усерднейшему работнику, быть в такой среде. Общение с такого рода чиновниками ускорило его уход в монастырь. Последние годы в миру он уже занимал пост вице-директора 1-го Департамента и был членом Совета при министре юстиции.

¹ Здесь и далее цитируются отрывки из книги Е. Четверухина. Удалился от мира. Свято-Трицкая Сергиева Лавра. 1997.

В первый раз о Зосимовой пустыни Сергей Евгеньевич услышал в 1906 году, в имении Губино, где гостил вместе с матерью. Как раз в то время скончалась его любимая тетя Лиза. Когда было получено известие о ее смерти, там присутствовал Илья Николаевич Четверухин родственник, друг и будущий настоятель Николо-Толмачевского храма. Он рассказал, что Каравайково, которое прежде принадлежало тете Елизавете Елизавете Николаевне, потом перешло во владение Зосимовой пустыни. Тогда же, в 1906 году, у Сергея Евгеньевича возникла мысль об уходе из грешного и суетного мира... Осуществить же это ему удалось лишь в 1912 году.

За эти годы его желание постепенно укрепилось. Тому способствовало и горячее одобрение такого намерения духовником¹ и пример Ильи Николаевича Четверухина, который оставил университет, окончил за эти годы Духовную академию и уже начал служить в одной из московских церквей..

9 мая, после обедни Сергей Евгеньевич вместе с И.Н. Четверухиным едут смотреть Зосимову пустынь. 8 мая они съездили в Кремль, чтобы поклониться московским святыням. Вечером Сергей Евгеньевич стоял всенощную, утром — литургию, и после нее священник повез своего гостя в Зосимову. По дороге они заехали в Лавру.

Сергей Евгеньевич был слишком большой идеалист и немного смутился, когда игумен отец Герман сразу задал ему вопрос о том, как он обеспечит монастырь. Однако с этим небольшим искушением он вскоре же справился и даже вполне оправдал отца игумена в том смысле, что он так ревностно заботится о вверенной ему обители. Ведь отец Герман видел, что просится в число братии человек уже немолодой да притом, конечно, не привыкший к физическому труду, а насельники Зосимовой пустыни много работали и на сельских работах, и на кирпичном заводе.

Для того чтобы лучше познакомиться с обителью и присмотреться к жизни братии, отец игумен посоветовал Сергею Евгеньевичу взять отпуск и пожить в монастыре. Это предложение очень понравилось ему, и он действительно взял в июне месячный отпуск и отправился в Зосимову пустынь, попав как раз ко времени сенокоса. Ему дали подрясник, пояс и послали вместе с остальной братией ворошить сено.

Через месяц Сергей Евгеньевич вернулся сильно загоревший, с лицом и шеей, искусанными слепнями, но крайне довольный и счастливый. «Я нашел то, что искал, — говорил он, — как только устрою свои дела, тотчас же уеду в дорогу для меня пустынь».

В первых числах августа он получил полную отставку с хорошей пенсией и стал свободным человеком. Имуществом он распорядился так: свой капитал, унаследованный от матери (пятьдесят три тысячи рублей), и обстановку квартиры из восьми комнат он передал сестре. Пятнадцать тысяч деньгами, имение Огигалово Рязанской губернии, стоимостью

¹ Духовным отцом Сергея Евгеньевича в Санкт-Петербурге был настоятель Преображенского собора отец Сергей Голубев

также пятнадцать тысяч рублей, отдал Зосимовой пустыни за то, что она брала его на свое попечение. Свою роскошную фисгармонию немецкой фирмы «Шидмайер» и ноты он прислал в подарок семье И.Н. Четверухина. Трем своим слугам Сергей Евгеньевич подарил по три тысячи рублей, а швейцару — тысячу. Себе он оставил лишь необходимое белье, платье, духовные книги, два стула, стол и умывальник. Все это за неделю до своего отъезда Сергей Евгеньевич отправил в пустынь по железной дороге, а когда пришло время и ему самому ехать, он взял лишь небольшой чемодан и совершенно спокойно вышел из дому как бы ненадолго.

По прибытии в обитель Сергею Евгеньевичу было дано послушание торговать в монастырской лавочке, что было для него, конечно, непростым занятием. Лавочка в виде каменной часовни располагалась около ворот, через которые входили богомольцы. Над воротами возвышалась красивая кирпичная колокольня с часами, которые каждый час вызванивали грустный напев. Эти часы-куранты были приобретены и установлены на те самые средства, которые пожертвовал в пустынь новый послушник. В часовне зимой и осенью было холодно, так как печка отсутствовала, а пребывать в ней приходилось по нескольку часов. Очень непривычна была для Сергея Евгеньевича такая работа и обстановка, но, ничуть не смущаясь, он принялся за дело. А вот с другим благословением ему было труднее примириться: духовником ему назначили простеца — иеромонаха Мелхиседека. Сергей Евгеньевич мечтал стать духовным чадом старца Алексия, но мудрый отец Герман именно так распорядился в отношении бывшего директора департамента: тот должен был во всем слушаться простого батюшку, отца Мелхиседека. Только прожив целый год в монастыре, Сергей Евгеньевич обрел духовного отца в лице старца Алексия, к которому и привязался всей душой.

Все это он принял и понес. Мир и своя воля остались далеко позади.

В начале пребывания в пустыни на Сергея Евгеньевича иногда стала нападать тоска. Он горевал о том, что ему уже пятьдесят два года, что не хватит у него сил, ревности, умения, чтобы стать настоящим монахом, и тогда как бы темные тучи нависали над душой и давили ее... Однажды шел он из храма в свою келлию, грустные мысли о возрасте теснились в его голове и смущали душу. Шел он, понуря голову, и вдруг навстречу ему идет старец Алексий. Он еще совсем не знал новенького, не беседовал с ним. Поравнявшись с послушником и благословив, он взял его за плечо и ласково сказал: «Эх, раб Божий Сергей, не печалься, и я в таком же возрасте поступил в монастырь - Господь не оставит и поможет».

Неожиданный, полный любви и ободрения ответ старца на его мысли успокоил Сергея Евгеньевича, и мир в его душе восстановился.

Кроме лавочного, вскоре ему дали и новое послушание: он должен был торговать свечами, ставить их и ходить по храму за сбором на тарелку.

Его жизнь была самая что ни на есть подвижническая, спал он лишь четыре часа в сутки, ложась в десять часов вечера и вставая в два часа ночи. В половине третьего Сергей Евгеньевич был уже в храме и слушал

утренние молитвы, полунощницу и утреню. Это продолжалось до шести часов утра. В семь часов начиналась литургия, после которой, не заходя к себе в келлию, он отпирал лавочку и начинал торговать. До Сергея Евгеньевича в лавочке было довольно уныло: там продавались лишь небольшие бумажные и медные образки, маленькие брошюры, сахар, баранки и больше ничего. Сергей Евгеньевич взял торговлю в свои руки, и дело пошло на лад: стала продаваться духовная литература, гравюры с сюжетами из Ветхого и Нового Заветов, изделия из бересты и дерева вологодских кустарей и многое другое.

Кроме послушаний лавочника и свечника, на Сергея Евгеньевича возложили обучение братии нотной грамоте и разучиванию с ними партий для пения в храме. В пустыни была небольшая фисгармония, с помощью нее он обучал монахов. После обеда полагался для всей братии двухчасовой отдых, но Сергей Евгеньевич решительно не позволял себе этого.

«Для меня, — говорил он, — совершенно достаточно спать четыре часа в сутки». Послеобеденное время он заполнял чтением Псалтири по усопшим. Кроме всего прочего он оказывал помощь в лечении больных. Он прописывал лекарства и сам же их приготавливал. Все остальное свободное от послушаний время новый послушник заполнял чтением аскетики святых отцов Церкви, либо сам писал.

А писал он очень много. У Четверухиных хранились его перевод на русский язык всего Нового Завета и свободный перевод Псалтири. Для этого Сергей Евгеньевич пользовался всеми языками, которые знал: греческим, латинским, немецким, французским и английским.

В первые годы пребывания Сергея Евгеньевича в Зосимовой пустыни, ему часто снились удивительные сны о торжественных шествиях в пустынь во главе с ее основателем — старцем Зосимой. Описания этих снов содержатся в нескольких письмах, которые получали Четверухины на протяжении более двух лет. Первое письмо от 25 мая 1914 года.

«Со времени водворения моего в Зосимовой пустыни мне многократно снится один и тот же сон. Себя я не вижу, но отлично сознаю, что прочно, твердо стою на каком-то возвышении с внешней стороны Святых ворот, откуда обнимаю взором как бы поверх крыши здания и внутренность монастырского двора. У Святых ворот стоит сам хозяин места — блаженный старец Зосима. ...старец держит обеими руками большой черный крест... и преклоняет этот крест над каждым входящим... Несметная толпа входит в храм и никто из него не выходит...»

Старец Алексей настолько заинтересовался снами своего духовного сына, что благословил при повторе сна подойти к схимонаху Зосиме и спросить его, что означает упомянутый, столь часто повторяющийся сон. Когда он повторился, Сергей задал вопрос.

«Скажи своему старцу, что он сам знает, что означает этот сон,» — ответил схимонах Зосима.

Отец Алексей предположил, что приближается время прославления основателя Пустыни, старца Зосимы.

В последний раз 8 июня 1917 года к повторяющемуся сну было знаменательное добавление.

«Среди толпы, приближавшейся к нашей обители, недалеко от ворот заметил я митрополита Киевского Филофея, бывшего архиепископа Тверского и Кашинского. Раньше видел я Владыку во сне перед окончательным решением моего вопроса об уходе из мира... Владыка был очень расположен к моим родителям, часто у нас бывал, и мне, недостойному подростку, оказывал незаслуженные любовь и ласку. Руководствуясь порывом чуткого, еще детского сердца, я не только благоговел перед святителем, но в буквальном смысле считал его святым, каковым продолжаю считать и поныне. Поэтому понятно, что появление святителя во сне как пять лет тому назад, так и теперь, вызвало во мне необычайную радость... Затем последовала во сне между нами следующая беседа.

Я: "Что привело Вас, Владыка, сюда в настоящие скорбные и смутные дни, когда решается вопрос о бытии Православия вообще и православного монашества, в частности?"

Митрополит: "Привело меня сюда, во-первых, то же чувство, которое руководит, смотри, вот этою толпою, желание смиренно воздать должное молитвеннику земли Русской, основателю вашей пустыньки. Сила Зосимы блаженного заключается в том, что он проявил беспредельную христианскую любовь к ближнему. Он дал обет, Господом принятый, сделаться вечным предстателем пред Богом за всякого, хоть раз к нему обратившегося. Второе, что меня привело сюда, — это желание утешить тебя, скорбящего скорбью, почти что граничащей с преступным унынием, предающегося такой скорби, несмотря на то, что почти с первых же дней поступления твоего в святую обитель, свершившегося не без моего молитвенного участия, ты получил осязательную от Бога поддержку в виде часто повторяющегося сна, относящегося к вашей пустыньке. Неужели ты не уразумел доныне значения этого сна? А ведь дело-то обстоит просто и бесспорно. Ты вступил в св. обитель с готовым запасом представлений о монашестве, основанном на святоотеческих писаниях. Жизнь и действительность показали тебе изнанку монашества, и ты, по малодушию, заскорбел. Тогда в утешение и поддержку послан был тебе Господом благодатный сон. Настали переживаемые ныне дни безумия (шел 1917 год — м. А.), и ты еще более заскорбел и еще более смутился. Тебе в утешение повторяемость сна усилилась. А какой же смысл самого сна? Вот какой. Сначала враг рода человеческого постарался заронить в тебе сомнение в пользе монашества в том виде, как оно существует, а в последнее время тот же враг, пользуясь обстоятельствами и невниманием твоим к сну-утешителю, старается окончательно закрепить в тебе сомнение слухами о предстоящем закрытии монастырей как ненужных и вредных. А между тем, что говорит сон? Смотри, к вам стекаются несметные толпы народа.

Стекаются они к вам потому, что в вас, насельниках Зосимовой пустыни, теплится лампада, возжженная великим ее основателем. Пока этот священный огонь не угас, тем обителям ничто не страшно, и кощунственная рука их не коснется, они не могут считаться ненужными и вредными...»

Вещий сон отца Симона явился пророчеством, прошедшим через толщу десятилетий забвения, которые нагрянули на пустынь и ее обитателей.

23 декабря 1917 года послушник Сергей был пострижен в мантию с именем Симон во имя апостола Симона Кананита. Перед постригом в схиму в прошении на имя наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Кронида он писал: «Достопочтимый наш старец отец игумен Герман, в заботе о спасении моей грешной души, предложил мне принять схиму. На это предложение я ответил, что по чистой совести считаю себя совершенно недостойным схимы; но так как я монах, хотя и плохой, и поэтому не должен иметь своей воли, то всецело предоставляю о. игумену распорядиться мною, пусть делает он со мною, что хочет, я же буду признавать, что его устами глаголет Сам Господь. Выслушав означенный мой ответ, отец игумен благословил меня подать Вам прошение о разрешении на принятие мною схимы. Вследствие сего, припадая к стопам Вашего высокопреподобия, дерзаю смиренно испрашивать, не признаете ли Вы возможным, пренебрегши моею худостою, соизволить на принятие мною, недостойным, великого Ангельского образа.

Вашего высокопреподобия нижайший слуга, убогий монах Симон».

13 сентября 1920 года он принял постриг в великую схиму с сохранением прежнего имени.

Медленно, но неотвратимо Россия катилась под откос. Это чувствовали и насельники монастыря. Вот что по этому поводу писал старец:

18 января 1923:

«Зосимова пустынь держится такими подвижниками, как отец Герман, отец Алексей, отец Дионисий... Можно поручиться, что после их смерти распадется и Зосимова пустынь. Она держится пока их духом, который уже те

перь, при их жизни, стараются всячески, исподтишка, а иногда и явно, искоренять, как устарелый, смешной. Да и самих старцев высмеивают в глаза и за глаза, называя их отжившими. Такая работа производится, конечно, не на виду богомольцев, поэтому они о ней ничего и не знают, знают про нее только сами насельники, и иные скорбят, а иные радуются и празднуют победу(?).

Отец Герман — постепенно угасающий светильник, но дух продолжает быть сильным... Я часто бывал у отца Германа как пользовавшийся его¹ и имел случаи и досуг наблюдать его духовную сторону. Редко приходится наблюдать проявления вдунутого Богом в человека духа, обособленного, отмежеванного от плоти... Остальные двое старцев другого рода. У них

¹ Монах Симон оказывал братиям медицинскую помощь.

телесная храмина не так видимо разрушается, но это отнюдь не значит, что они прочнее отца Германа...

...Вчера (17.01.23) в 8 ч. 45 м. вечера мирно почил отец игумен Герман. Отпевание в субботу...

Счастлив о игумен, что он вовремя отошел ко Господу, так как надвигается беда: в ближайшем времени Зосимову пустынь закрывают в числе прочих монастырей Александровского уезда. Это не пустой слух, а действительность. Не знаю, что делать! Посоветуйте! Сообщите поскорее, могу ли я рассчитывать на получение в Москве подходящей службы. Я неприхотлив, за многим не гонюсь, довольствовался бы небольшим заработком. Думаю, что наиболее подходящим для меня делом было бы книжное дело: книгоиздательство, книжный магазин, библиотека и тому подобное...»

01.02.23:

«В воскресенье нагрянула к нам ликвидационная комиссия и заявила, что мы более не монахи, а граждане, что церковь закрывается и что получено предписание о выселении нас в двухнедельный срок. Окрестные крестьяне подали ликвидаторам прошение об образовании прихода и о передаче храма этому новому приходу.

Со своей стороны, бывшие монахи — граждане Зосимовой пустыни — подали тем же ликвидаторам заявление об образовании трудовой артели (я, как старик, в члены этой артели не вхожу). Оба прошения будут рассмотрены Александровским исполкомом. Тем временем ликвидаторы описали все монастырское имущество, в том числе и ризницу, и изъяли для увоза много облачений, ковров, а из рухлядной — почти всю наличность. Утешительного мало. Что сделают со старцем Алексием не знаю. В его келлии были, описывали, старца напугали, осведомлялись о его возрасте...

...В случае надобности, впредь до выяснения моей дальнейшей судьбы, предложили мне у себя временный приют Барановы. Это большое для меня успокоение. По поводу своего устройства написал в Петроград, написал и в Тверь...

Воспользовавшись их (Барановых) приглашением, я не думал побыть у них долго, так как предполагал, что в скорости мое финансовое положение наладится, и я буду иметь возможность осуществить намеченный план: перебраться за границу с тем, чтобы устроиться в одном из сербских монастырей, заехав, конечно, к сестре, от которой должны были быть получены мною средства. Но человек предполагает, а Бог располагает. Вышло не по-моему. Сестра, как оказывается, выслала мне деньги в иностранной валюте еще в марте, но я их не получил. Недоразумение до сих пор не выяснилось. Поэтому я осел у Барановых и проживаю то, что выручается от продажи моего скромного имущества. В финансовой неудаче вижу перст Божий и отношусь ко всему спокойно. Благодарю Господа за Его милости ко мне, грешному. Мне здесь хорошо. Стараюсь быть полезным моим гостеприимным хозяевам: занимаюсь огородом и садом и вообще исполняю то, что не под силу женщинам, — рублю,

например, дрова. Ввиду того, что источник дохода, коим я теперь пользуюсь, должен в скором времени иссякнуть, я озабочен был приисканием какого-либо заработка. С Божией помощью, таковой нашелся в виде расписывания деревянных кустарных изделий, этим способом можно зарабатывать рублей пять-десять в день. При нашей скромной жизни этой суммы хватит на оплату моего содержания. Не теряю, впрочем, надежды перебраться за границу, на что имею благословение старца. Хотя, повторяю, мне и здесь хорошо, но я все же нахожусь выбитым из колеи. К тому же мне недостает храма, недостает старца и духовника. Порою бывает тяжело от кощунственного отношения к святыне. Я в обитель не хожу, однако на днях мне пришлось увидеть с балкона дачи, как увозили металлические одежды с престолов и надгробия блаженного старца Зосимы».

10.05.24:

«...Некоторые обстоятельства вынудили меня переменить место жительства. Барановы вознамерились, было, переносить свой дом в Посад, я опять очутился, было, без крова, а тут пришло письмо от родственников Толстых с приглашением приехать жить у них.

Евдокия Алексеевна Толстая, урожденная Штекельберг, — моя двоюродная сестра со стороны матери (дочь моей тетки Марии Николаевны). Кроме родства с нею связывают меня тесные узы дружбы: мы росли вместе, проживая в Твери.

Муж ее, Николай Алексеевич, прекрасный, добрый, честный человек, с которым я тоже очень сжился. До переворота служил он земским начальником и пользовался всеобщей любовью. По зимам жили они в Осташкове, в прекрасном собственном доме, а на лето переезжали на хутор Сиговку, находящийся в девяти верстах от города. После того как дом был реквизирован, они переселились на постоянное жительство на названный хутор, где проживаю теперь и я. Оба они — люди верующие и благочестивые. Все мы почти однолетки. Вблизи от нас — небезызвестная Нилова пустынь, продолжающая благополучно существовать под флагом трудовой артели. Храмы, хотя и обращены в приходские, но продолжают обслуживаться черным духовенством. Таким образом мы не лишены храма Божия. При существовании собственных лошади и лодки попадать в них не представляет затруднений, и это обстоятельство широко учитывается нами. Местность здесь красивая, обилие воды и лесов. Озеро Селигер обильно питает нас рыбой: ершами, окунями, сига́ми, судаками, лещами, язями, щуками, налимами и проч. По рассказам местных жителей, окружающие нас леса изобилуют грибами.

Живем мы очень скромно, трудясь каждый в поте лица, по мере сил своих, так как труд, прилагаемый к земле, является единственным источником нашего существования. Слуг не имеем, а имеем сотрудников из бывших слуг, пожелавших остаться на началах равенства и братства. Это очень симпатично, и об этом я всегда мечтал. Меня приурочили к огороду, я всегда особенно любил эту отрасль хозяйства, занимался ею в

Огибалово и кое-что в ней смысло. Имеются парники и рассадники. Копаюсь в земле, как крот... преимущество пришлось отдать огороду, носящему характер промышленный, так как не только обязан питать нас своими продуктами, но и должен давать доход от продажи излишков, — доход, идущий на покупку того, что не производит земля. Для удовлетворения нужд личных по обуви и одежде — необходим зимний заработок, приисканием коего я и озабочен. Пока трачу экономно деньги, присланные мне сестрою из Дании. Получить подходящий заработок здесь затруднительно и даже невозможно, приходится искать на стороне. Рассчитываю, с Божией помощью, получить из Твери недурно оплачиваемую переписку нот или переводы с французского языка.

Само собою, тоскую по монастырю. Монах в миру — это рыба на песке. Просился в Нилову пустынь. Не принимают ввиду старости моей и стесненного материального положения обители. Продолжаю стучать, может быть и отворят. Имею сильную нравственную поддержку и духовное утешение в лице местного приходского священника отца Михаила. Этот человек незаурядный, академик, самородок, вдовец, ведущий образ жизни очень приближающийся к монашескому, человек вдумчивый, крепкий в вере, бессеребренник, променявший настоятельство в Новотарусском кафедральном соборе на скромное положение сельского батюшки. Я с ним близко сошелся и пользуюсь взаимностью».

28.07,25:

«С Божией помощью перебрался в Нилову пустынь 10 декабря. Считаю себя счастливейшим человеком в мире и молю Бога, чтобы дано мне было окончить и свое земное существование в стенах святой обители. До сих пор, по молитвам угодника Божия, обитель не тронули, заняли под богадельню лишь внешние, расположенные за стенами монастыря здания бывшей гостиницы и чайной. Как и следовало ожидать, к моему поступлению в Нилову пустынь немало чинил препятствий враг рода человеческого, в расчете возбудить во мне уныние и отчаяние. Но Господь не дал мне пасть духом и могучею Десницею Своею после ряда искушений и испытаний втолкнул, наконец, меня, грешного, в святую обитель. Здесь я ожил. Родственники мои Толстые почему-то очень озлобились на меня по случаю моего ухода. Но расстался я с ними, да и со всеми насельниками Сиговки вполне мирно. Выехал я из Сиговки 9 декабря утром, кое-что закупил в Осташкове, переночевал у кафедрального протоиерея отца Иоанна Боброва, принимающего во мне живейшее участие, и на следующий день утром выехал вместе с ним в Нилову пустынь. Отец наместник (епископ Гавриил еще отбывает высылку в Архангельской губернии) архимандрит Иоанникий, предупрежденный о нашем приезде, встретил нас очень радушно, отогрел чаем, накормил обедом и затем сам повел нас в отведенную мне келлию, помещающуюся во втором этаже правого корпуса. Келлия чистенькая, заново отделанная, теплая, сухая, просторная, высокая. Окно выходит на собор, где почивают мощи

преподобного Нила. Рядом с моей келлией келья молодого монаха отца Геннадия. У нас общая прихожая и общая печь с топкой из прихожей. До сих пор послушания мне не назначено: только лоб крещу, знаю храм да келлию. Здесь принято бывать в храме постоянно в схиме. И представьте себе, как осчастливил меня, недостойного, отец наместник: он благословил меня выстаивать службы у самого гроба, у головки угодника Божия! Такая постоянная и длительная близость к святыне и страшит, вследствие сознания своего окаянства, и радует как знак великого милосердия Божия ко мне, грешнейшему из грешнейших. Мог ли я когда-либо мечтать о таком счастье?!.. Здешние церковные службы очень напоминают мне Зосимову пустынь. Чтецы и певцы растапливают мое сердце. Ко мне, по милости Божией, вернулось то радостное настроение, которое я так боялся утратить в Сиговке. Отрадно отметить, что храм пуст не бывает и даже почти не проходит дня без причастников. Я так всем доволен, что и передать не могу...

Приток приезжих богомольцев прекратился, местные же крестьяне, состоящие прихожанами пустыни, дохода не дают. Имеющееся сельское хозяйство никакой выгоды не приносит, приходится, однако, за него держаться, чтобы иметь право на существование в качестве рабочей артели. Единственный источник дохода — хождение с иконой пр. Нила.

Из послушаний, намеченных для меня, я несу пока только одно: лечение недужных братий. Библиотека еще не перешла в мое ведение, меня жалеют и берегут, так как библиотека не отапливается. Тем не менее, я успел кое-что просмотреть и в отделе рукописей нашел сокровища:

— Тетрадь, писанную на серой бумаге с поправками по листам. Эта тетрадь собственноручно писана святителем Тихоном, епископом Воронежским.

— Рукопись архиепископа Тобольского Нектария, бывшего игумена Ниловой пустыни...»

В монастыре схимонаху Симону суждено было прожить только год. Осенью 1926 года были арестованы по нелепейшему обвинению в воровстве и мошенничестве епископ, управлявший Ниловой пустынью и некоторые из подчиненных ему начальствующих лиц. Отцу Симону тоже было предъявлено обвинение, но состава преступления в его действиях следователь не обнаружил. Тем временем в обители началось обновленческое движение, разжигаемое одним из подсудимых, оказавшимся оправданным. Вместе с тем советская власть потребовала от насельников монастыря немедленного очищения занимаемых помещений.

Старец поселяется в Осташкове, в комнатке у двух учительниц, владевших домом на окраине города. Средства на существование присылала ему сестра — 10 рублей в месяц. Вскоре нашлась работа в местном архиве, но поскольку помещение не отапливалось, то через несколько дней отец Симон заболел воспалением легких. Хотя ему и удалось побороть болезнь, но все оставшееся ему в этой жизни время он испытывал ее последствия: ему стало трудно выходить из дома. Тем не

менее, когда благоприятствовала погода, он посещал один из трех оставшихся храмов: собор, Воскресенскую церковь или храм Житенного монастыря.

К этому времени общение с мирянами стало тяготить отца Симона. Он редко выбирается в гости, но его навещают родственники Толстые и кафедральный протоиерей Иван Бобров. Основным занятием становится ведение переписки с близкими, и работа над записками, освещающими события его жизни. Многие из этого незавершенного труда не сохранились...

В конце второй седмицы Великого поста 1928 года отец Симон в полночь встал на молитву, но, сделав земной поклон, почувствовал «какую-то неловкость в области сердца» и потерял сознание, а очнувшись, только когда уже светлело. После этого он стал готовиться к своей кончине.

23 апреля 1928 года, в понедельник по Антипасхе, отец Симон предал свою душу Господу. Прибывший врач констатировал паралич сердца.

Отпевал старца в Житенном монастыре епископ Иаков в присутствии монашествующих, белого духовенства и почитателей отца Симона. Здесь, на берегу озера, у самой церкви, в большом склепе старца и похоронили. Надгробных речей не произносилось, согласно его завещанию, которое он за три недели до смерти передал Е. Л. Четверухиной, и в этом последнем прощании отразилась вся глубина его смиренной светлой души: «Прошу похороны устроить в буквальном смысле "нищенские", без певчих, без ковров и без освещения церкви, — писал он в завещании. — Гроб должен быть самый простой, сколоченный из теса, даже неокрашенный. Если бы кто-нибудь пожелал потратиться на мои похороны, попытаться уговорить назначенную на этот предмет сумму отдать моим друзьям — нищим».

Упокой, Господи, душу раба Твоего схимонаха Симона.

Иеродиакон Виталий

Шулепин Василий Семенович. Родился 29 января 1869 года в крестьянской семье села Добрынское Юрьевского уезда Владимирской области. Обучался грамоте дома. Кроме него у родителей был еще сын, младше Василия на четырнадцать лет.

Тридцати лет, овдовев, 10 апреля 1899 года Василий поступил в Зосимову пустынь. 20 июня 1903 года зачислен в указную братию монастыря. Нес послушания трапезника и свечника.

17 марта 1907 года игумен Герман постриг Василия в мантию с именем Виталий.

На 1917 год по болезни послушаний не нес. Видимо, слабое здоровье сказалось на его последующем образе жизни в миру.

После закрытия пустыни у него не было постоянного места служения — подвизался в разных церквях как иеродиакон. Место рукоположения в иеродиакона не установлено.

В 1930 году отца Виталия арестовывали по статье 58 п.10 УК РСФСР «за нелегальное богослужение и систематические контрреволюционные разговоры». Он был выслан сроком на три года.

Освободился в 1934 году. В Москве переходил из храма в храм, был насельником Симонова монастыря.

14 июля 1938 года был вновь арестован в деревне Гусенино Волоколамского района Московской области. В результате обыска было изъято:

Паспорт БК № 564971 и денег сто тридцать рублей 90 коп.

Вот это и все что нажил отец Виталий за полтора десятилетия «вольной», после закрытия Зосимовой пустыни, жизни.

На следствии высказывал свои взгляды на происходившие в СССР события так: "Считаю что советская власть поступила неправильно, что закрыла все монастыри.... без согласия с верующими... ..После возвращения из ссылки я систематически проводил контрреволюционную агитацию, распространял контрреволюционные провокационные слухи. Так, например, 5 мая 1938 года я был в церкви Сергия, где среди верующих говорил: "наступили трудные времена для христиан. Церкви закрывают без согласия с верующими, духовенство арестовывают без вины и высылают в отдаленные места Советского Союза. Все идет все совершается по писанию в наказание нам христианам посланы антихристы-большевики, которые разрушают наши святыни, но все равно скоро придет конец варварам, скоро будет война и тогда после этого вновь восторжествует христианская вера". Кроме этого я посещал Московский Дорогомиловский собор, где занимался распространением контрреволюционных провокационных слухов о плохой жизни рабочих и крестьян в Советском Союзе, о скорой войне и неизбежной гибели советской власти. Я говорил: "В колхозах крестьяне гибнут от голода, потому что все это антихристово создание, как только начнется война все восстанут против советской власти. В городах рабочие также недовольны советской властью и ждут тоже удобного момента чтобы свергнуть советскую власть... Признаю, что после отбытия ссылки занимался бродяжничеством по московским церквям"».

Штампованные фразы казенных передовиц, клеймивших в ту пору тысячи невинных страдальцев перешли в протоколы уголовного дела и велись корявым почерком помощника оперуполномоченного 8 отделения 4 отдела УГБ УНКВД сержанта Финогенова. Свидетельские показания неких Тимофея Уситина и Павла Уварова послужили источником сведений, которые полуграмотный, обессиленный скитаниями, заключениями, допросами (пытками?) шестидесятидевятилетний старик не смог и не хотел опровергнуть.

Негативное отношение к богоборческой власти было столь велико, что ее врагов многие монахи принимали за благодетелей. Заблуждался на этот счет и отец Виталий. Он считал, что нападение немцев на СССР вызовет народное восстание против сталинского деспотизма... Фашистская Германия и ее лидер воспринимались как избавители от большевистского гнета и теплилась надежда на восстановления церквей, что, собственно, и практиковалось в последствии оккупационными властями. Трудно было отцу Виталию и многим его единомышленникам при существующих источниках информации разобраться в реалиях мировой политики.

Рассказывал отец Виталий на папертях и в московских подвальных-квартирках, как тяжело ему приходилось в ссылке, где тысячам его сотоварищей приходилось работать по 20 часов в сутки. Вспоминал баланду концлагерей... Против ужасов ГУЛАГа и страха на «свободе» все верующие, по его мнению, должны были «сплотиться в одну семью для уничтожения сатанинской заразы.

В обвинительном заключении по делу отца Виталия говорится, что «Шулепин В.С., будучи враждебно настроенным к советской власти, занимался распространением провокационных слухов о якобы существующем в СССР гонении на религию и духовенство, о войне и неизбежной гибели советской власти».

Особое совещание при НКВД СССР 20 октября 1938 года вынесло приговор: Шулепина Василия Семеновича (иеродиакон Виталий), осужденного по статье 58 п.10 УК РСФСР сослать в Казахстан сроком на пять лет.

Поразительно мягкий приговор, с учетом прежних судимостей. А если отец Виталий еще и выжил в голой степи, когда ссыльных выбрасывали из промерзших вагонов вместе с трупами, то ему необыкновенно повезло!

Но сведений о том, как отбывал ссылку зосимовский старец пока не нашлось.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеродиакона Виталия.

Иеродиакон Георгий

Егор Васильевич Чирков родился в январе 1878 (1879 ?) года в крестьянской семье деревни Средниково Осташовской волости Волоколамского уезда Московской губернии. Окончил церковно-приходскую школу. Женат не был.

20 декабря 1911 года поступил в Зосимову пустынь. Нес послушание сторожа.

22 мая 1914 года зачислен в указную братию и стал келейником игумена Германа и канонархом Сведений о монашеском постриге и рукоположении нет.

После упразднения обители в 1923 году, отец Георгий поселяется в Гефсиманском скиту Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, где пребывает до 1925 года. Затем два года он — насельник пустыни святого Параклита

В 1926 году иеродиакон Георгий начинает свое четырехлетнее служение в московском Богоявленском монастыре. С 1929 года отец Георгий служит в церкви священномученика Ермолая на Большой Садовой улице. Там же, на колокольне, он и живет. Был лишен избирательных прав. 28 декабря 1930 года за «антисоветскую агитацию» его арестовывают. Через пять дней заключенного Бутырской тюрьмы Особое Совещание при Коллегии ОГПУ СССР приговаривает к трем годам высылки в Северный край по ст.58/10 УК РСФСР. О дальнейшей его судьбе ничего не известно.

Реабилитирован Генеральной Прокуратурой РФ 26 июля 1995 года.

Упокой, Господи, душу раба Твоего иеродиакона Георгия.

Послушник Михаил

Михаил Евдокимович Дунаев родился в 1883 году в деревне Павловское Каширского района Московской области, в семье крестьянина бедняка. В трехлетнем возрасте мальчик теряет мать, после смерти которой отец бросает хозяйство и уезжает в Москву плотничать. До 13 лет Михаил остается жить в деревне у своего двоюродного брата Михаила Ивановича Дунаева.

В 1896 году отец и сестра Надежда Евдокимовна, жившие в Москве, вызывают Мишу к себе. Там он поступает работать мальчиком к торговцу маслом на Солянке.

В 1900 году Михаил поступает на работу к купцу Мишину, имевшему большой магазин на Тверской улице, и служит у него течение пяти лет. Хозяин не находит у своего работника достаточных способностей и увольняет его.

Примерно в 1907 году двадцатичетырехлетний молодой человек поступает помощником к меховщику. Несколько лет не давшей результата работы, и глубоко верующий Михаил поступает в Зосимову пустынь.

Однако, все эти данные, взятые из следственного дела, противоречат сведениям, подаваемым ежегодно игуменом Германом в Лавру. В

послужных списках за 1917 год явно указывается, что Михаил был принят в пустынь 25 мая 1903 года, то есть двадцатилетним, и нес послушание на скотном дворе. А в 1907 году, 22 декабря, он уже был зачислен в указную братию монастыря, в котором оставался, как минимум, до 1917 года.

Скорее всего, у Михаила за почти два десятилетия, стерлись из памяти точные датировки. Не случайно, отвечая на вопросы следователя, он прибегает к терминам «примерно», «несколько лет», «лет пять», «не помню».

Указывая, что «в монастыре я пробыл лет двенадцать и был взят в царскую армию в 1916 году», он тем самым опровергает собственные показания, что начиная с 1907 года несколько лет работал у меховщика. Видимо, память у Михаила была слабой, или имелись причины не давать истинных показаний. Служил Михаил в городе Воронеже рядовым, а затем был направлен на Германский фронт.

Воевал год. Революцию застал в городе Лубны, на Полтавщине, куда был послан для закупки лошадей для вновь формирующейся части. Вскоре 20^й сибирский стрелковый полк, в котором служил Михаил, переводят Омск. На станции Татарки Михаил несет охрану «кассы союза маслоделов»¹, и продолжается это до 1920 года.

Служба у «белых» особо заинтересовала следователя.

«Вопрос: В чьем ведении находился этот союз при Колчаке, и что Вы лично делали при занятии Колчаком Сибири?»

Ответ: Как мне известно, Колчак отношение к этому союзу непосредственно не имел. Но этот союз состоял из богатого крестьянства имевшего по 10 и более коров. Я лично в армии Колчака не был и ему ничем не помогал.

Вопрос: Чем Вы объясняете, что Колчак мобилизовал людей на фронт, а Вас фронтовика не мобилизовал?

Ответ: Колчак производил мобилизацию только по городам, а по деревням и в частности в нашей деревне мобилизации не было».

В 1922 году Михаил Евдокимович приезжает в Москву, где устраивается работать дворником в доме №4 по Свешникову переулку. Дворником работал до 1925 года, а потом поступил в «Геодес» — планировочный отдел Моссовета». Работал рабочим до 1932 года и четыре года учился на рабфаке. К тому времени Михаилу Евдокимовичу исполнилось сорок девять лет.

Затем в 1932 году поступил на Метрострой рабочим по планировке и работал там до ареста 28 апреля 1935 года. Что называется из-под земли достали.

¹ «Союз маслодельных артелей» — кооператив в Сибири, созданный оккупационным режимом и правительством Колчака в 1918 г

Надо отметить любопытный факт. В 1931 году, там же в квартире №3 по Свешникову переулку вместе с женой Александрой Кузьминичной и братом Алексеем Васильевичем поселяется Петр Васильевич Скачков, уроженец деревни Горки Волоколамского района Московской области и устраивается на оставленную Дунаевым должность дворника. А в это время в Коми, на Печоре, отбывает ссылку уроженец тех же самых Горок — Иван Герасимович Скачков, бывший Зосимовский иеродиакон Исидор.

Таких случайных совпадений не бывает, и все говорит о том, что послушник Михаил не оставлял общения с Зосимовской братией, что удачно скрыл от следователя. Скрыл это и Петр Скачков, дававший осторожные свидетельские показания по следственному делу Дунаева.

«Вопрос: Какие у вас были взаимоотношения с гр-ном Дунаевым?

Ответ: Являясь верующим человеком, я часто заходил на квартиру к гр-ну Дунаеву, который является также верующим и исполняет обязанности церковного старосты. На этой почве я с ним сдружился. Разговоры наши касались главным образом религии.

Вопрос: Как Вы можете охарактеризовать с политической стороны гр-на Дунаева?

Ответ: По разговорам, которые вел Дунаев, считаю его несоветским человеком. Последний часто жаловался на трудность современной жизни. Говорил, что все дорого, а раньше было лучше он жил гораздо лучше, чем теперь. Призывал к терпению, что наступят лучшие времена. Больше добавить ничего я не могу».

Оказывается, Михаил Евдокимович не только не оставлял связи с Зосимовскими насельниками, но продолжал верой и правдой служить Господу своему, неся уже мирское послушание церковного старосты храма во имя Никиты Мученика¹.

Как и многие другие православные того времени, он был подвержен влиянию мистических сочинений писателя Сергея Нилуса и всюду видел «жидовский заговор». Внутренним чутьем этот бывший крестьянин чувствовал абсурдность учения Дарвина, не признавал марксизма. «Это темная сила, посланная на землю, чтобы смущать души христиан», — так отзывался он о материалистах. На допросах он довольно откровенно высказывал свои позиции, благоразумно пытаясь смягчить обвинение в отношении властей.

Вот протокол допроса от 4 июня 1935 года.

«Вопрос: *Расскажите о Ваших политических убеждениях?*

Ответ: *Основная цель моей жизни является религия, т.е. "спасение души". Остальное для меня является второстепенным, в том числе и Соввласть.*

Политикой я интересовался также, считая, что она (Соввласть) делает много хорошего, однако за то, что она осуществляет гонение против религии, я к ней относился отрицательно.

¹ Возможно, храм на Швивой горке, куда его мог рекомендовать схиархимандрит Игнатий (Лебедев), служивший в нем некоторое время сразу после закрытия Зосимовой пустыни.

Вопрос: С кем вы обменивались мнениями о политике Соввласти, о религии, и что, по вашему, Соввласть должна была сделать для религии?

Ответ: Советская власть, хотя и отделила Церковь от государства, все же вмешивается в дела Церкви, фактически занимается гонением против нее. В некоторых случаях священники арестовываются вместо того, чтобы предавать их духовному суду, хотя они и не выступали даже против Соввласти, а за то, что они, например, являются "красными священниками". Об этом я обменивался мнением с верующими церкви Никиты Мученика. В частности с Гарадцевой Аграфеной проживает: Малый (не разборчиво — м. А.). пер., дом.8, священником церкви — Алексеем Калашиниковым, Марковым Алексеем Степановичем прожив. по Большому (не разборчиво — м. А.). пер., д. 8 и т.д.

Вопрос: Высказывали ли Вы мнение о том, что учение Дарвина и Маркса является "черной силой" присланной сатаной, чтобы смущать умы христиан?

Ответ: Да, действительно я считаю, что учение Маркса и Дарвина является учением против религии, а посему естественно, я с этим учением не согласен, о чем я иногда высказывал среди окружающих меня лиц. Однако "черной силой" я это учение не называл.

Вопрос: Высказывали ли мысли о том, что существующая сейчас власть на земле России, является олицетворением предсказаний в книге Сергея Нилуса "Протоколы Сионских мудрецов" о том, что в наказание за "грехи" Бог пошлет на землю еврейскую власть?

Ответ: Да действительно я говорил, что по этому учению должно будет быть уничтожение христиан. Однако этим я не имел в виду сказать про власть.

Вопрос: С кем из Ваших друзей Вы вели беседы?

Ответ: Ко мне домой приходили часто дворник дома Скачков Петр, его брат Алексей, инженер Алексей Петрович Тугаринов, работавший со мной на 47–48 шахте метро.

Протокол записан с моих слов верно и мне вслух прочитан. Подпись — М. Дунаев

Допросил...: подпись — Табакин».

В Обвинительном заключении от 19 июня 1935 года сказано:

«ДУНАЕВ Михаил Евдокимович, 1883 г.р., ур. Моск. области, Каширского р-на, д. Павловское по профессии печник, б/п, не судим, холост, 14 лет служил послушником в монастыре, в последнее время был председателем церковного совета церкви Никиты Мученика. Работал ст. рабочим по планировке Метростроя. Будучи враждебно настроен по отношению к советской власти, распространял среди окружающих антисоветские разговоры, направленные к дискредитации политики

партии и советской власти, т.е. в преступлении, предусмотренном ст.58 п.10 УК РСФСР.

Обвиняемый ДУНАЕВ виновным себя признал частично и изобличается тремя свидетельскими показаниями.

Суд постановил: Дунаева Михаила Евдокимовича за а/с агитацию сослать в Красноярский край, сроком на три года, сч. срок с 29/iv-35г. дело сдать в архив».

Вот и все, что известно о послушнике Зосимовой пустыни Михаиле Дунаеве — крестьянине, солдате, рабочем.

Упокой, Господи, душу раба Твоего Михаила.

Послушник Евдоким

Евдоким Ильич Демидов, 1873 года рождения, из села Монастыршино Епифановского района Тульской области. Мало что известно о жизни этого зосимовского послушника. В обитель он поступил после революции. Об этом говорит тот факт, что его имя отсутствует в списке зосимовских насельников, поданном в Троице-Сергиеву Лавру в 1917 году последний раз. В числе некоторых других братьев он ушел в 1923 году после закрытия монастыря в пустынь Параклит. Формальные пункты анкеты следственного дела также не дают никаких сведений о его прошлом. Лаконичная запись «одинокый» в пункте 22 («состав семьи») может не соответствовать истине, так как Евдоким вряд ли хотел открыть имена своих близких из естественного опасения печальных последствий.

На момент ареста, 24 января 1938 года, ему было уже шестьдесят пять лет. После упразднения Параклита жил и кормился при храме в селе Сватково Загорского района. Чем занимался? Прислуживал, пономарил, сторожил? — «без определенных занятий», сообщает другая графа анкеты.

Да и какое преступление совершил Евдоким Ильич, тоже не ясно.

Ему и его «соучастникам» по «контрреволюционной группе»: священнику села Выпуково Ивану Александровичу Богоявленскому, настоятелю храма села Титовское Василию Абрамовичу Умнову, диакону из Бужаниновской церкви Александру Васильевичу Введенскому, псаломщику той же церкви Василию Дмитриевичу Гаврилову и сватковскому священнику Николаю Ивановичу Смирнову («возглавлявшему заговор») — вменялась в вину «агитация против

существующего строя», преступление предусмотренное статьей 58 п.п. 10,11 УК.

А говорили арестованные между собой и селянами очевидные вещи. Вот цитаты из допроса Евдокима Ильича: «говорил, что сейчас нам очень трудно, попутно производил сбор средств»; «массовые аресты производятся неслучайно, это потому, что большевики чувствуют себя слабыми»; «делил мнение о тяжелой жизни в настоящее время подчеркивая в прошлом при царе хорошую»; «зачем вступили в колхоз, в колхозе ничего нет хорошего, нет лучше сдавайте землю и идите на производство».

Можно ли было отказываться от очевидного и не признать им самим высказанное? Значит, — признал вину.

Дело, которое вел сержант Хромов, через месяц было передано на рассмотрение «тройки» НКВД. 4 марта был вынесен смертный приговор и в тот же день Демидова Евдокима Ильича расстреляли на Бутовском полигоне.

Бывшего зосимовского послушника реабилитировали 22 августа 1958 года Московским областным судом.

Упокой, Господи, душу раба Твоего Евдокима.

Приложения.

Приложение I

Из послужного списка братий монастыря за 1917 г.¹

Иеромонах Поликарп

Петр Крат. Казак Полтавской губернии 1870 года рождения.

13 июня 1898 года поступил в Зосимову пустынь. Принял послушание на конном дворе.

8 декабря 1901 года зачислен в указную братию и переведен на послушание в просфорную. 3 декабря 1903 года принял постриг. 26 декабря 1904 года рукоположен в иеродиакона 24 октября 1911 года рукоположен в иеромонаха. Наряду с чредой священнослужения заведовал работами на послушаниях. «Очень хорошего поведения», - отмечал игумен Герман, как по отношению иеромонаха Поликарпа, так и по отношению почти всех братий из послужного списка.

Иеромонах Гедеон

¹ Из всех послужных списков, представлявшихся ежегодно настоятелем Зосимовой пустыни игуменом Германом в Лавру был выбран именно этот, как последний из сохранившихся. В список не вошли лица, чьи жития представлены выше.

Георгий Алексеев. Родился в 1870 году в крестьянской семье Московской губернии. Образование получил в церковно-приходской школе. Служил в армии. Запасной нижних чинов. Женат не был. 2 марта 1897 года поступил в Валаамский монастырь. Проходил послушания на рыбной ловле и звонаря. 14 июля 1899 перемещен в Зосимову пустынь. Послушание проходил в хлебной и на кухне. 30 апреля 1902 года зачислен в указную братию Зосимовой пустыни. 13 августа 1902 года принял постриг. 22 февраля 1904 года рукоположен во иеродиакона. 9 июля 1907 года назначен временно исполняющим должность казначея.

24 декабря 1911 года рукоположен в иеромонаха. Наряду с чредой священнослужения нес послушания помощника ризничного и библиотекаря. «Очень хорошего поведения».

Иеромонах Иосиф

Иван Козин родился в крестьянской семье Владимирской губернии в 1876 году. Образование получил в церковно-приходской школе.

8 мая 1894 года восемнадцатилетним юношей поступает в Зосимову пустынь. Трудится на различных послушаниях. 16 июля 1902 года зачислен в указную братию Зосимовой пустыни. 2 апреля 1908 года принял постриг. 20 января 1910 года рукоположен в иеродиакона. 15 ноября 1915 года рукоположен в иеромонаха. Наряду с чредой священнослужения нес послушание на клиросе. «Очень хорошего поведения».

Иеромонах Авраамий

Алексей Уланов. Родился в 1869 году в городе Мологе Ярославской губернии. Из мещан. Образование получил в городском училище.

Был женат и, скорее всего — счастливо, так как после кончины молодой жены, двадцатичетырехлетним, уходит из мира и 14 октября 1893 года поступает в Зосимову пустынь. Через пять лет его зачисляют в братию. Проходит чуть более месяца и в январе 1903 года Алексей принимает постриг с именем Авраамий. Послушанием его была работа в пекарне, помощником келаря, затем становится келарем. 15 февраля 1904 года его рукополагают во иеродиакона. 21 сентября 1908 года - в иеромонахи. Помимо священнослужения нес в обители клиросное послушание. «Очень хорошего поведения».

Иеромонах Самуил

Сергей Абрамов, родом из Ярославской губернии. Родился в 1862 году в крестьянской семье. Грамоте обучался дома. Женат не был.

Когда двадцати девятилетний Сергей пришел в Зосимову пустынь, он уже отслужил в армии и был запасным нижних чинов. Четыре года трудничества — и 19 февраля 1897

года он становится указным послушником. Послушанием его была работа трапезником и в пекарне. Помимо того поет на клиросе.

Проходит всего два месяца и его постригают с именем Самуил. 11 февраля 1900 года рукополагают во иеродиакона. Идет чреда священнослужения и монастырских работ. На лето 1907 года его временно командируют в Махрищеский монастырь.

23 марта 1908 года отца Самуила рукополагают в иеромонаха.

Иеродиакон Мануил

Михаил Трофимов. Родился в 1871 году в крестьянской семье Новгородской губернии. Грамоте обучался дома. Женат не был. 30 августа 1898 года поступает в Зосимову пустынь. Нес послушания на кухне и в хлебной. 16 июля 1902 года зачислен в указную братию Зосимовой пустыни. 26 июня 1905 года принял постриг. 21 сентября 1908 года рукоположен в иеродиакона. Наряду с чредой священнослужения нес послушания сторожа и звонаря. «Очень хорошего поведения».

Иеродиакон Тихон

Тимофей Петров. Родился в 1867 году в крестьянской семье Смоленской губернии. Грамоте обучался дома. Служил в армии — запасной нижних чинов. 15 июня 1898 года поступает в Зосимову пустынь. Несет послушания на скотном дворе. 16 марта 1907 года зачислен в указную братию монастыря. 21 марта 1907 года принял постриг. 26 августа 1912 года рукоположен в иеродиакона. Наряду с чредой священнослужения нес послушание свечника. «Очень хорошего поведения».

Иеродиакон Дорофей

Дмитрий Павлов. Родился в 1881 году в крестьянской семье Московской губернии. Грамоте обучался дома. 14 сентября 1903 года поступает в Зосимову пустынь. Послушание несет в портновской. 13 декабря 1906 года зачислен в указную братию монастыря.

15 марта 1913 года принял постриг. 27 апреля 1914 года рукоположен в иеродиакона. Наряду с чредой священнослужения нес послушание на клиросе. «Очень хорошего поведения».

Иеродиакон Феофан

Федот Акимович Манько. Родился в 1872 году в крестьянской семье Полтавской губернии. Грамоте обучался дома. Женат не был. 28 мая 1895 года поступает в Зосимову пустынь. Выполнял послушание сапожника. 16 июня 1902 года зачислен в указную братию монастыря. 10 марта 1907 года принял постриг. 25 декабря 1911 года рукоположен в иеродиакона. Наряду с чредой священнослужения продолжает нести послушание сапожника и поет на клиросе. «Очень хорошего поведения».

Иеродиакон Иларий

Иван Косогоров. Родился в 1879 году в крестьянской семье на Владимирщине. Обучался в церковно-приходской школе. 10 декабря 1903 года поступает в Зосимову пустынь. Поставлен на послушания переплетчика и каменщика.

21 декабря 1905 года зачислен в указную братию монастыря. 23 марта 1911 года принял постриг. 6 января 1912 года рукоположен в иеродиакона. Наряду с чредой священнослужения несет послушание на клиросе и свечном заводе. «Очень хорошего поведения».

Иеродиакон Зосима

Захар Кукса. Родился 1876 году в крестьянской семье Волынской губернии. Грамоте обучался дома. Женат не был. Служил в армии. Запасной нижних чинов. 19 апреля 1901 года поступает в Зосимову пустынь. Несет послушание на конном дворе. 9 марта 1910 года по увольнении военным начальством зачислен в указную братию. 7 апреля 1910 года принял постриг 4 мая 1914 года рукоположен в иеродиакона. Наряду с чредой священнослужения несет послушание кровельщика и на клиросе. «Очень хорошего поведения».

Иеродиакон Викентий

Вавила Изветков. Родился в 1880 году в семье мещан города Меленкова Владимирской губернии. Окончил городское училище. 2 февраля 1898 года поступил в Зосимову пустынь. Принял послушание в портновской. 13 декабря 1906 года зачислен в указную братию. 23 марта 1911 года принял постриг. 15 ноября 1915 года рукоположен в иеродиакона. Наряду с чредой священнослужения несет послушание закройщика в портновской. «Очень хорошего поведения».

Иеродиакон Ириней

Иван Рахманов. Родился в 1882 году в крестьянской семье Московской губернии. Грамоте обучался дома. 6 января 1907 года поступает в Зосимову пустынь. Несет послушание на конном дворе. 27 января 1913 года зачислен в указную братию. 15 марта 1913 года принял постриг. 18 ноября 1915 года рукоположен в иеродиакона. Наряду с чредой священнослужения несет послушание слесаря. «Очень хорошего поведения».

Иеродиакон Фаддей.

Федот Сальников. Родился в 1883 году в крестьянской семье Пензенской губернии. Грамоте обучался дома. 29 сентября 1905 года поступает в Зосимову пустынь. Несет послушание на скотном дворе. 5 июня 1909 года зачислен в указную братию. 12 марта 1914 года принял постриг. 26 марта 1917 года рукоположен в иеродиакона. Наряду с чредой священнослужения несет послушание просфорника и на клиросе. «Очень хорошего поведения».

Иеродиакон Виссарион

Виктор Кудряшов. Родился в 1866 году в крестьянской семье на Владимирщине. Грамоте обучался дома. 3 июня 1888 года пришел в Киево-Троицкий монастырь, где работал на конном дворе. 3 сентября 1894 года перемещен в Зосимову пустынь, нес послушания столяра и нарядчика. 27 августа 1897 года зачислен в указную братию пустыни. 7 марта 1898 года принял постриг. 12 декабря 1904 года рукоположен в иеродиакона. Несет послушание трапезника.

По утверждению схимонаха Симона (Кожухова) в 1917 году отец Виссарион был зосимовским фотографом.

Монах Пантелеимон

Потап Рябоченко. Родился в 1856 году в казацкой семье Екатеринославской губернии. Грамоте обучался дома. Запасной нижних чинов. 5 марта 1897 года поступает в Гефсиманский скит. Несет послушание в хлебной. 4 ноября 1897 года (пробыв в скиту мене года!) в числе других учеников игумен Германа переведен в Зосимову пустынь. 31 ноября 1898 года зачислен в указную братию и становится келейником отца Германа. 11 марта 1900 года принял постриг. После постройки в 1903 году подворья у станции Арсаки несет там послушание смотрителя. «Очень хорошего поведения». После закрытия пустыни нашел приют у духовной дочери отца Иннокентия (Орешкина) — монахини Иннокентии (Хвостовой Екатерины Сергеевны).

Монах Иоиль

Иосиф Пивоваров. Родился в 1868 году в крестьянской семье Тамбовской губернии. Окончил церковно-приходскую школу. Женат не был. Запасной нижних чинов. 17 июня 1898 года поступил в Зосимову пустынь. Нес послушание на конном дворе. 30 апреля 1902 года зачислен в указную братию. Стал смотрителем конного двора. 13 августа 1902 года принял постриг. «Очень хорошего поведения».

Монах Даниил

Дмитрий Михайлов. Родился в 1847 году в крестьянской семье на Владимирщине. Грамоте обучался дома. Вдов первым браком. 10 марта 1904 года поступает в Зосимову пустынь. Несет послушание на кухне и трапезника. 8 ноября 1901 года зачислен в указную братию. Послушание несет на клиросе. 23 ноября 1903 года принял постриг. В 1917 году за преклонностью лет постоянного послушания не несет. «Очень хорошего поведения».

Монах Мефодий

Михаил Барашков. Родился в 1873 году в крестьянской семье Нижегородской губернии. Грамоте обучался дома. Вдов первым браком. 15 октября 1900 года поступает в Зосимову пустынь. 24 июня 1903 года зачислен в указную братию монастыря. 10 марта 1907 года принял постриг. Нес послушания садовника, огородника, переплетчика и клиросника. «Очень хорошего поведения».

Монах Никандр

Никита Архипович Львов. Родился в 1875 году в крестьянской семье Владимирской губернии. Грамоте обучался дома. 17 марта 1900 года поступает в Зосимову пустынь. 18 декабря 1902 года зачислен в указную братию монастыря. 17 марта 1907 года принял постриг. Нес послушание портного. «Очень хорошего поведения».

Монах Пахомий

Петр Феданов. Родился в 1869 году в крестьянской семье Смоленской губернии. Грамоте обучался дома. Запасной нижних чинов. Женат не был. 10 октября. 1895 года поступил в пустынь Святого Параклита. 2 февраля 1902 года перемещен в Зосимову пустынь. 16 марта 1907 года зачислен в указную братию монастыря. 28 марта 1907 года принял постриг. Нес послушание портного. «Очень хорошего поведения».

Монах Кириак

Кузьма Тимофеев. Родился в 1866 году в крестьянской семье Владимирской губернии. Грамоте обучался дома. Вдов первым баком. 2 ноября 1900 года поступил в Зосимову пустынь. 23 декабря 1905 года зачислен в указную братию монастыря. 27 апреля 1908 года принял постриг. Нес послушание на подворье у станции Арсаки. «Очень хорошего поведения».

Монах Антоний

Андрей Мануко. Родился в 1866 году в крестьянской семье Полтавской губернии. Грамоте обучался дома. 27 мая 1902 года поступил в Зосимову пустынь. Нес послушание столяра. 23 декабря 1905 года зачислен в указную братию монастыря. 13 марта 1909 года принял постриг. Чтец Псалтыри. «Очень хорошего поведения».

Монах Михей

Михаил Анисин. Родился в 1860 году в крестьянской семье Орловской губернии. Получил начальное образование. Женат не был. 25 ноября 1882 года поступил в Боголюбовскую киновию. 30 июня 1891 года перешел в Зосимову пустынь. Нес послушание в хлебной. 31 октября 1898 года зачислен в указную братию монастыря. 22 марта 1910 года принял постриг. Нес послушание на кухне. «Очень хорошего поведения».

Монах Венедикт

Василий Залеткин. Родился в 1879 году в крестьянской семье Московской губернии. Грамоте обучался дома. Женат не был. 5 мая 1904 года поступил в Зосимову пустынь. 7 июня 1907 года зачислен в указную братию монастыря. Нес послушания хлебника и трапезника. 26 марта 1910 года принял постриг. Нес послушание молочника. «Очень хорошего поведения».

Монах Исаакий

Игнатий Сергеев. Родился в 1863 году. Получил начальное образование. Вдов первым баком. 5 сентября 1902 года поступил в Зосимову пустынь. Нес послушание на скотном дворе. 4 июня 1908 года зачислен в указную братию монастыря. Трудился на скотном дворе. 27 марта 1913 года принял постриг. Продолжал нести послушание скотника. «Очень хорошего поведения».

Монах Феодосий

Федор Дмитриев. Родился в 1872 году. Грамоте обучался дома. Вдов первым браком. 5 мая 1907 года поступил в Зосимову пустынь. Нес послушание штукатура. 21 января 1913 года зачислен в указную братию. Принял послушание пономаря. 21 марта 1914 года принял постриг. «Очень хорошего поведения».

Монах Гурий

Григорий Шереметьев. Родился в 1873 году в крестьянской семье Тульской губернии. Закончил церковно-приходскую школу. Женат не был. 2 марта 1901 года поступил в Зосимову пустынь. Принял послушание на конном дворе. 22 декабря 1907 года зачислен в указную братию монастыря. Нес послушание сторожа. 18 марта 1915 года принял постриг. Продолжал нести послушание сторожа. «Очень хорошего поведения».

Монах Феоктист

Филипп Зайцев. Родился в 1884 году в крестьянской семье Костромской губернии. Закончил церковно-приходскую школу. 20 мая 1911 года поступил в Зосимову пустынь. 21 января 1913 года зачислен в указную братию. Нес послушание столяра и клиросника. 5 декабря 1915 года принял постриг. Нес послушание гостиничного. «Очень хорошего поведения».

Монах Иов

Иван Голев. Родился в 1883 году в крестьянской семье Воронежской губернии. Учился в церковно-приходской школе. Женат не был. 27 октября 1907 года поступает в Сергиевский скит Калужской епархии, послушание несет на кухне. 6 июня 1911 года перешел в Зосимову пустынь. Послушание нес на монастырском хуторе. 21 января 1913 года зачислен в указную братию. Нес послушание повара, помощника келаря. 26 декабря 1914 года принял постриг. Послушание нес на кухне. «Очень хорошего поведения».

Монах Иаков

Иван Соколов. Родился в 1885 году в семье мещан города Вышнего Волочка. Закончил церковно-приходскую школу. Женат не был. 15 апреля 1912 года поступил в Зосимову пустынь. Направлен на послушание хлебником. 22 мая 1914 года зачислен в указную братию. 26 декабря 1915 года принял постриг. Продолжал нести послушание хлебника и на клиросного. «Очень хорошего поведения».

Монах Анания

Александр Молчанов. Родился в 1886 году в крестьянской семье Ярославской губернии. Закончил церковно-приходскую школу. Женат не был. 17 сентября 1909 года поступил в Зосимову пустынь. Послушание нес на скотном дворе. 21 января 1913 года зачислен в указную братию. 28 ноября 1916 года принял постриг. Нес послушание гостиничного. «Очень хорошего поведения».

Монах Агапит

Алексей Гаврилов. Родился в 1860 году в семье крестьян Костромской губернии. Грамоте обучался дома. Женат не был. 15 декабря 1909 года поступил в Зосимову пустынь. Направлен на послушание в портновскую. 22 мая 1916 года зачислен в указную братию. Нес послушание плотника. 28 ноября 1916 года принял постриг. «Очень хорошего поведения».

Монах Вавиан

Василий Абрамов. Родился в 1864 году в семье крестьян Владимирской губернии. Грамоте обучался дома. Вдов вторым браком. 4 мая 1893 года поступает в пустынь Параклит. 22 марта 1897 года пострижен в Параклите. 21 марта 1902 года переведен в Зосимову пустынь.

Монах Петр

Павел Антропов. Из крестьян Владимирской губернии. Грамоте обучался дома. 22 августа 1899 года поступил в Зосимову пустынь. 16 июля 1902 года зачислен в указную братию. Нес послушание живописца. 24 июня 1905 года принял постриг.

Указные послушники.

Василий Захаров. Родился в 1882 году в крестьянской семье Рязанской губернии. Грамоте обучался дома. 18 июня 1902 года поступил в Зосимову пустынь. Нес послушание повара. 13 декабря 1906 года зачислен в указную братию. Нес послушание пономаря.

Игнатий Ващенко. Родился в 1857 году. Казак Полтавской губернии. Неграмотный. 20 мая 1905 года поступил в Зосимову пустынь. Нес послушание на конном дворе. 5 июня 1908 года зачислен в указную братию.

Илья Русин. Родился 1884 году в крестьянской семье Рязанской губернии. Грамоте обучался дома. 12 марта 1907 года поступил в Зосимову пустынь. Нес послушание на конном дворе. 9 марта 1910 года зачислен в указную братию. Нес послушание на клиросе.

Евфимий Обменин (Обмынков). Родился 1884 году в Суздале. Закончил церковно-приходскую школу. 25 октября 1908 года поступил в Зосимову пустынь. Нес послушание на скотном дворе. 21 декабря 1913 года зачислен в указную братию. Нес послушание гостиничного.

Павел Макаров. Родился в 1889 году в крестьянской семье Владимирской губернии. Закончил церковно-приходскую школу. 20 июня 1909 года поступил в Зосимову пустынь. Нес послушание плотника. 21 января 1913 года зачислен в указную братию. Нес послушание на клиросе и просфорника.

Степан Голубев. Родился в 1888 году в крестьянской семье Владимирской губернии. Грамоте обучался дома. Женат не был. 27 июня 1911 года поступил в Зосимову пустынь. Нес послушание на конном дворе. 22 мая 1914 года зачислен в указную братию. Нес послушание кровельщика.

Иоаким Петров. Родился в 1839 году. Неграмотен. Был замечательным мастером. Повествуя о Зосимовской святыне, Казанской иконе Божией Матери, митрополит. Серафим Чичагов, указывал: «Украшена она и поставлена в киот старанием послушника обителя Иоакима Петрова, немало потрудившегося для украшения обители». Вероятно, в 1914–1915 году отец Иоаким скончался.

Приложение 2

Основные даты и события в истории Свято-Смоленской Зосимовой пустыни

Последняя четверть XVII в приход из Троице-Сергиевого монастыря старца Зосимы на берег реки Молохчи.

1710-1713 г. Кончина старца Зосимы.

1722 г. Упразднение пустыни, причисление ее к Лукиановой.

1728 г. Временное восстановление пустыни при Петре II. Строитель - иеромонах Иоаким.

1847 – 1848 г. г. Назначение сторожем старца Симеона Ермолаева. Явление прп. Зосимы лесорубам. Восстановление деревянной часовни купцами Барановым И.Ф. и Зубовым П.С.

1851 г. Новые владельцы Ульяновой пустыни генерал Волков П. А. и его супруга Елена Николаевна устанавливают надгробный камень на могиле старца Зосимы.

1855 г. Приобретение Ульяновой пустыни Г.И. Неттель

май 1860 г. Приход от Филиппушки Киновийского двух монахов в пустынь.

август 1866 г. Начало служения в пустыни иеромонаха Прокопия (сына Филиппушки)

14 сентября 1874 г. Первая служба в возобновленной обители.

24 сентября 1889 г. Освящение храма во имя Смоленской иконы Божией Матери, построенного Д.М. Шапошниковым и о. Прокопием.

1890 г. Назначение Строителем пустыни иеросхимонаха Иоанна

14 января 1892 г. Вступление в должность наместника Лавры архимандрита Павла (Глебова).

5 сентября 1893 г. Освящен трапезный храм во имя прп. Сергия

26 сентября 1897 г. Вступление в должность настоятеля Зосимовой пустыни иеромонаха Германа (Гомзина)

7 октября 1898 г. Вступление в братию пустыни прп. Алексия (Соловьева)

13 сентября 1899 г. Освящен Всхвятский храм

9 июля 1900 г. Освящен собор в честь иконы Смоленской Божией Матери.

Сентябрь – ноябрь 1909 г. «Исход» в Махру прп. Германа с учениками.

1923 г. Кончина прп. Германа. Закрытие пустыни.

15 марта 1992 г. Возрождение пустыни.

Приложение 3

Дни памяти Зосимовских святых и престольные праздники

Преподобный схиигумен **Герман** (Гомзин) — 17/30.01 и 1/14.09

Преподобномученик игумен **Владимир** (Терентьев) — 18.02/3.03

Преподобномученик иеромонах **Макарий** (Моржов) — 28.05/10.06

Пустынножитель и чудотворец Владимирский **Зосима** — 15/28.06

Всех Святых — первое воскресенье по Пятидесятнице

Собор Зосимовских святых — 13/26.07

Смоленской иконы Божией Матери — 28.07/10.08

Преподобномученик схиархимандрит **Игнатий** (Лебедев) — 30.08/12.09

Преподобный схиеромонах **Алексий** (Соловьев) затворник Зосимовский — 19.09/2.10

Преподобномученик иеромонах **Герасим** (Мочалов) — 22.11/5.12

Приложение 4

Слово епископа Варфоломея (Ремова) на заочном отпевании
иеромонаха Мелхиседека, сказанное 23 ноября 1932 года

Во царствии Твоем, Господи, помяни раба
Твоего!

Стоит в глазах отец Мелхиседек, и не веришь его смерти. Сознаешь, что ушел в вечность дорогой любимый близкий брат, и не хочется верить. Я понимаю горе брата Симеона, но для нас великая печаль в том, что ушел близкий сын Батюшки (схиигумен Герман), велико и ваше горе, духовные дети отца Мелхиседека. Молясь за него ныне, помянем его добрым словом в назидание себе. Да, нашим духовным детям надо ставить в пример, как он относился к своему старцу. Отец Герман младший¹, который говорил сегодня так проникновенно, усмотрел действительно существенное свойство души покойного отца Мелхиседека. По совести сказать, среди нас, духовных детей Батюшки отца Германа, самый преданный, самый проникновенный духовный сын был именно отец Мелхиседек. Никто из нас не может сравниться с ним в его удивительном благоговении, в преклонении перед душой Батюшки. А Батюшка не только ласкал и гладил по голове отца Мелхиседека (хотя ценил и любил его), — и вспоминается мне, как Батюшка был строг, как не щадил очень его, не щадил в нем многое. И наши духовные дети, которые иногда позволяют себе сердиться на духовного отца, когда им только покажется, что к ним строг духовный отец, пусть постыдятся облика отца Мелхиседека, который с величайшим благоговением научился принимать паче обличения от руки своего духовного отца. Добре говорит Премудрый: *«Лучше открытое обличение, нежели скрытая любовь»*².

Самое характерное, самая существенная черта отца Мелхиседека была тщание его, тщательность его души. Постоянное слово научения Батюшки отца Германа — себе внимать, — это слово в нем встречало самый живой отклик. И самая душа, душа отца Мелхиседека отзывалась всем своим тщанием. Действительно стоило поглядеть на самые книжечки, малые книжечки, которые он в Зосимовой пустыне принес мне: не найдется ли здесь, Владыко Святой, чего-либо полезного для составления жизнеописания Батюшки?! — Книжки *помыслов*, где отец Мелхиседек записывал их изо дня в день. — Как поучительны эти тщательные малые книжечки! — как, действительно, такой человек может требовать тщательности от своих детей духовных, — когда и сам тщился себе внимать; и облик, облик Батюшки отца Мелхиседека — во всем облик тщательного человека. Вспомнилось также сейчас, во время погребения, — приехал я в Зосимову

¹ Архимандрит Герман (Полянский), духовик Высоко-Петровского монастыря. В 1933 году арестован расстрелян под Мариинском

² Притч 27:5

пустынь иеродиакон, как он учил меня, что надо тщательно выговаривать каждый звук, каждую букву, даже "й". В этом сказалась его душа. — Душа, воспринимавшая наставления своего духовного отца, с великим тщанием и вниманием следил он за собою, в себя вбиравший, что слышал от отца; все другое, между другими наставлениями и книгами было потом. А первое, существенное было записано — слова старца, и писались они, слова эти, на скрижалях души.

Для нас великое поучение — помнить эту тщательность. И для нас, и для наших духовных детей — пример воистину достойный подражания (великая тщательность и честность души отца Мелхиседека). Душа бесчестная оправдывает свои поступки. Душа честная, наоборот, следит за собою. Душа тщательная и внимательная несет ею полученную драгоценность, как драгоценное благоухание мира. И разве при этих словах не предстоит перед нами облик отца Мелхиседека, который нес бережно драгоценность — святыню души своей. И он оправдал своею жизнью благодать своего духовного рождения, возрадив всеянное в него доброе семя... И уже непоколебимо добре встал на правые стези, чтобы идти правым путем. Если вспомнить другие свойства души его, более яркие, то необходимо сказать на пользу то, что отец Мелхиседек прошел церковно путь в правости, он во дни испытания церковной совести не уклонился ни налево, ни направо. — Налево-то в церковном отношении он не уклонился бы. Но он не увлекся, так сказать, в Православие правого разряда, — он был Батюшкин ученик и был на правильном среднем пути, и не уклонился на гордый путь, счесть Православие недостаточно строгим путем, по которому Церковь не ушла и в древности, но на него соблазнились люди, не вросшие корнями в церковную жизнь. Блажен отец Мелхиседек и трижды блажен, — он оказался достойным сыном своего отца и оказался истинным — и твердым и смиренным сыном Церкви — дорога беспримесная в нем, подлинная верность его строго православного духа, и не уклонился он ни на шую, ни на десно.

Сказать про отца Мелхиседека можно еще очень, очень много, но слишком довольно и сего в поучение нам. Сейчас только хочется сказать еще, как он Батюшку постоянно вспоминал, приводя на память его слова, наставления, примеры из жизни, как заботился он о том, чтобы не прошло мимо поучение от жизни старца нашего. Бывало он говаривал мне перед днями памяти отца Германа, а, что Святой Владыко, а вот не приходит ли вам на мысль, что сказать о Батюшке в поучение?

И вспомнит какое-либо назидание. Это он побудил меня вспомнить в поучение слова, которыми Батюшка укорял себя: «Всех-то я хуже, всех грешнее»... Оцените заботу такую. Это со тщанием, любовью,

драгоценною к своему отцу. — Она сделала, научила отца Мелхиседека быть внимательным и тщательным к научению от духовного отца. — А то еще вот другое поучение: духовные дети, истинно любящие, истинно стремящиеся к духовному отцу, в нем солнце свое видящие, соединяются через то в Господе и друг с другом. Если имеют отравленную ревностью любовь, то ничего хорошего не получается, плоды ее — разделение, раздор и даже неприязнь взаимная, а истинная любовь соединяет и с духовным отцом, и с Богом, и друг с другом. Меня грешного, отца Иннокентия отца Мелхиседека, других учеников что соединяет? Любовь к нашему дорогому Батюшке. Вот что и для меня служит добрым признаком: если в моих духовных детях ощущается любовь к Батюшке отцу Герману; то же, слышал я от отца Мелхиседека, отца Иннокентия, и для них утешение, что я имею отношение особенное устремления к Батюшке отцу Герману. Близкими делает нас устремление к духовному отцу... Примите же драгоценное поучение от отшедшего отца Мелхиседека, приснопамятного для нас, усерднейшего сына Батюшки отца Германа. Я называю его наиболее усердным сыном Батюшки отца Германа.

Это усердие воистину в жизни он являл и наиболее учит ему своим примером. Блаженна взаимная любовь друг ко другу духовных чад одного и того же старца, любовь, соединяющая крепко! И это навеки, — *любовь никогда не перестает*,¹ она, любовь, ведь — самое существо Божие. В вечную память отца Мелхиседека обратите внимание на тщательность ученика, делом самой жизни любящего ученика. Паки блаженна любовь бережная и тщательная любовь к старцу, нашей драгоценности — любовь, воскрисяемая божественным желанием и ведущая путем тщания и внимания к высоте любви Божией.

Вот что само запросилось, чтобы передать вам в эти минуты не как мое, а от самого примера Батюшки отца Мелхиседека. Он жив, — наш дорогой, теперь вечно в Господе. Жив, и может восклицать с нашим пением: *«жива будет душа моя и восхвалит тя»*² — И блажен послушник, блажен ученик, блажен любящий сын, блаженна будет душа его в Господе и будет вечно хвалить Его, ибо единый правый путь — послушания, путь верного исполнения заповедей отца духовного, путь ясный и прекрасной любви, преданной и нелицемерной. Аминь.

Библиография.

1. Алексей Бабурин, священник. Статья в книге «А.Ф. Лосев. Имя». Сост. и общая ред. А. А. Тахо-Годи. С-П. 1997.

¹ 1 Кор.13,8

² Пс. 118:175

2. Анна (Теплякова А.С.), схимонахиня. «Женская оптина». М. «Паломник». 1997.
3. Арсений (Жадановский), епископ «Воспоминания». М. 1995.
4. Балязин В.Н., Дуров В.А., Казакевич А.Н.. «Самые знаменитые награды России». М. «Вече». 2000.
5. Бутовский полигон. Книга памяти жертв политических репрессий. М. 2004.
6. Варфоломей (Ремов), архиепископ. «Благоговетный путь». публ. А. Беглова. Журнал «Альфа и омега» №2(24). 2000.
7. Варфоломей (Ремов), епископ. Слово на заочном отпевании отца Мелхиседека. Публикация А. Беглова. Журнал «Альфа и Омега» №1 (23). 2000 г.
8. Вениамин (Федченков), митрополит. «Божии люди». М. 2004.
9. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1872-1917. М. Суворин
10. Гомберг Леонид. «Дорога на Ханаан». Феникс. 2005.
11. Горский А. В.. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Репринт. 1910 г.
12. Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь. "Булат". 2001.
13. Детки мои любимые... Схиигуменья Фамарь (Княжна Марджанова). Книга воспоминаний. Сотавил Сергей Фомин. М. Паломник. 2006.
14. Завет схиигумена Германа о молитвенном делании. «Паломник». 1995.
15. Зосимова пустынь в честь Смоленской ее иконы Божией Матери. Составитель преподобный Серафим (Чичагов).
16. Монахиня Игнатия. «Монашество последних времен». М. 1998.
17. Монахиня Игнатия. «Высоко-Петровский Монастырь в 20—30 Годы». Журнал «Альфа и Омега» №1 (8). 1996.
18. Монахиня Игнатия «Старчество в годы гонений». М. 2001.
19. Монахиня Игнатия. «Старчество на Руси». М. 1999.
20. Иоанн Бухарев, священник. Жития святых православной церкви. М. 2001.
21. Катышев Г.И. «Петушки обетованные». Владимир. 2005.
22. Край Оренбургский. Стопами православия. Сборник. Оренбург. 2006.
23. Кудрявцев. Педагогический указатель г. Москвы 1909/10 уч./год.
24. Архимандрит Леонид (Кавелин). «Зосимова пустынь». Журнал «Воскресный день». № 15. 1888.
25. Перепись Москвы 1902г. вып.1
26. Православная энциклопедия. М. 2000-2006.
27. Путеводитель по святым местам России. Минск. 2006.
28. Путь к совершенной жизни. Сборник. Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет. М. 2006.
29. Пыльнева Г.А. Воспоминания о старце Зосимовой пустыни иеросхимонахе Иннокентии. М. 1998.

30. Пыльнева Г.А. Воспоминания о старце Зосимовой пустыни иеросхимонахе Иннокентии. М. 1997.
31. Протоиерей Олег Пэнэжко. «Город Волоколамск, храмы Волоколамского, Лотошинского и Шаховского районов». Владимир. 2003.
32. Протоиерей Олег Пэнэжко. «Храмы города Александрова и окрестностей». Владимир 2005.
33. Русская Голгофа. Бутово. Месяцеслов. Храм Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове. 2005.
34. Советская историческая энциклопедия. т.7. М. 1968
35. «Святая Русь». Большая энциклопедия русского народа. М. 2002
36. Тахо-Годи А. А. Лосев. М. ЖЗЛ. 1997.
37. Тахо-Годи А.А.. К аресту А.Ф. Лосева. Журнал «Начала», № 2 — 4. 1994.
38. Терентьев И.В. Дипломная работа. Свято-Тихоновский университет. 2001.
39. Илья Четверухин, протоиерей, Евгения Четверухина. «Иеросхимонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни». Св.-Троицкая Сергиева Лавра.1995.
40. Илья Четверухин, протоиерей, Евгения Четверухина. «Преподобный Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни». Св.-Троицкая Сергиева Лавра.2002.
41. Четверухина Е. «Удалился от мира» Св.-Троицкая Лавра. 1997.
42. Серафим (Чичагов), митрополит. Да будет воля Твоя. Часть I. М.-С-Пб. 1993.
43. 100-летие Московской практической академии коммерческих наук. Альбом. М. 1910
44. Шейманидзе П.Я . «Московский Высоко-Петровский монастырь». М. 1997.
45. «К свету» № 4. Журнал.
46. «Московский журнал» № 12 за 1993 год, №1 и №3 за 1994 год
47. Архивно-уголовное дело № П-3155 УФСБ по Владимирской обл. на о. Феодора (Кудрявова Федора Ильича)
48. Архивно-уголовное дело № П-8961 УФСБ по Владимирской обл. на о. Сафрония (Петрова Сергея Акимовича)
49. ГАРФ. Следственное дело № П-60406. (о. Мелхиседек. прп. Макарий прп.. Владимир, о. Евфросин, о. Иоанникий, и др.)
50. ГАРФ. Архивно-уголовное дело № П-56786 на Демидова Евдокима.
51. ГАРФ. Архивно-уголовное дело № П-42164 на Дунаева Михаила.
52. ГАРФ. Архивно-уголовное дело № П-59458 на иеромонаха Никодима (Монина Николая).
53. ГАРФ. Архивно-уголовное дело № П-19468 на преподобного Герасима (Мочалова Григория).
54. ГАРФ. Архивно-уголовное дело № П-37114 на иеродиакона Досифея (Шонина Дмитрия).

55. ГАРФ. Архивно-уголовное дело № П-51407 монаха Виталия (Шулепина Василия).
56. ГАРФ. Архивно-уголовное дело № П-49467 на иеромонаха Нафанаила (Бочкало Никиты).
57. РГАДА. Фонд 1204. оп 1. Часть 15. Д. №№ 24985 — 1900 г., 24994 — 1901 г., 25009 — 1902 г., 25041 — 1904 г., 25060 — 1905 г., 25081 — 1906 г., 25041 — 1907 г., 2510 2 — 1907 г., 25123 — 1908 г., 25144 — 1909 г., 25168 — 1910 г., 25189 — 1911г., 25212 — 1913г., 25226 — 1914г., 25235 — 1915 г., 25255 — 1917г. Послужные списки Зосимовской братии.
58. РГАДА. Фонд 1204. оп 1. часть 7. Д. №11755. О часовне устроенной над могилой схимонаха Зосимы.
59. РГАДА. Фонд 1204. оп 1. часть 8. Д. № 14233. О смене братии с Фонтанного и Сухаревского подворий...
60. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 8. Д. № 15256. О назначении Строителем Зосимовой пустыни вместо старца Иоанна иеромонаха Германа.
61. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 8. Д. № 15344. О перемещении старца Гефсиманского скита Дионисия.
62. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 9. Д. № 15823. Состав упрощенного плана хозяйства Зосимовой пустыни...
63. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 9. Д. № 16715. О составлении упрощенного плана лесного хозяйства Зосимовой пустыни.
64. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 9. Д. № 17073. О учреждении в Смоленской Зосимовой пустыни должности благочинного..
65. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 9. Д. № 17110. О предполагавшейся поездке Строителя Зосимовой пустыни игумен Германа.
66. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 9. Д. № 17479. О неправильном ведении денежной отчетности игуменом Германом.
67. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 9. Д. №1910. «Дело по докладной записке казначея Смоленской Зосимовой пустыни о злоупотреблениях Строителя пустыни игумена Германа».
68. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 9. Д. № 17480. 1). О перемещении Строителя Зосимовой пустыни игумена Германа на должность Строителя Махрищского монастыря и о назначении Строителем Зосимовой пустыни ризничного оной иеромонаха Корнилия. 2) О возвращении игумена Германа на должность Строителя Зосимовой пустыни и о назначении иеромонаха Корнилия на должность Строителя Махрищского монастыря.
69. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 9. Д. №17507. О назначении на должность ризничного Зосимовой пустыни иеромонаха Дионисия.
70. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 9. Д. № № 17845, 18192. О посещении Лавры и Зосимовой пустыни Великой Княгиней Елизаветой Федоровной.
71. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 10. Д. №. 19265. Дело о пострижении монаха Зосимовой пустыни Феофила в схиму.

72. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 10. Д. №. 14454. «О назначении наместником Свято-Троицкой Лавры наместника Толгского монастыря архимандрита Павла».
73. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 10. Д. №. 14976. «Об утверждении Смоленской Зосимовой пустыни заштатным общежительным монастырем».
74. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 10. Д. №.15400. «О переводе монахов Модеста и Илии из Гефсиманского скита в Зосимову пустынь».
75. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 10. Д. №. 15344. «О переводе монаха Дионисия и указного послушника Дмитрия Лихачева...».
76. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 10. Д. №. 14687. «О построении нового трехпрестольного храма в Зосимовой пустыни и каменной трехэтажной колокольни и ограды кругом обители с тремя входными воротами и четырьмя по углам башнями с келлиями при них».
77. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 10. Д. №.15660. «О монастырях Лавры и монашествующих за 1899 год».
78. РГАДА. Фонд 1204.оп 1. часть 10. Д. №. 16458. «О дозволении иромонаху Смоленской Зосимовой пустыни Нафанаилу обучаться при Московском Синодальном училище теории церковного пения».
79. СД. Жития святых. ООО «ДиректМедиа Паблишинг»
80. СД. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД «ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ».
81. СД. Большая энциклопедия Кила и Мефодия. 2003 г.
82. О.А. Кавелина. Магнитная запись воспоминаний в интервью «Народному радио». Личный архив И. В. Гарькавого.
83. Дневники прпп. Алексия и Владимира Зосимовских. Рукописи. Личный архив О.А. Четверухиной.
84. Сайт «Новомученики и Исповедники РПЦ XX века» Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Братство во Имя Всемилоственного Спаса.
85. Справка Центрального архива ФСБ РФ № 10/А-3324 от 5.08. 2006 г. (Архив Зосимовой пустыни).
86. Справка Центрального архива ФСБ РФ № 10/А-6177 от 15.12. 2006 г. (Архив Зосимовой пустыни).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, ВСТРЧАЮЩИХСЯ В ПАТЕРИКЕ.¹

Авдий, казначей Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Авраамия (Лебедева Мария Философовна; † 1934), старица-монахиня, мать о. Игнатия (Лебедева)
Агафон († 681), папа Римский, преподобный
Агафон Скитский († нач. V в.), преподобный, подвижник Египетский
Аксаков Иван Сергеевич (1823-86), русский публицист и общественный деятель. Один из идеологов славянофильства.
Александр I (1777–1825), Император Российский с 1801
Александр II (1818–1881), Император Российский с 1855
Александр III (1845–1894), Император Российский с 1881
Александр Зверев (1881–1937), протоиерей, священномученик, духовный сын старца Алексия. Духовник Заместителя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского)
Александр (Стрыгин; † 1878), иеросхимонах Гефсиманского скита, духовный отец прп. Германа
Александр Левковский, священник
Александр, священник в городе Петушки
Александр, духовный сын о. Евфросина
Алексий Калашников, священник храма Никиты Мученика в Москве
Алексий († 411), праведный человек Божий, святой
Алексий († 1378), митрополит Московский и Всея России, чудотворец, святитель
Алексий (Мечев; † 1923), праведный, пресвитер Московский
Алексий (Сергеев; † 1968), архиепископ Алмаатинский и Казахстанский
Алексий II Патриарх Московский и всея Руси (1929–2008)
Алипия (Таишева; † 1942), игуменья Аносина монастыря с 1918 (1919?)
Амвросий (Гренков; 1812–1891), преподобный старец Оптинский
Амфилохий (Аркадий Смирнов), игумен Махрищского монастыря
Антоний (Павлинский; 1801–1878), архиепископ Владимирский
Антоний (Медведев; † 1877), архимандрит, наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Антоний (Храповицкий; 1863–1936), архиепископ Харьковский и Ахтырский
Аристов Николай Степанович
Арсений (Стадницкий; 1862–1936), митрополит Ташкентский, архиепископ Новгородский и Старорусский
Арсений (Епифанов; род. 1955) епископ Истринский, викарий Московской епархии
Арсений (Соколовский), оренбургский епископ с 1931 по 1936 годы
Арсений (Жадановский; 1874–1937), епископ Серпуховской, викарий Московской епархии, наместник Чудова монастыря
Афанасий (Сахаров; 1887–1962), святитель, епископ Ковровский, прославлен в 2000
Б(Т)абель, профессор Петербургской консерватории
Багрецов Федор Алексеевич (1812–1874), регент Чудова монастыря и Николо-Толмачевского храма, композитор
Баканов Николай Иванович, житель села Мордыи
Барбашева Екатерина Васильевна, помещица
Баранова Елизавета Ефимовна, монахиня московского Алексеевского монастыря
Барановы, сестры
Баянов Дмитрий Федорович (1885-1937), протоиерей, церковный композитор.
Беневоленская (Соловьева) Екатерина (род. 1848), сестра прп. Алексия Зосимовского

¹ В указатель не внесены имена зосимовских насельников, чьи жития представлены в Патерике, а также лиц, проводивших следствия и допросы, а так же дававших показания, порочащие зосимовских страстотерпцев.

Богомолова Агриппина Гавриловна, *московская купчиха*
 Богословская Ольга Александровна
 Богоявленский Иван Александрович, *священник села Выпуково*
 Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), *русский философ, экономист, теолог.*
 Бутурлины, *члены кружка графини Сологуб*
 Быстрицкий Алексей Васильевич (1878–?)
 Вагнер Георгий Федорович, *врач*
 Валериан (Кречетов), *протоиерей, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Акулово, старший духовник Московской епархии*
 Варвара великомученица († ок. 306)
 Варнава Гефсиманский (Василий Ильич Меркулов; † 1906), *преподобный*
 Василий, *живописец*
 Василий Абрамович Умнов (1874–1938), *настоятель храма села Титовское Загорского р-на Московской области*
 Васильевы Сергей (1836–1896) и Леонид (кон. 60-х- нач. 70-х гг. XIX в.- после 1922) — *регент и содержатели хора в Москве*
 Васильчиковы
 Варсонофий (1872–1912), *архимандрит, настоятель Казанского Спасского мужского монастыря,*
 Варсонофий († 1576), *святитель, епископ Тверской, Казанский чудотворец*
 Варфоломей (Ремов, 1888–1935), *епископ (позднее — архиепископ), духовный сын прп. Германа. Принял постриг в Зосимовой пустыни. Настоятель Высоко-Петровского монастыря в Москве. Ректор МДА*
 Васильева-Власова Екатерина Александровна, *сподвижница зосимовского старца Досифея*
 Введенский Александр Васильевич, *диакон села Бужаниново*
 Вениамин (Федченков; 1880–1961) *митрополит Саратовский и Вольнский*
 Вера, *монахиня (в схиме София), Мушкина Надежда Ивановна*
 Верховцева Вера, *духовная дочь прп. старца Алексия*
 Виссарион, *епископ, см. Нечаев Василий Петрович*
 Виталий Николаевич Лукашевич (1877–1941), *протоиерей церкви Всех Святых на Кокуевском кладбище а Загорске*
 Владимир (Богоявленский; 1848–1918), *свищм., митрополит Киевский и Галицкий*
 Владимир, *союзник отца Игнатия (Лебедева)*
 Владимир, *священник, благочинный г. Петушки*
 Владимирская (Соловьева) Анна, *сестра прп. Алексия Зосимовского*
 Власий, *духовник Троице-Сергиевой лавры*
 Волкова-Трубецкая Елизавета Николаевна, *тетка схимонаха Симона, владелица сельца Каравайково*
 Вьюгина Ефросинья Родионовна (*Родилась в 1888, Владимирская обл., д. Савельево*), *монахиня Исааковского Отделения Московского Вознесенского монастыря*
 Гавриил (Абалымов; 1881–1958), *епископ Осташковский, викарий Тверской*
 Гавриил (Зырянов; 1844–1915), *старец Седмиезерной пустыни, схиархимандрит, духовный отец схигумена Игнатия (Лебедева) в молодости, преподобный.*
 Гавриила (Елизавета Николаевна Чиркова; 1906–1981), *тайная монахиня, духовная дочь зосимовских старцев Игнатия и Исидора*
 Гаврилов Василий Дмитриевич, *псаломщик храма села Бужаниново*
 Гаврилов Николай Иакимович, *владелец нотнопечатни в Москве*
 Галактион, *иеромонах*
 Галактион (Игнатий Хореев; † 1900), *монах, сын блаженного Филиппушки*
 Гамбе Мария Сергеевна, *преподаватель МГУ*
 Гарадцева Аграфена

Геден (Черкалов Герман Никитич; 1873–1937)), *игумен*
Геден (Смирнов Григорий Сергеевич; 1880 — 10.12.1937), *иеромонах Троице-Сергиевой Лавры*
Геннадий, *послушник Столобенского монастыря*
Геннадий, *иерей*
Георгий Победоносец (†303), *великомученик*
Герман (†1567), *святитель, архиепископ Казанский*
Герман «младший» (Полянский Борис Иванович; 1900–1939), (2000), *архимандрит, духовник Высоко-Петровского монастыря. Расстрелян под Мариинском в 1933, преподобномученик*
Гермоген († 1612), *священномученик, патриарх Московский и Всея Руси, чудотворец*
Глаголева Софья Павловна
Глазунов Александр Константинович (1865–1936), *российский композитор, дирижер*
Гоголь Н.В. (1809–1852), *великий русский писатель*
Головин Владимир Васильевич, *помещик, устроитель Зосимовой пустыни*
Головин Димитрий Васильевич, *сын В.В. Головина, продолжатель возрождения пустыни*
Голубцова Мария Александровна, *дочь профессора Московской духовной академии*
Гомзин Алексей Семенович, *брат прп. Германа*
Гомзин Василий Семенович, *брат прп. Германа*
Гомзин Симеон Матвеевич († 1859), *отец прп. Германа*
Гомзина Марфа Федотовна (1811–1848), *мать прп. Германа*
Гомзина Матрена Матвеевна, *родная сестра отца прп. Германа*
Горева Наталья Алексеевна, *духовная дочь зосимовского старца Досифея*
Грачева Мария, *жительница села Мордыи*
Григорий (Козырев; 1882–1937), *епископ Суздальский с 1927г., епископ Барнаульский с 1937*
Громов Антон Николаевич, *крестьянин деревни Арсаки*
Гурий (Руготин Григорий Григорьевич; ок. 1495–1563), *святитель, архиепископ Казанский с 1555*
Гусева Татьяна, *монахиня Алексеевского монастыря*
Давид, *пророк, царь иудейский, псалмопевец*
Даниил (Разумов Дмитрий Александрович), *монах*
Даниил, *иеромонах Савино-Строжевского монастыря, дядя прп. Германа*
Даниловы, *родственники зосимовского старца Евфросина:*
 Анастасия, *сестра*
 Евдокия, *сестра*
 Иосиф, *брат*
 Олимпиада, *сестра*
 Софья, *мать о*
Дарвин Чарльз (1809–1882), *английский естествоиспытатель*
Димитрий Федорович Касицын, *протоиерей, профессор Московской Духовной академии*
Дионисий (Петушков Денис Осипович ; 1863–1931), *иеросхимонах, преподобномученик*
Дмитриенко В. П. , *учительница*
Димитрий Ростовский (1651–1709), *святитель, митрополит Ростовский и Ярославский, составитель «Житий святых»*
авва Дорофей (VI в.), *сирийский монах, преподобный, настоятель монастыря близ Газы. Автор «Душеполезных поучений»*
Дунаев Михаил Иванович, *двоюродный брат зосимовского послушника Евдокима*
Дунаева Надежда Евдокимовна, *сестра послушника Евдокима*
Дурново Николай Николаевич (1876–1937), *филолог-славянист, писатель, профессор*
Евдокия, *монахиня*
Евлогий (Смирнов; род. 1937), *архиепископ Владимирский и Суздальский*

Евпраксия, духовная дочь архимандрита Никиты
 Екатерина, прозорливица Печерская
 Елизавета Петровна (1709 –1761/62), Императрица Российская (с 1741)
 Елисавета Феодоровна (1864–1918), преподобномученица, Великая Княгиня, основательница Марфо-Мариинской обители милосердия
 Емельянова Евдокия Петровна, монахиня
 Енафа (Ерофеева Анна Ивановна), монахиня
 Епифаний Премудрый (2-я пол. XIV в. — после 1443 (?), блаженный, ученик преподобного Сергия Радонежского, агиограф
 Ерофеева Александра Петровна (родилась в 1896), монахиня
 Ефимов Иван Ефимович, издатель духовной литературы
 Ефрем, священник ризничный Саввино-Сторожевского монастыря
 Захарова Мария Николаевна, монахиня
 Золотова Анна Ивановна
 Золотова Валентина Ивановна, монахиня Варвара † 2001
 Золотова Лидия Ивановна, схимонахиня
 Золотова М. Г.
 Зосима Соловецкий († 1478), преподобный
 Иаков (Марочкин Иван Петрович; 1879 –1937), иеромонах
 Иаков (Маскаев; †1937), епископ Осташковский, архиепископ Барнаульский
 Иван Тимофеевич, старичок, ухаживавший за прп. Игнатием (Лебедевым) в тюрьме
 Игнатий (Садковский; 1887–1937), священномученик, епископ Белевский, епископ Скопинский, викарий Рязанской епархии
 Игнатий Богоносец († 20 декабря 107), священномученик
 Игнатий Брянчанинов (1807–1867), святитель
 Игнатия (Пузик, псевдоним Петровская; 1903–2004), схимонахиня, духовная дочь схимандрита Игнатия (Лебедева), доктор биологических наук, профессор.
 Иероним (Захаров; † 1966), епископ Кишиневский и Молдавский
 Иларион (Домрачев; + 1916), схимонах, автор книги «На горах Кавказа»
 Илиодор (Труфанов. 1880–?), иеромонах, настоятель Свято-Духова Царицынского монастыря, обновленец.
 Илия ([Четверухин; † 1932](#)), [протоиерей](#), писатель, священномученик
 Иннокентий (Вениаминов), святитель, митрополит Московский и Коломенский (1797–1879)
 Иннокентий (Соколов; †1937), архиепископ Бийский
 Иннокентия (Николаева Мария Петровна), монахиня
 Иннокентия, (Хвостова Екатерина Сергеевна; 1887(9?) — исчезла бесследно в 1937), фрейлина Императорского двора, монахиня
 Иоанн Богослов, апостол евангелист
 Иоан Бобров, протоиерей кафедрального собора в Осташкове, духовник о. Симона
 Иоанн Златоуст (†14 сентября 407), епископ Константинополя
 Иоан Иванович Инюшин (1891–1931), священник села Малыгино Загорского района Московской области, священномученик
 Иоанн Лествичник, синайский пустынник VI в.
 Иоанн (Успенский) священник, благочинный села Новинки
 Иоанникий (Руднев; 1826–1900), митрополит, занимал Московскую кафедру с 1882 по 1891 гг.
 Иоанникий, архимандрит Ниловой пустыни
 Иоанн (Соколов; †1968), епископ Егорьевский
 Иоанн, протоиерей храма святителя Николая у Сухаревой Баши
 Иоанна (Макарова 1879–1918?), игуменья, настоятельница Аносина Борисоглебского монастыря

Иов († 1607), *патриарх Московский и Всея России*
 Иона († 1461), *митрополит Московский и Всея России, чудотворец*
 Иона (XVII — нач. XVIII в.), *монах, келейник прп. Зосимы*
 Ипполит (Яковлев; † 1937), *игумен, духовник Лавры*
 Иринарх (Шимановский; 1873–1917(18)), *игумен, просветитель народов Крайнего Севера*
 Исаак Сириин (VI в.), *преподобный, епископ Ниневиийский*
 Исидор († 3 февраля 1908), *иеромонах, старец Гефсиманского скита*
 Исидор Пелусиотский (конец IV — начало V в.в.), *преподобный, богослов, ревнитель благочестия*
 Иулиания, *монахиня*
 Кавелина Ольга Александровна, *духовная дочь архимандрита Никиты*
 Исидор († 3 февраля 1908), *старец Гефсиманского скита, иеромонах*
 Исидор Пелусиотский (конец IV — начало V в.в.), *преподобный, богослов, ревнитель благочестия*
 Иулиания, *монахиня*
 Кавелина Ольга Александровна, *духовная дочь архимандрита Никиты*
 Керенский Александр Федорович (1881–1970), *российский общественный и политический деятель, министр-председатель Временного правительства*
 Кирилл (XVII — нач. XVIII в.), *инок, сподвижник прп. Зосимы*
 Клеопа II († 1817), *ученик Паисия Величковского*
 Кляузин Андрей, *крестьянин села Никульского*
 Кожухов Евгений Алексеевич, *отец схимонаха Симона*
 Кожухова Мария Алексеевна (1861–1941), *сестра схимонаха Симона*
 Кожухова, урожд. Колтовская Евдокия Николаевна, *мать схимонаха Симона*
 Колчак Александр Васильевич (1873–1920), *российский военачальник, полярный исследователь, гидролог, адмирал. В 1918–1920 «верховный правитель российского государства»*
 Константиновский Дмитрий Матвеевич, *протоиерей настоятель Скорбященской церкви в Твери*
 Кронид (Любимов, 1859–1937), *архимандрит, наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, преподобномученик, прославлен в 2000*
 Ксенофонт (Чернышев) (в схиме Онуфрий), *архимандрит, настоятель Николо-Пешношской обители*
 Ксенофонт (Бондаренко Константин Андреевич; 1886 — 10.12.1937), *игумен*
 Кузнецов Иван Павлович, *строитель Успенского храма в Петушках*
 Кузьмина Екатерина Тимофеевна, *жительница села Мордыи*
 Куренкова, *крестьянка с. Васильево Дмитровского района Московской области*
 Лаврентий (Насонов Лазарь Петрович; 1883–10.12.1937), *иеромонах*
 Лазарь (Василий Хореев; 1833–1915), *монах, сын блаженного Филиппушки.*
 Латков Александр Афанасьевич (1863–1949), *архитектор Троице-Сергиевой лавры, строитель Свято-Смоленской Зосимовой пустыни.*
 Лебедев Александр Константинович (1804–1882), *отец прп. Игнатия*
 Леонид (Кавелин Лев Александрович; 1822–1891), *архимандрит, наместник Троице-Сергиевой Лавры*
 Леонид (в схиме Лев), (Наголкин † 1841), *оптинский старец*
 Лукашевич Виталий Николаевич (1877–1941) *протоиерей церкви Всех Святых на Кокуевском кладбище а Загорске*
 Леонтия (Любовь Леонидовна Нечуй-Левицкая), *схимонахиня Аносина монастыря*
 Лисенковы Сергей и Матвей, *братья, крестьяне села Мордыи*
 Лосев Алексей Федорович (1893–1988), *русский философ, историк философии и эстетики, филолог. В тайном постриге — монах Андроник*
 Лосева-Соколова Валентина Михайловна, *супруга А.Ф. Лосева. В тайном постриге монахиня Афанасия*
 Маврикий (Полетаев; 1880–1937), *архимандрит Троице-Сергиевой лавры, преподобномученик*

Магдалина, (графиня Мария Владимировна Орлова-Давыдова, фрейлина),
основательница (1893) и игуменья общины в с. Щеглятьево Домодедовского района под Москвой.

Магдалина (Фомина Татьяна, † в начале 1980-х годов), *монахиня Аносина монастыря*

Макарий (1482–1563), *святитель, митрополит Московский и всея Руси с 1542, составитель «Четей-Миней» и «Степенной книги»*

Макарий (Булгаков, 1816–1882) *митрополит Московский и Коломенский, занимал Московскую кафедру с 1879 года. Выдающийся богослов и историк Церкви*

Макарий (Парвицкий; «Невский» † 1926), *митрополит Московский*

Макарий (Даев † 1960), *архиепископ Можайский, викарий Московской епархии*

Максим (Жижиленко † 1931), *епископ Серпуховской, ранее — врач Таганской тюрьмы*

Максимилиан (Марченко), *игумен Троице-Сергиевой Лавры*

Мамонтов, *врач в Зосимовой пустыни*

Мария Федоровна (1847–1928), *Императрица Российская, мать Императора Николая II*

Марков Алексей Степанович, *новомученик*

Марков Игнатий Артемьевич, *прихожанин храма Никиты Мученика*

Маркс Карл (1818–1883), *основоположник марксизма.ё*

Мартьянова Прасковья Васильевна, *монахиня*

Маслов Николай Николаевич, *помощник церковного старосты на Воздвиженке*

Матвеева Екатерина Ивановна, *хозяйка квартиры, в которой собиралась «общинка» схииеромонаха Иннокентия(Орешкина)*

Матфей (Константиновский; 1791–1857), *протоиерей Ржевского кафедрального собора*

Мизилина Анастасия Ксенофонтовна, *монахиня*

Мирон (Ржепик Мирон Иванович (1885 – 1937), *иерей, священномученик*

Митрофан Воронежский (1623–1703), *святитель, чудотворец*

Митрофан, *послушник Гефсиманского скита*

Мишин, *московский купец*

Михаил, *сельский приходской священник, город Осташков*

Мусоргский Модест Петрович (1839–1881), *русский композитор*

Мушкина Надежда Ивановна, *впоследствии монахиня Вера (в схиме София)*

Мясникова Анна Михайловна, *монахиня*

Надежда Ильинична (в девичестве Кудрявова), *сестра зосимовского старца Феодорита*

Наталя Алексеевна, Великая Княжна (1772–1816), *родная сестра императора Петра I*

Наумова Зиновия, *староста храма села Мордыш*

Нафанаил (Алексеев Николай Алексеевич), *иеромонах*

Нектарий, *священномученик*

Нектарий, *архиепископ Тобольский, игумен Ниловой пустыни*

Неттель Генриетта Ивановна († 1889), *помещица, пожертвовавшая землю под Зосимову пустынь*

Нечаев Василий Петрович (1823 – 1905), *1855 по 1889 — настоятель Толмачевского храма в Москве. В 1889 — Виссарион, епископ Дмитровский. С 1891 — епископ Костромской и Галичский.*

Нечуй-Левицкий Иван Семенович (1838-1918), *украинский писатель*

Никита (Делекторский, [† 1937](#)), *священномученик, епископ Орехово-Зуевский.*

Новоселов Михаил Александрович (1864–1938), *русский православный мыслитель, епископ Марк (1923), мученик (2000)*

Николай II (1868 – 1918), *царь-мученик, последний Российский император*

Никон Оптинский (Беляев; 1888–1931), *преподобный*

Никон, *епископ на отпевании старца Алексия зосимовского, возможно:*

-Никон (Дегтяренко), епископ Могилевский
 - Никон (Пурлевский), епископ Белгородский
 Нил Столобенский († 1554), преподобный, монах Крыпецкого монастыря, основал пустынь на острове Столобень на озере Селигер
 Нилус Сергей Александрович (1862–1929), православный писатель
 Оболенский, князь
 Онисим (Фестинатов; †1970), архиепископ Владимирский и Суздальский
 Орлов Василий Сергеевич (1857–1907) — рус. хор. дирижер, педагог, директор Синодального училища
 Павел, апостол
 Павел (Гальковский; †1937); епископ Егорьевский
 Павел Смирнов, священник церкви во имя святого Климента, папы Римского на Варварке
 Павел Александрович Флоренский (1882–1937), протоиерей, религиозный философ, богослов
 Павлов Александр Богданович (1881 –1937), иеромонах Азария
 Палладий, иеромонах, управляющий Боголюбской киновией
 Панфиловы, мать и дочь
 Параскева, преподобномученица II в.
 Петр († 1326), митрополит Московский и всея России, чудотворец
 Петр I Великий (1672–1725), Император России
 Петр Лагов (1880 –1943), протоиерей храма Григория Неокесарийского
 Петр (Петр Григорьевич Покровский; 1887–1953), настоятель Успенского храма в Петушках
 Питирим, епископ Пермский, в 40-х годах XV в. архимандрит Московского Чудова монастыря.
 Питирим (Крылов; 1895 – 1937), епископ Волоколамский (1928), Дмитровский (1932)
 Потапов Георгий Николаевич (1875–1937), монах Георгий
 Прокопий (Порфирий Хорев; † 1905?), иеромонах, сын блаженного Филиппушки
 Прокофьев Иван, крестьянин.
 Пшеничников Н.И., протоиерей московского Успенского собора в Кремле
 Рафаил, архангел
 Райдакова Анна (род. в 1877), монахиня Алексеевского монастыря
 Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), в 1911–17 председатель 3-й и 4-й Государственной думы
 Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894), русский пианист, композитор, дирижер
 Рубова, монахиня Алексеевского монастыря
 Савва Сторожевский († 1406), ученик Сергия Радонежского, преподобный
 Савва, иеромонах, духовник Саввино-Сторожевского монастыря
 Савватий Соловецкий († 1435), преподобный
 Саврасов Алексей Кондратьевич (1830–1897), русский живописец, передвижник
 Садовников, староста храма в Баковке.
 Салова Екатерина Михайловна (род. в 1893), монахиня Алексеевского монастыря
 Самарин Юрий Федорович (1819–1876), философ-славянофил, публицист
 Самойлова Анна Андреевна (род. 1898), монахиня
 Сефери, профессор пения
 Серафим (Чичагов † 1937) митрополит, священномученик
 Серафим (Звездинский † 1937), с 1919 епископ Дмитровский. священномученик
 Серафим (Самойлович † 1937), священномученик, архиепископ Угличский
 Сергей (Голубев), настоятель Преображенского собора в Санкт-Петербурге
 Сергей Радонежский; (†1392), преподобный
 Сергей (Ляпидевский; 1820–1898), митрополит Московский с 1890 по 1898
 Сергей (Старгородский †1944), митрополит, Патриарх Московский и всея Руси

Сергий Алексеевич Крестьянинов (1875 — 10.12.1937), священник с. Сабурово Московской обл.

Симеон Ермолаев, старец, жизнеописатель преподобного Зосимы

Симеон Новый Богослов; (†1021), автор трудов по сокровенному деланию во Христе, выдающийся поэт

Симеон Солунский; (†1429), архиепископ, блаженный

Симон Кананит, апостол

Скачков Алексей Васильевич, житель села Горкипод Волоколамском

Скачков Герасим, отец зосимовского архимандрита Исидора

Скачкова Мария, мать зосимовского архимандрита Исидора

Скачков Петр Васильевич, житель села Горкипод Волоколамском

Скачкова Александра Кузьминична, жена П.В. Скачкова

Смирнов Николай Иванович (1875 – 14.03.1938), священник села Сватково

Смирнова Анна Федоровна, теща прп. Алексия зосимовского

Сологуб Мария Федоровна (урожденная Самарина; 1821 –1888), графиня, учредительница философского кружка

Соловьев Михаил Федорович (1868–1919), сын прп. Алексия Зосимовского

Соловьев Алексей Петрович (1804–1882), протоиерей, отец прп. Алексия Зосимовского

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), русский философ, поэт.

Соловьева Анна Андреевна, бабушка прп. Алексия Зосимовского по отцу

Соловьева Анна Григорьевна, монахиня

Соловьева (Мотова) Ольга Петровна (1876–1960), жена Михаила Федоровича Соловьева

Соловьева (Смирнова) Анна Павловна (1850–1872), жена прп. Алексия Зосимовского

Соловьева Прасковия Матвеевна, монахиня

Соловьева (Протопопова) Мария Федоровна; (†1854), мать прп. Алексия Зосимовского

Соловьева Прасковия Матвеевна, монахиня

Страхова Александра (род. в 1888 в д. Елгозино Моск. Губ.) , монахиня Алексеевского монастыря

Суворова Агрипина Петровна, новомученица

Сундукова Ксения Михайловна, духовное чадо зосимовского старца Досифея

Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934), российский издатель-просветитель

Сычев Николай Михайлович, житель Сергиева Посада, староста церкви Петра и Павла

Тимоновы, дворяне, владельцы земель, на которых впоследствии располагалась Зосимова пустынь

Тимохина Софья Семеновна, духовное чадо зосимовского старца Досифея

Тихон Задонский (†1783), чудотворец, епископ Воронежский

Тихон (Беллавин Василий Иванович, 1865–1925), святитель, патриарх Московский и всея Руси

Тихон († 1873), иеромонах, духовник прп. Германа Зосимовского

Тихонов Сергей Николаевич, житель села Мордыш Суздальского района Владимирской области

Товия (Цимбал), наместник Троице-Сергиевой Лавры 1904–1915 гг.

Толстая Евдокия Алексеевна (урожденная Штекельберг), кузина схимонаха Симона зосимовского

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), писатель

Толстой Николай Алексеевич, владелец Сиговки

Третьяков Павел Михайлович (1832–1898), меценат, основатель художественной галереи

Тугаринов Алексей Петрович, инженер

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937), советский военачальник, маршал Советского Союза

Фаддей (Успенский; † 1938), архиепископ Тверской, преподобный священномученик

Фамарь (княжна Марджанова Тамара Александровна, 1869–1936), *схиизгумения, основательница Серафимо-Знаменского скита под Москвой*
 Феогност, *наместник Троице-Сергиевой Лавры в конце XX века*
 Феодор Студит (†826), *подвижник и начальник Студийского монастыря; много страдал от иконоборцев*
 Феодор (Богоявленский; 1905–1941), *иеромонах, преподобномученик*
 Феодор Тирон (IV в.), *великомученик*
 Феодор (Поздеевский, 1876–1937), *архиепископ, духовный сын преподобного Германа Зосимовского*
 Феодот († 1875), *оптинский иеросхимонах*
 Феофан Затворник Вышенский (Говоров, † 1894), *святитель*
 Фекла, *крестьянка*
 Филарет (Дроздов, † 1867), *святитель, митрополит Московский и Коломенский*
 Филина, *монахиня Алексеевского монастыря*
 Филипп (Колычев, 1507–1569), *святитель, митрополит Московский и всея Руси, чудотворец*
 Филипп (Гумилевский, † 1936), *епископ Звенигородский, викарий Московской епархии*
 Филофей, в миру Тимофей Григорьевич Успенский, (1808 –1882), *митрополит Тверской и Кашинский, митрополит Киевский и Галицкий*
 Фишер Наталия Герасимовна, *супруга Ф.Ф. Фишера*
 Фишер Федор Федорович, *друг схимонаха Симона зосимовского*
 Чайковский Петр Ильич (1840–1893), *русский композитор*
 Чепурко Петр Иванович (род. в 1887 в с. Каланчаг Таврической губ.), *священник Черкасский, князь, член кружка графини Сологуб*
 Четверухина Евгения Леонидовна (1883–1974), *автор книг, певчая Николо-Толмачевского храма, жена священномученика протоиерея Илии*
 Чурбакова Евгения Ивановна, *духовное чадо зосимовского старца Досифея*
 Чухотина Евдокия Петровна, *монахиня*
 Шапошников Дмитрий Михайлович, *московский промышленник, благоустроитель Зосимовой пустыни*
 Шестерин Дмитрий Сергеевич (1884–1931), *«странник»*
 Шишлянникова Мелания Яковлевна, *духовное чадо зосимовского старца Досифея*
 Шлихтинг Георгий (род. в 1891), *священник с. Спасское Суздальского района*
 Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950), *православный писатель*
 Шубина Александра Ивановна, *духовное чадо зосимовского старца Досифея*
 Ювеналий (Поярков), *Митрополит Коломенский и Крутицкий. Председатель Синодальной комиссии по канонизации святых*
 Юдин Петр Лаврович, *крестьянин деревни Свиблово Кимрского района*
 Юлия Неттель, *дочь Г.И. Неттель*
 Юшины, *семья жителей села Мордыш*
 Яковлева Елизавета Васильевна, *благоустроительница зосимовской часовни*
 Якушев Александр Михайлович, *преподаватель фотренианной игры*
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, ХРАМОВ И МОНАСТЫРЕЙ, ВСТРЧАЮЩИХСЯ В ПАТЕРИКЕ.

Авраамиев монастырь, *Костромской и Галичской епархии в с. Ножкине Чухломского р-на, основан в конце XIV в. преподобным Авраамием Чухломским и Галичским чудотворцем, учеником преподобного Сергия Радонежского.*

Акулово, *село Одинцовского района Московской обл.*

Алатырь, *город в Чувашии*

Александров, *город*

Александровский уезд *Владимирской губернии*

Алексеевский монастырь в Москве, *монастырь, на месте которого возвели храм Христа Спасителя, был основан в XIV веке у бывшего села Семчинского*

Алма-Ата, *город*

Амур, *река*

Алекسانдро-Невский женский монастырь Клинского района Московской области, *монастырь был преобразован из женской общины созданной в 1889 г. на средства Ф. О. Захарова.*

Аносин Борисоглебский монастырь, *Истринского района Московской области, учрежден в 1823 г.*

Арсаки, *железнодорожная станция (деревня)*

Архангельск, *город*

Архангельская губерния

Бабаево, *село Ярославской области*

Баковка, *поселок под Москвой*

Балашиха, *город*

Балашихинский район Московской области.

Батум, *город*

Башкирская АССР

Бежецкая волость Тверской губернии

Бежецкий уезд

Безобразово, *деревня Вороновской волости, Подольского уезда, Московской губернии,*

Берлин, *город*

Берлюковская пустынь во имя святителя Николая Чудотворца, *Московской губернии. Основана около 1606 г.*

Боголюбский храм Петровского монастыря, *основан в Москве в 1684–1686 гг.*

Боголюбовская Киновия Троице-Сергиевой Лавры, *основана в 1858 г.*

Богородичный монастырь в Туле, *см. Свято-Богоодичный*

Богоявленская церковь в с. Крутице (Леоново) *Владимирской области, построена 1825 г.*

Богоявленский собор в Москве

— в Дорогмилово (1862 г.) *по проекту арх. Миронова, кафедра митрополита Сергия (Староградского)*

— в Елохово (1645), *арх. Тюрин, с 1944 г. патриарший.*

Большая Дмитровка, *улица в Москве*

Большая Садовая, *улица в Москве*

Борково, *село Александровского уезда Владимирской губернии*

Бужаниново, *село на границе Московской и Владимирской областей*

Бузовская волость, *Тарасчанского уезда Киевской губернии*

Бульварная улица в Загорске

Бутовский полигон, *место массовых расстрелов 1937–1938 гг. в на Старо-Варшавском шоссе.*

Бутырский изолятор (тюрьма), *была центральной пересыльной тюрьмой в дореволюционной России. Построенное как казарма Бутырского гусарского полка во времена Екатерины II, в 1771 г., здание вскоре было переоборудовано под тюрьму.*

Ваганьковское кладбище, в Москве *основано в 1771 г., во время эпидемии чумы.*

Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, *начало иноческой жизни IX–X вв.; основатели — свв. Сергей и Герман*

Варварка, *улица в Москве*

Васильево, *село Дмитровского района Московской обл.*

Введенско-Островская пустынь Владимирской епархии, *основана учеником прп. Паисия Величковского Клеопой I в XVIII в*

Вель, *река*

Вельский уезд, *Вологодской губернии*

Верзилово, *село Михневского района Московской области*

Верховская волость
 Виленская губерния
 Владивосток, *город*
 Владимирская губерния (область)
 Воздвиженка, *улица в Москве*
 Вологда, *город*
 Вологодская губерния
 Володарского улица, *Орехово-Зуева*
 Волоколамск, *город*
 Волоколамский район Московской области
 Волынская губерния
 Воронеж, *город*
 Воронежская губерния
 Воскресная Слободка, *село Суздальского района*
 Воскресенская церковь в Осташкове, *построена в 1689 г.*
 Высоко-Петровский монастырь Москвы, *основан в XIV в. во имя святителя Петра, митрополита Московского. Патриаршее подворье.*
 Выпуково, *село в Подмоскovie*
 Вышний Волочок, *город*
 Вязниковский уезд *Владимирской губернии*
 Георгиевский монастырь в Москве на Б. Дмитровке. *Основан до 1498 г. Не сохранился*
 Германия
 Гефсиманский скит Троице-Сергиевой лавры, *основан 1844 г. митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) и наместником Троице-Сергиевой Лавры Антонием (Медведевым)*
 Голицыно, *поселок Московской области*
 Голутвинский (Старо-) мужской монастырь в честь Богоявления, *основан в 1385 г.*
 Горки, *деревня Волоколамского уезда Московской губернии*
 Горки, *деревня Новоторжского района Тверской губернии*
 Грохольская — *улица в Москве*
 Губино, *имение родственников схмонаха Симона Кожухова, Юрьевых*
 Гусенино, *деревня Волоколамского района Московской области*
 Гуслицкий Спасо-Преображенский монастырь, *в Богородском уезде Московской области. Основан в 1859 г. игуменом Парфением.*
 Дагестан
 Данилов монастырь в Москве, *см. Свято-Данилов*
 Данилов, *город Ярославской обл.*
 Дания
 Данковский уезд *Рязанской губернии*
 Декабристов ул. в Ленинграде
 Деревянск, *село Усть-Куломского района Сыктывкарской области*
 Дзержинского площадь в Москве
 Дмитров, *город*
 Добрынское, *село Юрьевского уезда Владимирской области*
 Докучаев переулок в Москве
 Дорогомиловский собор в честь Богоявления, в Москве, *освящен 29 сентября 1908 г. митрополитом Владимиром (Богоявленским)*
 Егорьевск, *город Рязанской (ныне Московской) области*
 Елец, *город*
 Екатеринославская губерния
 Ермолая Священномученика храм, *на углу Большой Садовой и Козихинского переулка в Москве. Построен в 1610 г. Снесен в годы гонений.*

Ерюхино, *деревня Калужской губернии*
 Житенный Богородичный монастырь в городе Осташков. Основан на острове Житенный в 1716 г.
 Жуково, село Донковского уезда Московской губернии
 Загорск, город
 Задонск, город
 Завидово, село
 Загорянское, поселок под Москвой
 Замошинская волость Тверской губернии
 Зарудня, *деревня Малиевской волости, Егорьевского уезда, Московской губернии*
 Звенигород, город.
 Звонарский переулок в Москве
 Знаменская церковь, в селе Ивановское Волоколамского района Московской области, построена в 1783 г.
 Иваново, город
 Ивановская область
 Ивановское, село под Волоколамском
 Иверская часовня Гефсиманского скита
 Изварино, село Кунцевского района Московской области
 Ильинская часовня в Москве, освящена 28 ноября 1887 г.
 Ильинская церковь г. Загорска, построена в 1773г.
 Иосифо-Волоцкий монастырь, основан в нач. XVI в.
 Кавказ
 Казанской иконы Божией матери кафедральный собор Санкт-Петербурга, построен в 1811 г. по проекту арх. А.Н.Воронихина
 Казанской иконы Божией Матери девичий монастырь города Ярославля, основан в 1610 г.
 Казань, город
 Казахстан
 Калужская губерния
Каравайково, *сельцо близ Зосимовой пустыни*
 Караганда, город
 Карачарово, село Собинского района Владимирской области
 Каргополь, город
 Карцево, *деревня Звенигородского уезда Московской губернии*
 Кашира, город
 Каширский район Московской области
 Киев, город
 Киево-Печерская Лавра
 Киево-Троицкий монастырь (Китаева пустынь) в честь Святой Живоначальной Троицы, основан в XI в.
 Киевская губерния
 Киевский кафедральный собор св. Софии, Премудрости Божией. Заложен 1037 (1017?) г. при Ярославе Мудром
 Киржач, город
 Кикино, село Дмитровского района Московской обл.
 Кинильский стан, волость к югу от ст. Арсаки
 Кисельный переулок в Москве
 Кишинев, город
 Климента, папы Римского церковь на Варварке в Москве, XVII в.
 Клин, город
 Колымский край
 Коми, республика, край

Кострома, *город*
Костромская губерния
Кочеры, *село Рязанской губернии*
Красноярский край
Кремль Московский
Крутицы, *деревня Меленковского района Ярославской губернии*
Крутцы, *село Владимирской области недалеко от Петушков*
Кунцевский район Московской области
Курская губерния.
Курляндия, *историческая область в западной части Латвии.*
Кутань, *деревня Бежецкой волости*
Ленинградская область
Леоново, *см. Крутцы*
Липа, *деревня Гдовского района Ленинградской области*
Литва
Лихов переулоч, *в Москве*
Лопасня, *станция под Москвой*
Лубянка, *улица Москвы*
Лубны, *город Потавской губернии*
Лукинская женская обитель Подольского уезда, *Московской губернии*
Мамоново, *деревня Кунцевского района Московской области*
Мариинская больница, *основана в 1805 г. на Ново-Божедомской, ныне ул. Достоевского*
Марфо-Мариинская обитель милосердия, *основана прп. Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной в феврале 1909 г.*
Марьино, *село Дмитровского района Московской области*
Свято-Троицкий монастырь Владимирской епархии, *Махрицкий, на берегу реки Махры. Основан около 1370 г. преподобным Стефаном*
Меленков, *город Владимирской губернии*
Мефодий (XIV в.), *преподобный, ученик Сергия Радонежского*
Мещанские улицы в Москве (*современный район проспекта Мира от Сухаревской площади до Рижского вокзала*)
Мишутино, *село Сергиево-Посадского района Московской области*
Молога, *город в Ярославской губернии при впадении реки Мологи в Волгу. В начале 1940-х годов XX века затоплен после сооружения Рыбинской ГЭС и водохранилища*
Молохча, *река*
Монастырщино, *село Епифановского района Тульской области*
Морозова Прасковия Сидоровна, *монахиня*
Мордыш, *село Суздальского района Владимирской области*
Москва, *город*
Московская губерния (область)
Муром, *город*
Нерль, *река*
Нижегородская губерния
Нилова в честь Богоявления пустынь, *основана в 1528 г. на острове Столобень озера Селигер преподобным Нилом Столобенским*
Никиты Мученика храм в Москве, *на Швивой горке, XVII в., ныне подворье Свято-Пантелеимонова Афонского монастыря*
Николаевская в Толмачах церковь, *Москва, первое упоминание 1625 г.*
Ново-Голутвинский женский монастырь в честь Святой Живоначальной Троицы, *Коломна. Основан XVII в*
Николо-Набережный храм, *в Муроме построен в 1717г.*

Николо-Пешношский монастырь, основан в 1361 г. преподобным Мефодием — учеником Сергия Радонежского
 Никольская улица, в Москве
 Николы в Звонарях (совр. 2^й Неглинный пер.), храм построен 1782 г., архитектор. К. Бланк, подворье Успенско-Пюхтинского монастыря.
 Никонова (преподобного Никона) церковь Троице-Сергиевой Лавры воздвигнута в 1548г., перестроена в 1623г.
 Никоновский проезд в Москве
 Никульское, село вблизи Зосимовой пустыни
 Никульское, село Собинского района Владимирской области
 Новгородская губерния
 Новинки, село поблизости от Зосимовой пустыни
 Новодевичий Богородице-Смоленский монастырь, в Москве, начало строительства — 1524 г.
 Новосергиевск, город в Александровском уезде Владимирской области
 Новосоловецкая пустынь, города Осташкова, основана в 1701г. преподобным Иоилем на озере Вселуг
 Новотарусский кафедральный собор
 Новый Афон, монастырь в Абхазии, основан в 1875 г.
 Огибалово, село Михайловского уезда Рязанской губернии
 Олисово, деревня Клинского района Московской области
 Омск, город
 Оптиная пустынь см. Свято-Введенская Оптиная пустынь
 Опихарка (Эпихарка), Преображенская община, в Поречье, в пустоши Опихарке, близ села Воскресенского, Угличского уезда, учрежденная в 1898 г.
 Осташков, город Тверской губернии
 Оренбург, город
 Орехово-Зуево, город Московской области
 Орловская губерния
 Очаково, деревня Кунцевского района Московской области (современный район столицы)
 Павловское, деревня Каширского района Московской области
 Параклит, Свято-Духовская пустынь в нескольких километрах от Троице-Сергиевой Лавры, основана в 1861 г. митрополитом Филаретом (Дроздовым) и архимандритом Антонием (Медведевым)
 Париж, город
 Пахомовская, деревня Верховской волости Вельского уезда Вологодской губернии
 Пензенская губерния
 Переяславль-Залесский, город, уезд
 Петушки, город Владимирской области
 Печора, река
 Печоры, город
 Пм(л)аскуши деревня Замошинской волости Тверской губернии
 Погорелки, село Борисоглебского района Ивановской области
 Покрова Пресвятой Богородицы, храм в селе Акулово Московской области
 Покрова Божией Матери храм, в селе Кикино Дмитровского района Московской области
 Покровка, район старой Москвы
 Полтавская губерния
 Поповка, село Ленинградской области
 Порт-Артур, город, военно-морская база России на северо-востоке Китая в 1898–1906 гг.
 Почтамтский переулоч, в Петербурге
 Преображенский собор, в Санкт-Петербурге, сооружен по проекту В.П.Стасова.
 Закладка храма состоялась 26 августа 1826 г.

Пронск, город Рязанской губернии
 Протопоповский переулок, в Москве
 Псковская губерния
 Путинки, район старой Москвы
 Пятницкое кладбище, в Москве
 Ревель, официальное название города Таллина в 1219–1917 гг.
 Рождества Пресвятой Богородицы храм в Путинках Москва, основан в XIV в. Уничтожен
 Рождества Пресвятой Богородицы, храм в селе Никольское-Трубецкое Балашихинского района
 Рукав, село Владимирского района Ивановской области
 Рязанская губерния
 Саввино-Сторожевский Богородице-Рождественский монастырь в Звенигороде на горе
 Стороже. Основан преподобным Саввой в 1398 г.
 Савельево, село Киржачской волости
 Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград
 Саров, город
 Саровский монастырь, основан в 1706 г.
 Сватково, село Загорского района Московской области
 Свечников переулок, в Москве
 Свято-Введенская Оптиная пустынь, основана на рубеже XIV — XV веков старцем Оптой
 Свято-Данилов монастырь, основан святым благоверным князем Даниилом в Москве в 1282 г.
 Свято-Успенский храм, города Петушки, освящен в 1910 г.
 Святого Духа монастырь г. Царицино Саратовской епархии. Основан в 1903г. по
 благословению епископа свщмч. Ермогена (Долганева)
 Свято-Троицкая Сергиева Лавра, основана в 1340 г. преподобным Сергием Радонежским
 и его братом Стефаном. Статус Лавры с 1744 г.
 Свято-Успенский монастырь в Александрове, основан преподобным Лукианом в 1651 г.
 Свешников переулок, в Москве
 Селигер, озеро
 «Северная Оптина», так именовали Зосимову пустынь в народе
 Седмиезерная пустынь в честь Вознесения Господня в Казани, основана 1613 г.
 Сергиев Посад, город
 Сергиево-Посадский район Московской области
 Сергиевский скит Калужской епархии в урочище Боровой лес, основан 1907г.
 Сергия Радонежского храм на Большой Дмитровке в Москве, разрушен
 Средниково, деревня Осташовской волости Волоколамского уезда Московской губернии
 Серпухов, город
 Сиговка, хутор Толстых в Тверской губ.
 Симеона Столпника храм за Яузой рекой в Москве, основан в 1600 г. Борисом Годуновым
 Симонов в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь, основан около 1379 г. в
 Москве
 Скорбященская церковь, в Твери (Храм в честь иконы Пресвятой Богородицы Всех
 Скорбящих Радость) построен в 1792г. по проекту арх. Львова.
 Смоленск, город
 Смоленская губерния
 Снегири, железнодорожная станция под Москвой
 Солигалич, город
 Соловецкая пустынь Симбирской епархии, основана в XVII в.
 Солянка, улица в центре Москвы
 Сорокотяки, село Тарасчанского уезда Киевской губернии
 Софрино, железнодорожная станция в Московской области Ярославского направления
 Спасский мужской монастырь Казани, Основан 1625 г.

Сретенский монастырь, в Москве XIVв., основан в честь сретения (встречи) Владимирской иконы Божией Матери в 1395 г. при нашествии Тамерлана на Москву
 Сретенский храм, во Владимире в бывшей Солдатской слободе. Построен в 1807 г.
 Старица, город Тверской области
 Стоянец, село Тверской губернии
 Струнино, поселок Владимирской области
 Струнинский район
 Стряпково, деревня Вязниковского уезда Владимирской губернии
 Суздаль, город
 Сунгари, река
 Сухарева Башня, сооружена в Москве в 1692–1695 гг. (архитектор М. И. Чоглоков) по инициативе Петра I близ слободы стрелецкого полка Л. П. Сухарева, ворота Земляного города.
 Сходня, железнодорожная станция в границах современной Москвы, названная по одноименной реке.
 Таганская тюрьма, сооружена в 1804 г. по указу Императора Александра I-го.
 Тамбовская губерния
 Тарасчанский уезд
 Татарки, станция под Омском
 Тверь, город
 Тверская губерния
 Тверская (Горького), улица в Москве
 Тимошино, деревня Клинского района Московской области
 Титовское, село в Подмосковье
 Тихвинской иконы Божией Матери храм (XVII в.), ул. Церковная горка в Москве.
 Толгский монастырь, мужской монастырь в окрестностях Ярославля на правом берегу Волги, при впадении иссякшей ныне речки Толги. Основан в 1314 г. на месте явления одноименной иконы Божией Матери.
 Трифона святого мученика церковь, в Москве в Напрудном построена ок. 1492 г.
 Троицкая улица, в Москве
 Троице-Голенищево, деревня Кунцевского района Московской области
 Троице-Лыково, деревня Кунцевского района Московской области
 Троице-Одигитриевская Зосимова пустынь. Основана в 1826 г. Зосимой (Верховским) под Москвой
 Троице-Сергиева Лавра, основана преподобным Сергием Радонежским в середине XIV века
 Троицкая церковь в Кожевниках, в Москве, построена в 1685–1689 гг.
 Троицкий монастырь, в Ельце, взорван в 1969 г.
 Троицы Живоначальной собор Данилова монастыря, построен в 1833–1838 гг., архитектор О.И. Бове
 Тухонов луг, владения, пожертвованные Зосимовой пустыни Е. В. Барбашевой
 Тула, город
 Тульская губерния, область
 Ульянина (Ульянина) пустошь
 Уральская область
 Успенский собор, московского Кремля, архитектор Аристотель Фиораванти, построен в 1479 г.
 Федотово, деревня Калужского района Московской области
 Федоровка, сельцо Каширского уезда Тульской губернии
 Федосьино, деревня Кунцевского района Московской области
 Фроловская церковь в городе Кашире, основана XVII в.

Харитоньевский переулок в Москве
Харьковская губерния (область)
Хлебниково, поселок Московской области
Христа Спасителя, храм в Москве, построен в 1837–1883 гг. по проекту архитектора К. А. Тона на месте бывшего Алексеевского монастыря
Христорождественская церковь села Погорелки Борисоглебского района Ивановской Промышленной области
Царство Польское
Ченцово, село Тарусского района Тульской области
Черниговско-Гефсиманский скит, пещерный скит Троице-Сергиевой Лавры устроен в 1844 г.
Чистые пруды, район бульварного кольца Москвы
Чудов монастырь, основан в XIV веке святителем Алексием, митрополитом Московским на территории Московского Кремля; разрушен
Чухлома, город Костромской губернии
Чухломское озеро
Ши(а)баново, деревня Псковского уезда, Псковской губернии
Эстляндия, историческое название севера Эстонии
Юрьево, село под Дмитровом Московской области
Языковка, сельцо Новосельского района Тульской губернии
Япония
Ярославская губерния (область)
Яуза, река
Яузский бульвар в Москве

Слово благодарности

Эти прекрасные люди, имена которых вы прочтете ниже, оказывали помощь в сборе материалов, искали сведения о зосимовских старцах, принимали участие в распечатке материалов...

Афанасий, игумен, — настоятель храма Святителя Афанасия (Петушки);
Сергей Хрисанов, мастер церковный утвари, художник; **Ольга Александровна Корина**, директор дома-музея П. Д. Корина; **Татiana**, краевед, прихожанка храма Живоначальной Троицы на Пятницком кладбище; **Виктор Петрович Троицкий**, сотрудник Дома-библиотеки А.Ф. Лосева; **Алексей Плотников**, солдат; **Николай Колмогоров**, солдат, ныне иеромонах Пафнутиевского монастыря в Боровске; **Максим Игоревич Кишкин**, предприниматель; **Николай Сутормин**, актер, режиссер;

Татьяна Алексеевна Бирюкова, работник архива; **Кирилл**, игумен —
благочинный Свято-Рождественского монастыря (Владимир);

Диамара Чичаковна Нодия, сотрудница ГАРФ; **Марина Викторовна
Кондакова**, православная; **Алексей Львович Беглов**, историк,
писатель;

Игорь Владимирович Гарькавый, журналист, директор мемориального
центра «Бутово» при храме Новомучеников и Исповедников российских;
Софья Александровна Мизиано, врач; **Мария Александровна Титова**,
психолог; **Екатерина Тимофеевна Кузьмина**, **Сергей Николаевич
Тихонов**, **Николай Иванович Баканов**, жители села Мордыш
Суздальского района Владимирской области; **Светлана Николаевна
Романова**, **Галина Николаевна Гринь**, **Ирина Николаевна Канурская**,
региональный общественный фонд «ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВ И
ИСПОВЕДНИКОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»; **Петр
Яковлевич Шейманидзе**, летописец Высоко-Петровского монастыря;
Виктор Лобанов, офицер, прихожанин Зосимовой пустыни; **священник
Георгий Ульянов**, Настоятель Покровского храма в селе Кикино
Дмитровского района Московской области; **Ирина, Алексей и Наталья
Катеневы**, паломники Зосимовой пустыни; **Мария Ефимова**,
иконописец; **Галина Михайловна Отрещенко**, краевед; **Ольга
Сергеевна Четверухина**, православный писатель, внучка прп. Илии;
Лариса Владимировна Сорокина, правнучатая племянница
архимандрита Давида; **Валериан Кречетов**, протоиерей, настоятель
Покровского храма с. Акулово Московской обл., старший духовник
Московской епархии; **Галина Ивановна Феногенова**, зав. отделом
периодики Государственной публичной исторической библиотеки.
*Особая благодарность бывшему эконому Зосимовой пустыни, ныне
Александровскому благочинному, настоятелю Свято-Лукиановой
пустыни, игумену Тихону.*

Низкий вам поклон, дорогие отцы, братья и сестры!
Да воздаст вам Господь за труды ваши и бескорыстную помощь, за
потраченные силы и время, за любовь и преданность Зосимовским
праведникам!

Замечания и отзывы о книге просьба направлять по адресу: 601604
Владимирская область Александровский район п/о Плеханы, монастырь. А также по
телефону 8 916 4941995, e-mail: hadjiuri@mail.ru — монаху Аристоклию. С молитвенной
благодарностью будут приняты все сведения и материалы об истории Зосимовой пустыни
и ее насельниках.